Альберт Кайков

В угодьях ХАНТОВ

А. КАЙКОВ

В УГОДЬЯХ ХАНТОВ

В ВАСЮГАНСКИХ БОЛОТАХ

1

Васюганские болота раскинулись на тысячи километров в Западной Сибири, в междуречье Оби и Иртыша. Они занимают часть территории Томской, Новосибирской, Омской областей и Ханты-Мансийского автономного округа. Среди многочисленных болот и озёр на гривах растут труднодоступные хвойные леса, преимущественно кедровые. Здесь разведаны огромные запасы нефти и газа, ведется интенсивная их разработка. Разнообразна и многочисленна местная фауна, встречаются редкие виды животных.

Валентин Петров, оказавшись на нефтепромыслах месторожденья Оленье в Васюганских болотах, полюбил этот суровый край. Он напоминал ему родину – Туруханскую тайгу. Куда ни глянь – простираются бесконечные болота, чередующиеся с массивами леса. Всё свободное время Валентин проводил в походах по незнакомой местности, изучая окрестности. Ему казалось, что там не ступала нога человека, чувствовал себя первооткрывателем. Передвигаться старался бесшумно по звериным тропам. Его окружали вековые кедры с развесистыми вершинами. Тропа иногда выходила на солнечные поляны, заросшие брусничником. Валентину казалось, что он попал в сказочный мир. Белки часто, перепрыгнув с ветки на ветку, безбоязненно смотрели на него. Кедровки, ссорившиеся в кроне кедра, при его приближении перелетали на соседнее дерево. Иногда с кедра срывался глухарь и низом, виляя между стволами деревьев, улетал прочь. Порой Валентин думал, что за очередным поворотом тропы откроется поляна с избушкой Бабы Яги. Его удивлял этот чудный уголок природы. Пожары щадили лесные массивы среди бесконечных болот. Могучие кедры, отжив свой век, лежали у тропы, продолжая служить укрытием для мелких зверушек. Порой ему казалось, что его душа освобождалась от всех бытовых забот и сливалась воедино с окружающей природой. Он каждой клеточкой своего организма чувствовал знакомую с детства жизнь тайги.

Перед непогодой лиственный лес шепотом листьев предупреждал о приближающихся изменениях в природе. Хвойные деревья издавали звуки, напоминающие шипение змеи, предупреждая об опасности. Комары устраивали концерт, от которого стоял звон в ушах. На небе только начинали появляться первые хмурые тучи, а муравьи уже спешили в одну сторону – к муравейнику.

Тайга порой раскрывала ему трагедии, происходящие в ней, которые запомнились на всю жизнь. В одном из походов перед ним промелькнул соболь, в зубах которого билось живое существо. Следом за ним прыгала белка, перелетая с дерева на дерево. Он подумал, что, видимо, соболиха утащила у белки детёныша для своих соболят и обезумевшая мать бросилась за ней в погоню.

В другом походе вдоль речушки Моховой увидел на поляне черепа двух лосей, очищенные до белизны временем и дождями. Они были сцеплены рогами, которые имели по двенадцать отростков. Он представил бой соперников, сцепившихся рогами и погибших, не добившись победы. Разбросанные кости свидетельствовали о пиршестве медведей и росомах.

Однажды тропа вывела Валентина на поляну, на которой человек брал бруснику. Он сидел на корточках, как хозяин у грядки, и аккуратно собирал ягоды, ссыпая их в берестяной туесок. Недалеко у валежины растянулся крупный щенок. Подойдя вплотную, Валентин поздоровался:

– Добрый день, Бог в помощь.

Ягодник слегка кивнул и продолжал заниматься своим делом, не поднимая головы. «Не хочет разговаривать и дает мне понять, чтобы я уходил», – подумал Валя. Мелкая дрожь рук ханта выдавала его волнение. Валентин первоначально хотел повернуться и уйти, бросив на прощанье обидные слова: «Чёрт узкоглазый». Какая-то сила удержала его, и он уселся на валежину рядом со щенком, достал пачку сигарет и предложил:

– Давай, покурим.

Хант приподнял голову, покачал ею в знак отказа и посмотрел на незнакомца. Его лицо, изуродованное шрамами, скрывало возраст.

Стараясь наладить контакт, Валентин продолжил разговор:

– Ты забираешься в такую глушь без ружья? Я часто на соседней гриве встречал косолапого.

Наконец хант заговорил:

– Это совсем молодой медведь. Еды ему много есть, люди ему не надо. Старый медведь плохой был, много вредный. Продукты у меня воровал, я его стрелял, он, раненый, меня царапал.

В подтверждение своих слов он провёл рукой по лицу, изуродованному шрамами, и продолжил сбор ягод. Своим внешним видом и речью он напоминал Дерсу Узала из одноимённой повести В.К. Арсеньева.

Валентин догадался, почему хант встретил его неприязненно – тот увидел на его плече ружьё и подумал, что встретил браконьера. В этот период года традиционно никто не охотится.

– Как звать тебя?

– Костя, – ответил хант и замолчал.

Валентин, вырос в тайге, неоднократно встречался с местными аборигенами, знал их обычаи: пришедшему гостю – первое слово. Стараясь расположить к себе ханта, начал рассказывать: «Я прихожу сюда на рыбалку к реке Моховой, и полюбоваться тайгой, не тронутой нефтяниками. Ружьё беру,

чтобы отпугнуть, как ты говоришь: «Старый плохой, много вредный медведь».

На лице Кости появилась улыбка. Валентин продолжал:

– А я думал, что в этом глухом уголке тайги никогда не появлялся человек. Здесь я встречал медведя, лосей и небольшой табун оленей.

При упоминании об оленях Костя оживился.

– Это мой Яшка со своими оленухами. Я когда зови, он беги ко мне. Я нашёл его около большой дороги, принес в избушку. Его мамку убили плохой люди. Чтобы он не помер, плавал в большую деревню на Васюгане. Купил много сухого молока, крупы манки. Варил кашу, кормил через соску.

Валентин представил, какую душевную травму можно нанести этому человеку, убив его любимого Яшку. Он даже вздрогнул, вспомнив, как несколько раз поднимал на него ружьё и останавливался от рокового выстрела. Олень не боялся человека, внимательно смотрел как на друга, а не на убийцу. У Валентина руки опускали ружьё, и он уходил.

Костя продолжал:

– Одно лето он ушёл далеко, долго я его ждал, вернулся, когда снег падал, не один – с оленухой.

– Я видел с ним двух оленух, – сказал Валентин.

– Второй белый матка – его дочка. Весной, наверное, обе родить будут.

– Костя, я сильно удивился, когда увидел тебя. По карте здесь нет никакого жилья.

– Это мой родовой промысловый участок, а на старом стойбище моего племени, на берегу Большого озера стоит моя избушка.

– Где это озеро?

– Совсем близко, прямо на север полдня пути.

– Разве там нет ягод?

– Ягод там много, здесь хорошо душа живи.

– Выходит, ты в лес, как и я, ходишь душой отдыхать?

– Может так, только мои предки и я никогда не бери с собой ружьё.

– Почему?

– Здесь рождается жизнь зверей.

– Выходит, что здесь твой заказник?

– Мои предки никогда здесь не стреляй.

– Теперь я понял, почему ты меня встретил недружелюбно, увидев на плече ружьё.

Костя промолчал, слегка кивнув головой.

– Давай покурим, – второй раз предложил Валентин и протянул пачку сигарет. – Сюда я прихожу не только думать, как ты говоришь, но и любоваться этим чудесным уголком природы. Здесь царит покой, успокаивающий душу, забываешь обо всём земном. Ружьё беру для самообороны. Я не верю медведю доброму и плохому.

– Летом медведь сытый, человека трогать не надо.

– На прошлой неделе я брал чернику. «Хороший мишка» прогнал меня.

– Жадный он, – сказал Костя и рассмеялся.

На его лице шрамы от медвежьих когтей стали багрово-синими. Насмеявшись вдоволь, произнёс:

– Вот шайтан.

Хант достал из кармана самодельную трубку с длинным мундштуком, разломил сигарету и стал набивать табак в чубук.

– Возьми остальные сигареты себе, – предложил Валентин.

– Мне курить дорогой нельзя, можно искрой пожар делать.

Перед Валентином сидел человек невысокого роста, сухощавый, со смуглым цветом кожи и плосковатым лицом с широкими скулами. Короткий широкий нос, вдавленный на переносице, был задорно вздернут. Тёмные прямые волосы растрёпаны. Чёрные глаза правильно прорезаны.

Во время беседы у Валентина созрело непреодолимое желание побывать в родовом стойбище Кости, увидеть озеро, о котором тот упоминал. Не надеясь на положительный ответ, спросил:

– Можно я приду к тебе в гости?

Хант улыбнулся и ответил:

– Я буду очень хорошо встречать. В эти дни буду на месте. Мне надо готовить дрова к зиме, чинить избушка. Росомаха сильно пакостил, пришёл на запах рыбы в избушка.

Валентин спешил в посёлок, ему предстояло в ночь заступать на дежурство. По дороге вспоминал разговор с хантом и думал, что встретил хорошего человека, который может оказаться другом. Его всегда восхищала в северных народах детская доверчивость и природная доброта.

До окончания вахты оставалось три дня, Валентин решил не улетать с бригадой домой, а остаться в посёлке нефтяников и посетить Костю.

– Володя, – обратился Валентин к приятелю, – если я задержусь, подмени меня, пожалуйста, на вахте.

– На охоту собрался?

– До начала охоты далеко, поеду в посёлок Катальга.

– Что там забыл?

– Надо купить продукты.

– Скоро улетаем домой, зачем тебе продукты?

– Я остаюсь.

– Как знаешь, конечно, подменю.

На пристани посёлка Катальга стояло два склада. Кладовщицы оказались на месте. Женщины дородные, не в меру упитанные, ходили, покачиваясь с боку на бок. За большие габариты и походку Валентин прозвал их «королевскими пингвинами».

– Милым королевам привет, – приветствовал он их.

– Валентин, мы тебя когда-нибудь поколотим.

Они знали, какими прозвищами он их окрестил.

– Пожалуйста, если догоните.

– С чем пожаловал?

– Надо отовариться на две недели проживания в тайге.

Кладовщица продала Валентину всё, что он просил. Сложив продукты в рюкзак, попросил две бутылки водки.

– Сухой закон, – ответила кладовщица, – вахтовикам не продаём.

– Я же не только вахтовик, а еще и охотник.

– Ладно, уважу, – произнесла, улыбаясь, кладовщица и достала из-под прилавка бутылки. – Прячь скорее в свой рюкзак.

Другого отношения к себе Валентин не ожидал. Подаренные когда-то женщинам соболиные шкурки, сделали их к нему доброжелательными.

К посёлку Валентин подходил, когда солнце готовилось уйти за горизонт. Тучи, окрашенные его лучами в золото, просматривались между деревьями, создавая необыкновенную привлекательность. Он спрятал бутылки в дупло поваленного дерева, опасаясь, что приятели, увидев их, заставят выставить на стол. Люди, оторванные от семьи, к концу смены вахты становятся раздражительными и беспокойными. Лучшим лекарством, снимающим напряжение, была водка, но ее в посёлок нефтяников не завозили. Валентина такие недуги не беспокоили. Он всё свободное время проводил в многокилометровых прогулках с ружьем по окрестностям.

В день ожидаемого прилета вертолета со сменой вахтовиков, с раннего утра, моросил мелкий нудный дождик, предвестник наступления осени. Рабочие готовились к вылету домой, они торопились уложить вещи в рюкзаки. Всем хотелось скорее покинуть нефтепромысел и встретиться с семьями.

– Не спешите собираться, – произнес Виктор, – в такую погоду вертолет может не прилететь.

Его слова взорвали напряженную тишину в вагончике, и на него посыпались ругательства.

Валентин слушал перебранку и думал: «Чёрт меня дернул за язык напроситься в гости к ханту, улетел бы вместе со всеми домой».

Минутная слабость прошла. Он был человеком чести. Любое обещание всегда выполнял. Желание узнать о жизни Кости было сильнее, чем на две недели слетать домой.

Вертолёт прилетел с небольшим опозданием. Все рабочие очередной бригады гидронамыва Валентину были знакомы. Он со всеми поздоровался, рассказал бригадиру о состоянии дел на земснаряде и занялся ремонтом сетей.

В вагончик зашел повар прилетевшей бригады. В руках у него были две хозяйственные сетки с кефиром. «Какой заботливый», – подумал Валентин, продолжая чинить сеть.

– Валентин, – произнес бывший прапорщик, – будешь сдавать деньги на закупку продуктов для общего котла?

– Не буду, я уже купил всё, что мне надо.

– Неужели будешь сидеть в сторонке от бригады и есть свои продукты?

– Завтра ухожу в тайгу.

– Тогда другое дело. Давай выпьем кефира за встречу.

Повар достал из сумки литровый тетрапак, открутил пробку, налил в кружки кефир и произнёс:

– Будем здоровы, – и залпом выпил.

Валентин сделал глоток и задохнулся. В кружке оказался спирт, разбавленный кефиром. Отдышавшись, сказал:

– На твоём довольствии можно ноги отбросить, я лучше буду в лесу как медведь сосать лапу, чем пить эту гадость.

Повар улыбнулся удавшейся проказе.

Валя вспомнил, что прапорщик был уволен из армии за пристрастие к спиртному. От этой привычки не избавился, нашёл способ проходить досмотр при посадке в вертолет, перевозя спиртное в таре из-под кефира.

Настроение Валентина улучшилось, когда вышел на крыльцо. Сплошная облачность рассеялась, по небу плыли рваные тучи, между которыми проглядывало солнце.

Чуть забрезжил рассвет, Валентин уже был на ногах. Утро обещало хорошую погоду, ветер стих, небо очистилось от туч, только белая луна с чёткими очертаниями морей спокойно смотрела на землю. Он готовился в дорогу. По его расчётам до избушки Кости было не менее двадцати километров. Около него крутились собаки, готовые сопровождать в пути. Ему пришлось их посадить на цепь. В это время года выводки глухарей и тетеревов еще не поднялись на крыло, и собаки могли губить молодняк.

Повар гремел кастрюлями в своем вагончике, Валентин заглянул в приоткрытую дверь и попросил:

– Олег Васильевич, отвяжи собак после обеда.

– Добро, – ответил повар и продолжал заниматься своим делом.

Накинув рюкзак на плечи, Валентин бодро зашагал из посёлка к трассе, проложенной по гриве, заросшей кедрово-сосновым лесом. Он решил не ходить напрямую по тайге, а сделать небольшой крюк по бетонной трассе. Легко шагая по твёрдой дороге, постоянно всматривался в придорожный лес, надеясь увидеть копытных животных или боровую дичь. Это отвлекало его от мыслей о тяжелом рюкзаке. Трасса, проходящая между речек Моховой и Мохной, вывела к болоту, через которое ровной лентой строго на север пролегла дорога к нефтяным промыслам. Валентин направился по ней. На болоте росли редкие чахлые берёзки и сосенки, виднелись небольшие блюдца воды. Большую часть площади покрывали кочкарники, заросшие осокой, и моховые участки с карликовыми березками и ивами.

Пройдя около часа по унылой местности, Валентин почувствовал тяжесть рюкзака и присел на обочину перекусить. По его прикидкам здесь следовало свернуть с дороги и двигаться через болото на восток, чтобы выйти к большому озеру, о котором говорил хант.

Поднявшись на ноги и накинув на плечи рюкзак, Валентин услышал гул автомашины, приближающейся к нему. Около него остановился КрАз, гружёный буровым оборудованием. Водитель выглянул из кабины и спросил:

– Подвезти?

– Спасибо, мой путь через болото.

– Что ты там потерял?

– Ищу стойбище хантов. Ты, случайно, не знаешь, где оно находится?

– Не знаю. Видел небольшое стадо оленей, но людей поблизости не было.

– Может быть, знаешь, где находится большое озеро?

– Извини, не знаю.

Водитель простился и поехал своим маршрутом. Валентин подумал: «Только на севере шофер никогда не проедет мимо одинокого путника». Спустившись с трассы, он направился через болото на восток. Болотом назывался огромный участок местности, на котором среди кочкарника, заросшего осокой, встречались озерца, лужи, моховые болота. Вода занимала большую часть территории. Определить направление движения большёго труда не составляло. На небе светило солнце. Ветви всех низкорослых деревьев, в основном засохших, росли с южной стороны и тянулись к солнцу. Валентин всегда считал болота малообитаемыми. Прошагав три часа, изменил своё мнение. Оказалось, что болото имело разнообразный животный мир. На небольших озерках плавали выводки уток. Он узнал шилохвостей и чирков. По берегам небольших водоёмов ходили кулички. С кочек из-под ног часто прыгали лягушки. На кочке, покрытой мхом, увидел крупную лягушку, располневшую, как купчиха, на обильном корме. На другой кочке лежала свернувшись калачиком змея, принимая солнечные ванны. Перед ним часто срывались бекасы и, виляя в полёте, уносились от нарушителя их покоя. По пути встречались выводки глухарей и тетеревов. Здесь самки глухарей и тетёрки в труднодоступных местах спасали своё потомство от хищников. Часто попадались маленькие серенькие птички, похожие на мухоловок. Заслышав шум шагов, они начинали щебетать, как будто бы обменивались мнением о происшествии. Затем сразу все поднимались в воздух и улетали.

Солнце давно перевалило за полдень, оно уже не грело как днём. Увлекшись наблюдениями, Валентин не заметил, что светлого времени осталось немного. Остановившись, почувствовал, что ноги устали идти по мягкому болотному покрову. Его одолело сомнение: было ли выбранное направление движения правильным. По времени он уже должен был дойти до озера. Оставаться ночевать среди кочек в болоте не хотелось. Здесь трудно найти дров для хорошего костра. Ещё с трассы он видел правее от своего маршрута чёрную полосу леса. Долго не раздумывая, повернул на юго-восток, чтобы выбраться из болота. Не пройдя двух километров, увидел перед собой сосново-кедровый лес. Поднявшись на гриву, почувствовал запах костра. В просветах между деревьями виднелось озеро. Его охватила радость, душа встрепенулась, сердце учащённо забилось. Через несколько сот шагов перед ним открылось широкое таёжное озеро. Оно врезалось своей гладью в вековую тайгу. Грива, на которой он стоял, отделяла бесконечные болота от озера. В левом углу озера стояла избушка, около которой горел костер. Послышался лай щенка, учуявшего человека. Валентин направился к избушке по тропе, натоптанной вдоль озера. Ему навстречу спешил Костя.

В это время солнце скрылось за деревьями, на поверхность озера легли длинные тени, сразу стало сумрачно и прохладно.

Костя подбежал к Валентину и протянул руку для рукопожатия. Его губы расплылись в улыбке, глаза сияли радостью. Не соблюдая традицию народов

севера (гостю – первое слово), он затараторил, перемешивая русские и хантыйские слова.

На небольшой поляне между урманом и озером стоял промысловый домик, срубленный из бруса. В советское время госпромхозы заботились о добытчиках мягкого золота и завозили брус вертолётами в труднодоступные уголки тайги. Недалеко протекал ручей. При подходе к дому щенок встретил гостя лаем. Костя спокойно на своём языке произнёс несколько слов, и щенок, поджав хвост, отошёл в сторону и замолчал.

Место, где стоял домик, показалось Валентину удобным и уютным. Он спросил:

– Здесь стояло старое стойбище?

– Нет, оно стояло у залива.

– Почему же тогда твоя избушка стоит здесь?

– Плохая примета ставить новое жильё на пепелище. Завтра я покажу тебе, где мы жили раньше. Это совсем близко.

Валентин снял с плеч тяжелый рюкзак, положил его около крыльца и, не выпрямляясь из полусогнутого положения, зашагал к костру. Усевшись на чурку поближе к огню, посмотрел по сторонам и начал снимать болотные сапоги. Пришлось приложить немало усилий, чтобы вытянуть ноги из сапог с отсыревшими портянками. Повесив портянки сушиться, вытянул уставшие ноги и почувствовал приятное облегчение.

Тем временем Костя суетился у костра, подправил догорающие дрова и подбросил новых. Ему хотелось угодить своему гостю. Затем побежал к ручью, принёс котелок с водой и повесил над костром. Вновь побежал к ручью, достал из воды садок, в котором бились крупные окуни. Вынул двух, быстрым движением ножа распорол животы, засунул в разрез два заскорузлых пальца и вынул жабры вместе с внутренностями. Насыпал внутрь по щепотке соли, воткнул через рот ивовые ветки и поставил их около костра, наклонив к жару. Из избушки принёс ленты сушёного медвежьего и лосиного мяса, бросил их в котелок с кипящей водой. Затем вновь сходил в избушку и принёс небольшой пучок травы и кореньев, которые добавил к мясу. В воздухе запахло ароматом слегка подкопченного мяса.

Валентин проглотил скопившиеся во рту слюни, поднялся на ноги и босиком зашагал к рюкзаку.

– Костя, хватит тебе метаться, как соболь, загнанный собакой на дерево. Принеси две кружки, – произнёс Валентин и достал из рюкзака бутылку водки.

Хант пришёл в восторг, как ребёнок, увидевший новую игрушку.

– Вот это друга, вот это друга, – произнес он несколько раз.

Валентин разлил полбутылки водки в две кружки, и они выпили без тоста, закусив окунями. Костя сидел, не шелохнувшись, сосредоточенно смотрел в костёр и о чём-то думал. Он был невысокого роста, худощав, с чёрными давно не стрижеными волосами, одетый в старую, давно выцветшую одежду. На ногах – ичиги из лосиной шкуры. Жилистая шея, лицо со шрамами, прищуренные глаза делали его похожим на изваяние.

После долгого перехода и состоявшейся встречи Валентин почувствовал душевное умиротворение. По телу разлилась приятная истома. Горящий костёр, озеро, чёрная полоса леса на противоположном берегу водоёма напомнили ему картину далёкого детства.

Костя снял с огня котелок и выложил мясо на берестяную пластину. Затем нарезал его на небольшие кусочки. Аромат мяса и неизвестных Валентину трав возбуждали аппетит. Он взял кусок лосятины и, откусив кусочек, начал жевать. Мясо оказалось жестковатым. Тогда он зачерпнул кружкой из котелка бульон и стал им запивать разжеванное мясо.

Солнце скрылось за вершинами деревьев, с озера потянуло прохладой. Валентин не стал нарушать раздумья ханта, тихонько поднялся и пошёл в избушку. Поставил рюкзак у дверей и осмотрелся. В избушке стояла печь-буржуйка, грубо сколоченный столик из тесаных жердей и три лежанки. Две застелены оленьими шкурами, третья – медвежьей. На полу лежала грубо выделанная шкура крупного лося. Она захрустела, когда Валентин наступил на неё.

Вернувшись к костру, Валентин застал Костю поправляющим костёр.

– На какой лежанке мне устраиваться спать?

– Какой нравится.

– А на какой лежанке спишь ты?

– Когда дождь нет, у костра спать надо, – ответил Костя и показал рукой на лапник, расстеленный рядом с костром.

– Комары на улице спать не дадут.

– Какой комар? Сетка есть. Костёр есть.

Костя имел в виду накомарник, который надевал перед сном.

Валентин присел на свое место, нарезал принесённый хлеб, налил в кружки понемногу водки. После выпитой порции Костя захмелел и заговорил на родном языке. Валентин ничего не понимал и стал прислушиваться к голосам птиц, доносящимся с озера. Вскоре усталость сморила его, он поднялся и поплёлся в избушку. Стоило ему лечь на медвежью шкуру, как его моментально принял в свои объятья крепкий сон.

Проснулся Валентин от голоса Кости, который с кем-то задушевно разговаривал около костра. Говорил довольно громко на русском языке. До Валентина донеслись слова: «Скоро проснется гость, и я буду тебя угощать». «С кем, интересно, хант разговаривает», – подумал Валентин и выглянул в окно. Его изумила увиденная сцена, и он замер у окошка.

Костя сидел на подстилке из пихтового лапника у затухающего костра. Рядом стоял его любимый Яшка, положив широкую морду на плечо хозяина, который гладил его по шее. В стороне стояли две оленухи.

Валентину не хотелось нарушать эту идиллию, и он продолжал слушать разговор ханта с оленем. Вскоре понял, что Костя разговаривает громко, чтобы разбудить его. Тогда подошёл к двери и, открыв её, крикнул:

– Я не сплю.

Костя зашел в избушку, насыпал на кусок брезента соли из мешка, стоящего в углу, и отнёс её оленям, которые с удовольствием стали подбирать

соль с брезента. Молодая оленуха крутилась около взрослых оленей и не решалась попробовать их лакомство. Подождав, когда олени подберут всю соль с брезента, хант проводил их по натоптанной ими тропе. Он шёл рядом с Яшкой и гладил его по спине.

Валентин вышел из избушки. Солнце еще не успело подняться над горизонтом, озеро окутал туман. Он начал вслушиваться в звуки, доносящиеся со всех сторон. На востоке начала разгораться заря, охватывая заревом вершины деревьев. Природа оживала от ночного покоя, с озера неслись звуки водоплавающих птиц, возвещающих о своем пробуждении. Среди этих звуков выделялся громкий голос гагары. У берега послышалось хлопанье крыльев по воде и кряканье утки. Видимо, кряква уводила свой выводок из прибрежной осоки на воду. Неожиданно на озере раздался громкий всплеск воды. Костя выругался:

– Шайтан! Большой щука гоняй утят.

– Как ты догадался?

– Зачем догадался, уши есть – слушай. Один раз он схватил ондатру за хвост.

– Чем схватка закончилась?

– Оба утонул.

Валентин не стал спорить и разубеждать ханта, что щука не могла утонуть. Костя хлопотал у костра, поправляя дрова. Ему постоянно попадался под ноги щенок, которого он грубо отчитывал на своём языке. Когда еда поспела, он пригласил гостя завтракать. Валентин поднялся с чурбака, на котором сидел, и пошёл в избушку. В это время раздался вновь крик гагары. Валентин вернулся из избушки с бутылкой, в которой с вечера оставалась недопитая водка. Глаза Кости засветились радостью, с улыбкой на губах произнес:

– Какой шайтан, ты меня вчера обманул?

– Много пить водки вредно.

– Не зря гагара кричала, сегодня будет хороший день.

Валентин не стал уточнять, к чему относятся слова ханта – к погоде или к выпивке. Разлил водку в кружки, услужливо протянутые Костей. Себе налил значительно меньше, чем Косте. Выпили без тоста и стали закусывать.

Щенок сидел рядом у костра. Валентин протянул ему кусочек хлеба, но тот не тронулся с места.

– Аяш, – обратился Костя к щенку и сказал ему что-то на своём родном языке.

Щенок подошел к Валентину и осторожно, словно делая одолжение, взял в зубы кусочек хлеба. С достоинством отошёл в сторону, лёг на живот, зажал хлеб передними лапами и стал понемногу откусывать.

– Что означает кличка Аяш?

– Красивый, – коротко ответил Костя.

После выпивки и хорошей закуски Костя не проявлял желания идти с Валентином показывать старое стойбище своего рода. Валентин этому был рад, ему хотелось обойти озеро по периметру и осмотреть окрестности.

Солнце уже поднялось над вершинами деревьев, туман над озером начал рассеиваться. Валентин выпил кружку мясного бульона и стал торопливо одевать просохшую за ночь верхнюю одежду. Поднявшись от костра, он произнёс:

– Костя, я пройду вдоль озера.

Хант, держа в руке пустую кружку, пытался подняться с пихтовой подстилки, но ему это не удавалось.

– Оставайся дома и поспи, – предложил Валентин, закинул за спину походную сумку, повесил на плечо ружье и направился по тропе.

– Возьми Аяш с собой.

Валентин остановился и позвал щенка, Аяш продолжал лежать. Тогда Костя заплетающимся языком заговорил с ним. Пёс поднялся и побежал по тропе впереди Валентина. Щенок вел себя как настоящая промысловая собака. Периодически останавливался и прислушивался. Его неокрепшие уши поднимались, стараясь уловить посторонние звуки. Убедившись, что никакой опасности нет, оглядывался на спутника и продолжал бежать впереди него.

Зарождающийся день обещал быть солнечным и теплым. Утренняя роса лежала на траве и листьях деревьев. Комары и мошки ещё не поднялись в воздух. Без накомарника дышалось легко воздухом, насыщенным запахами леса и озера. Ноги ступали на мягкий торфяной покров, тянувшийся вдоль озера.

2

Озеро оказалось длиной около километра и шириной метров шестьсот. В южном направлении оно врезалось в хвойный лес, росший на невысоких гривах, а с северной стороны примыкало к болотистой местности, по которой пришёл Валентин. Когда тропа проходила близко к воде, из осоки выплывали выводки уток и устремлялись на средину озера, иногда с кормовых кочек с шумом прыгали в воду ондатры и исчезали в водоёме. Недалеко от берега плавал небольшой островок с поваленными сухими сосенками. Он, видимо, был оторван от торфяного массива. С него поднялась гагара и, быстро мельтеша крыльями, полетела низко над водой. «Не она ли утром возвещала хорошую погоду», – подумал Валентин.

Он внимательно присматривался ко всему окружающему, отмечал в памяти породы деревьев, кустарников и трав, встречающихся на пути; запоминал птиц в лесу и на воде.

Вскоре дорогу преградил ручей. Аяш посмотрел на спутника, смело бросился в воду и переплыл ручей. На противоположном берегу отряхнулся и, повернувшись к воде, всем своим видом давал понять: вот так надо преодолевать ручьи. «Вот хантыйский чертёнок, когда ты успел это постичь, видимо, тебе не раз приходилось переплывать ручей» – подумал Валентин и пошел искать удобное место для переправы. Пройдя метров тридцать вдоль ручья, увидел лежащее поперек него упавшее дерево. На его стволе не было ни единой ветки. Валентин срубил высокое деревцо, сделал из него жердь, закинул ружье на спину и, как канатоходец, перешел по стволу дерева на

противоположный берег ручья. В ручье заметил стайки небольших окуней, мелькавших яркими плавниками. Его охватило непреодолимое желание порыбачить. «Может здесь водятся такие же крупные окуни, какими меня угощал Костя?», – подумал он и достал из сумки кусок лески с крючком. Соорудить удочку для него дело не хитрое. Срубил длинную ветку тальника, обрубил боковые отростки, привязал леску, и удочка готова. Наживку долго искать не пришлось. Поймал оранжевого паута, усевшегося на щеку, и насадил на крючок. Затем по зыбкому берегу пошёл к устью ручья, ноги выше щиколотки проваливались в моховой покров, продавленные следы моментально заполнялись водой. Забросив леску в воду, заметил, что едва нажива коснулась воды, вокруг неё закипела вода. Леска быстро пошла в воду, удилище согнулось в дугу. Привычным движением удилища сделал подсечку и выбросил добычу под ноги. Окунь весом граммов триста запрыгал на мху, не давая взять себя в руки. Черные поперечные полосы и красные плавники сияли в лучах утреннего солнца. Валентин придавил рыбу ногой и осторожно взял в руку. Крючок был проглочен так далеко, что через рот вынуть его не представилась возможным. Ему пришлось отрезать голову окуня ножом и вынуть крючок из горла. Для наживы отрезал боковой плавник с кусочком мяса. Затем заменил на удочке крючок на другой, более крупного размера, насадил на него плавник и забросил леску в воду. Едва наживка касалась воды, к ней наперегонки бросалось несколько хищников. Вскоре у ног Валентина в воде, выступившей через мох, билось несколько десятков красавцев окуней. Рыбалка походила на перекладывание рыбы из воды на мох.

Аяш, спокойно лежавший в стороне, подбежал к Валентину и громко залаял. Оглянувшись, Валентин увидел чёрную с пятнами змею, подползающую к рыбе. Аяш подскочил к ней и намеревался схватить. Опасаясь, что щенок может получить укус, Валентин наступил на змею ногой в болотном сапоге. Змея, прижатая к мягкому моховому покрову, качала головой с одной стороны сапога и извивалась длинным туловищем с другой стороны. Первым желанием Валентина было достать охотничий нож и отрезать ей голову. Привычка бережного отношения ко всему живому в природе остановило этот порыв. Он нагнулся, взял двумя пальцами змею около головы и поднял на вытянутой руке. На него смотрели холодные чёрные глаза, из открытого рта на верхней челюсти торчали два зуба. «Вот этими зубами змея наносит раны своим жертвам и выпускает в них яд», – подумал Валентин и бросил гадюку в воду. Ударившись о воду, змея приподняла голову и поплыла на противоположный берег, извиваясь туловищем.

Валентин подошёл к Аяшу и стал его гладить. Кожа пса вздрагивала при прикосновении. Видимо, он не был приучен к такой ласке.

– Не дрожи, дорогой, ты мне нравишься, давай будем дружить, – разговаривал Валентин с собакой.

Аяш внимательно следил глазами за спутником, не понимая его речи. Валентин стал гладить его голову, повторяя одно слово:

– Молодец, молодец. . .

Когда перевёл взгляд с собаки на рыбу, лежащую у его ног, то ужаснулся. «Зачем мне столько рыбы, – подумал он, – вот к чему приводит азарт или жадность». Он отобрал несколько самых крупных окуней и положил в сумку. Остальных бросил в воду, они, вильнув хвостами, ушли в глубину ручья.

Солнце уже поднялось высоко над вершинами деревьев, отражаясь от поверхности озера, слепило глаза. Комары пением сообщали, что проснулись и проголодались, мошки без предупреждения лезли в глаза. Валентин вынужден был опустить сетку накомарника на лицо. Он намотал леску на конец удилища, отломил его, положил в сумку и продолжил путь вокруг озера.

Тропа шла по южной стороне озера. На высоком берегу росли могучие кедры, их кроны не пропускали солнечные лучи вглубь урмана. Стояла угрюмая таинственная тишина. Даже не было слышно пения птиц. Иногда кедры росли у кромки обрывистого берега, и их ветви висели над водой. Валентин подумал: «Если вода подмоет берег, деревья-великаны могут свалиться в озеро». Ему стало жаль старожилов этих мест. Громкий всплеск под берегом заставил его вздрогнуть и схватиться за ружьё. Через некоторое время, метров в тридцати от него, из воды показалась голова бобра, который удивил и озадачил Валентина. «Что здесь делает этот путешественник?», – подумал он. – Поблизости нет лиственного леса. Вероятно, это разведчик, отправившийся на поиски новых мест для поселения».

Обходя озеро по периметру, Валентин несколько раз останавливался и гладил Аяша, приручая к себе и приучая к русской речи. Проходя по северному болотистому берегу, он обратил внимание на большой куст тальника. Ему показался куст очень знакомым. Появилось непреодолимое желание подойти и заглянуть внутрь. Там лежала автомобильная камера, с которой он ставил сеть весной. «Как же я не догадался, что рыбачил на этом озере», – подумал Валентин. Он попытался увидеть избушку на противоположном берегу, но её не было видно.

3

Валентин до мелочей вспомнил весеннюю рыбалку.

В погожий жаркий день он шёл по трассе, проложенной из железобетонных плит среди кедрового леса. Перед ним бежал щенок по кличке Пушок, который был постоянным спутником Валентина в странствиях по тайге и болотам. Впереди показался КрАЗ, с большой скоростью мчавшийся навстречу. Неожиданно автомашина завиляла и перевернулась на бок в болото у обочины дороги. Из кабины вылез водитель, посмотрел на результат своей оплошности и пошёл навстречу Валентину. Поравнявшись, вместо приветствия спросил:

– Далеко до поселка Оленьего?

– Километров двадцать.

– Что случилось? – спросил Валентин.

– Чёрт попутал, – ответил тот, – надо идти за краном.

Подойдя к месту аварии, Валентин увидел валяющиеся в болоте задвижки и фланцы, а на обочине – задавленного зайца, который подавал еще признаки жизни. «Тебя не чёрт попутал, – подумал Валентин о водителе, – а Бог наказал за браконьерство». Погибшей оказалась зайчиха с шестью крупными зайчатами в утробе. Посылая в адрес шофёра ругательства, Валентин выпотрошил тушку и положил в холодную воду болота, чтобы забрать на обратном пути.

Пробираться к озеру пришлось через моховое болото, на котором росли редкие сосенки. Вытянувшись на три-четыре метра, они засыхали на корню. Здесь было царство комаров, лягушек и змей. Лягушки постоянно прыгали из-под ног в воду, а змеи, свернувшись в клубок, на кочках принимали солнечные ванны.

Озеро примыкало к болоту и вытянулось в глубь хвойного массива. Противоположный холмистый берег покрывал кедрач.

Разыскав в кустах надутую камеру от колеса КамАЗа, Валентин выплыл на озеро и проверил сети. Улов был хорошим. Каждый из окуней весил около килограмма, и рюкзак едва вместил всю рыбу.

На обратном пути он заметил, что на кочках стало меньше змей. С озера тянул слабый холодный ветерок. «Видимо, они чувствуют перемену погоды и заползли в укрытия», – подумал Валентин. Выбравшись на край трассы, снял рюкзак и решил отдохнуть, дожидаясь попутного транспорта. Дорожные плиты нагрелись от яркого солнца и приятно грели бок растянувшегося на них Валентина. Проснулся от яростного лая Пушка. Открыв глаза, увидел под своим боком змею, свернувшуюся клубком и издающую слабое шипение на нападающую на неё собаку. Собравшись с духом, вскочил на ноги. Щенок моментально схватил змею поперек туловища. Она изогнулась и ужалила его в нос. Выпустив её из пасти, он затряс головой, а Валентин наступил сапогом на рептилию. Нос Пушка распухал на глазах. Попытки хозяина выдавить яд из двух ранок приносили щенку дополнительную боль. Он вырвался из рук, побежал к лесу и стал поедать какую-то траву. Хозяин последовал за ним, стал рвать листья и голубые цветочки неизвестного ему растения, растирать и прикладывать к носу щенка. Позже он узнал название целебной травы. Это была вероника болотная из семейства подорожниковых, которую иногда называют «змеиной травой». Когда они добрались до дома, аккуратный маленький нос щенка распух до ушей и стал похож на бульдожий.

К счастью, для собаки и её хозяина эта история закончилась благополучно, и в дальнейшем Пушок ещё не раз выручал Валентина в его охотничьей жизни.

4

Недалеко от избушки, Валентин подошёл к заливу, вдавшемуся в сушу. Его берега покрывал лиственный лес, среди которого выделялись черемухи и рябины, ветки которых гнулись под тяжестью урожая. В залив впадал неширокий ручей, берега которого заросли калиной и другими кустарниками. Кроны деревьев склонялись над ручьём, смыкая свои кроны. «Как в джунглях», – подумал Валентин, перебираясь по воде на другой берег. Он прошёл несколько сот метров вверх по ручью. Здесь берега ручья широкой полосой покрывал краснотал. Всюду

виднелась разрытая медведем земля в поисках корней растений. Дальше от берега среди лиственного леса встречались чахлые сосны и кедры. Ещё дальше тянулась полоса пихтового стланика, от которого исходил приятный хвойный аромат.

Солнце уже стояло высоко над горизонтом, и Валентин повернул в сторону избушки. На пути встретилась поляна, заросшая шиповником, кусты которого достигали его роста. Ветки, увешенные крупными продолговатыми темно-бордовыми плодами, цеплялись колючками за одежду и накомарник. На краю поляны он споткнулся о валежину. Присмотревшись, увидел бревно, наполовину вкопанное в землю. «Видимо, здесь когда-то располагалось стойбище хантов», – подумал Валентин и заспешил к стану.

Костя стоял спиной к костру и, переминаясь с ноги на ногу, смотрел в сторону, куда ушёл Валентин. «Ждёт моего возвращения», – подумал Валентин. Аяш подбежал к хозяину и ткнул его носом в ногу. Костя вздрогнул и обернулся.

– Вот шайтан, как ты тихо ходи.

В его лексиконе слово шайтан означало и ругательство, и похвалу.

– Кто шумно ходит, тот мало видит, – ответил Валентин и вытряхнул из сумки окуней.

Костя возмутился:

– Зачем ты их лови? У меня всегда живая рыба в садке. Я лови только, сколько мне надо. Дохлую рыбу кидай на берег выдрам и норкам.

– На озере живёт бобр, – поделился Валентин своими наблюдениями.

– Вот шайтан, опять приходи, – выругался Костя, изменившись в лице, – вредный зверь, роняет в ручей большие деревья, перегораживает воду, губит тайгу. Его всегда надо убивать.

– На берегах озера нет для него еды, – Валентин пытался защитить бобра.

– Где стоит моя лодка, растут осины и тальники. Бобры делают много запруда, через который трудно лодка таскай.

По интонации разговора Кости чувствовалась его озабоченность появлением на озере бобра. Он снял с костра котелок с приготовленной едой, от которой исходил приятный аромат.

– Ты долго ходи, надо обедать.

В котелке оказалась уха с добавлением копчёного мяса, нарезанного тонкими кусочками как лапша, и кореньев неизвестных Валентину растений.

Пережёвывая очередную порцию вкусной еды, Валентин спросил:

– Какие травы и коренья ты добавляешь в еду?

Костя назвал растения по хантыйски.

После прогулки и сытной еды Валентина потянуло ко сну. Он пошёл в избушку и прилёг на медвежью шкуру. Следом за ним в избушку пришёл Костя, присел напротив на топчан и начал рассказывать о себе. Ему не хотелось оставаться одному у костра, хотелось общения.

Валентин, наконец, решился задать вопрос, который давно его мучил.

– Костя, расскажи, как ты не поладил с медведем?

5

– Давно был, – начал рассказывать Костя. – Прихожу избушка, в ней стук, шум. Кричу: «Какой шайтан чужой избушка ходи?» Выходит шайтан – медведь. Я стреляй, он падал. Достал нож, стал горло резать, надо кровь пускать. Медведь меня лапой по голове ударил и когтями по лицу провел, я падал. Долго лежал. Проснулся: голова болит, лицо болит, глаза не видят. Стал рукой лицо щупать. Кровь засохла, глаза склеила. Один глаз открыл, пошёл к ручью умыться.

– Медведь убежал? – поинтересовался Валентин.

– Какой убежал, рядом лежал. Ты его шкура лежи.

Слушая его, Валентин задремал и быстро уснул. Проснулся от прикосновения лапы щенка. Аяш тихо скулил и легонько царапал Валентина. Через открытую дверь увидел Костю, сидящего на крыльце и заряжающего патроны.

– Далеко собираешься? – спросил Валентин.

– Бобра убивать надо.

– Возьми меня и Аяша с собой.

Костя улыбнулся и ответил:

– Хорошо. Ходи вместе.

– Костя, я знаю, где видел бобра. Днём он не должен уплыть далеко. Ты иди по берегу, а я обойду по лесу то место, и пойду тебе навстречу.

– Так будет хорошо.

Подойдя из леса к берегу озера, Валентин услышал правее себя громкий всплеск и следом выстрел. Через несколько минут из воды вынырнул бобр и поплыл вдоль берега в его сторону. Он не пытался спрятаться в прибрежных зарослях, а стремился уплыть дальше от охотника. Движения его тела были неестественно замедлены. Когда бобр оказался напротив, Валентин выстрелил. Выстрел оказался смертельным. Ему было жалко беззащитное животное, но он не мог пойти против воли ханта.

Валентин спустился к воде, подобрал сучковатую палку и подтянул тушу бобра к берегу. Затем взял за хвост и выбросил на берег. «Тяжёлый, – подумал он, – килограммов двадцать будет». Длина бобра вместе с хвостом составляла около метра. Плоский хвост покрывали ороговевшие чешуйки, напоминающие рыбью чешую. Хвост бобра выполняет много функций. Им животное пользуется как рулем, веслом, ластом, терморегулятором. А если требуется дать сородичам знак опасности, то хвост – «сигнальный пистолет». Сильный хлопок по воде напоминает выстрел и слышен очень далеко. Бурый мех животного был плотный с очень густой подпушью. Передние конечности маленькие, а задние крупные, перепончатые. Ими он отталкивается при движении в воде. Подбежал Аяш и стал обнюхивать неизвестного ему зверя.

– Молодец, хороший пёс, – разговаривал Валентин со щенком и гладил его по спине. В ответ на ласку Аяш завилял хвостом и внимательно посмотрел на Валентина, ожидая команды.

В это время к ним подошел Костя. Он был хмурым и не смотрел на бобра.

– Костя, что случилось?

Не отвечая на вопрос, хант несколько раз переламывал ружьё и резко закрывал, производя металлический щелчок.

– Скажи, наконец, что случилось с ружьём? Почему ты им бесконечно клацаешь?

– Не знаю, почему я промазал? Наверное, глаз стал кривой.

Валентин рассмеялся, но чтобы не обидеть друга, быстро заговорил:

– Ты не промазал, дымный порох не дал тебе возможности увидеть раненого бобра.

По лицу Кости было видно, что он не верит Валентину.

– Зачем так говори? – с обидой произнес он.

– Ты какой дробью стрелял? – спросил Валентин.

– Двойкой, другой нет.

– А я стрелял двумя нолями, снимем шкуру – убедимся, какая дробь в туше.

Валентин попытался развеселить охотника:

– Хвост бобра будем есть поровну, а из шкуры сошьешь рубашку Аяшу.

Костя улыбнулся, взвалил бобра на плечо и направился к избушке.

Костёр ещё не потух, угли тлели, покрываясь золой. Хант отрубил хвост бобра, положил в костер, присыпал золой с углями и принялся снимать шкуру с добычи. Валентин занялся заготовкой дров для костра. Подходя к костру с очередной охапкой сушняка, услышал громкий смех. Костя смотрел на него и продолжал смеяться, сотрясаясь всем телом.

– Я что-то делаю не так? – спросил Валентин.

– Всё так.

– Почему тогда смеёшься?

– Представил Аяш, бегущего по тайге в бобровой рубашке, как городской маленький собачка.

– Смотри, не отрежь себе пальцы.

– А ты не делай мне смеяться.

– Убедился, что твой глаз не кривой?

– Да, да! Я уже видел: мой дробь ранил бок бобра, твой дробь попал в голову.

Солнце клонилось к горизонту, закат предсказывал на завтра ясный день. Костя осторожно вырезал два мешочка, связанные с половым органом, называемые бобровой струей. Струя имеет своеобразный ароматический запах. Высушенная до твердого состояния она используется в лечебных целях. Стоимость струи необычайно высока. В середине двадцатых годов прошлого века хант за неё мог отдать шкурки двух-трёх песцов или стадо до десяти оленей. Положив мешочки струи на бересту, он разрезал бобра на крупные куски, положил в ведро и повесил над костром, остатки отдал Аяшу. Вскоре живот щенка раздулся как пузырь. Прикрыв нос лапами, Аяш быстро уснул.

Хант достал из костра хвост бобра, очистил ножом от сгоревшей шкуры и на несколько минут опустил в ведро с кипящей водой. Затем нарезал дольками на доске и предложил попробовать Валентину. Мясо оказалось очень мягким, напоминающим вкус лосиной губы.

После сытного ужина и впечатлений прошедшего дня Валентин не мог уснуть, поднялся с медвежьей шкуры и вышел на улицу. Костя хлопотал у костра. Он развешивал сварившиеся куски мяса над костром.

– Разве мясо не готово?

– Так дольше хранить.

Костя присел и задумался.

– О чем думаешь? – поинтересовался Валентин.

– В ручье воды совсем мало.

– Возможно, бобры перегородили ручей плотиной.

– Совсем плохой зверь, много вред делай.

– Давай завтра пройдем вдоль ручья, посмотрим, куда вода делась?

– Далеко надо ходи, – ответил Костя.

Валентин присел у костра и посмотрел на небо. Алая полоса на западе погасла. Небо стало тёмным. Светло-сиреневые оттенки на западе переходили в тёмно-сиреневые на востоке. Стояла осязаемая тишина. На озере притихли водоплавающие птицы, не слышны всплески рыб. Воздух, насыщенный запахами озера и леса, казалось, имел не только аромат, но и вкус. На небосводе начали вспыхивать звёзды.

Валентин поднялся на ноги и направился в избушку. Вытянувшись на медвежьей шкуре, дал себе установку проснуться до зари, хотя всегда утром просыпался очень рано. Когда проснулся и вышел из избушки, Костя уже хлопотал у костра, готовя завтрак и разговаривая с Аяшем. Солнце перед восходом окрасило горизонт на востоке ярким цветом. Подойдя к костру, спросил:

– Яшка ещё не приводил свою семью?

– Испугался наш стрельба и ушёл далеко.

Хант собрал подкопченное мясо, понёс в избушку и развешал для сушки.

Во время завтрака Аяш крутился около костра, выпрашивая подачки. Валентин протянул ему кусок мяса. Костя сурово посмотрел на собаку и заговорил на родном языке. Пёс поджал хвост и отошел в сторону. После этого, обращаясь к Валентину, произнес на русском языке:

– Собаку нельзя кормить в дорогу, его живот будет плохо.

Костя, собрав в котомку еду, сказал:

– День будет длинным, а может, и ночь.

Он имел в виду дальнюю дорогу.

Валентин достал из рюкзака патроны и положил в карман, надеясь по дороге добыть рябчиков.

6

В начале пути тропа шла по бору вдоль ручья, который протекал по дну широкого оврага. Идти было легко, как в городском парке. Валентин шёл за Костей и удивлялся лёгкости его походки и ловкости движений.

В лесу шла своя жизнь. Дятел отбивал морзянку, добывая короедов, кедровки перелетали с дерева на дерево, выискивая созревшие кедровые

шишки. Где-то вдали гортанно кричал ворон. Аяша интересовали незнакомые запахи, и он бегал по лесу.

У излучины реки Костя остановился за деревом и поднял руку. Валентин замер и посмотрел вперёд. Лось, зайдя передними ногами в ручей, пил воду. Он периодически поднимал голову и водил ушами, как локаторами. С его загнутой губы капала вода. Не услышав посторонних звуков, продолжал свое занятие. Неожиданно исполин сделал прыжок вперед и скрылся в лесу на противоположном берегу.

– Кого он испугался? – спросил Валентин.

– Меня, тебя, – уверенно ответил Костя.

– Мы же стояли не шевелясь.

– Ветер другой стал, он чуял.

Аяш радовался жизни, носился по лесу, гонялся за бурундуками и белками, загоняя их на деревья. Затем подбегал к хозяину, тыкался в него носом, ожидая одобрения своих действий, но хозяин, не проронив ни одного слова, невозмутимо шёл вперёд.

Впереди над тропой, на толстом суку сидела на задних лапках белка и, подняв хвост за спину, грызла кедровую шишку. Увидев людей, она схватила свою добычу и бросилась вверх по дереву. Оттуда с любопытством наблюдала за ними. Костя подобрал сухой сучок и с размаху ударил по дереву. Палка переломилась, ее треск прозвучал как выстрел из малокалиберной винтовки. Зверёк испугался, выронил шишку и забрался выше в крону дерева. Костя подобрал шишку и начал шелушить. Шишка ещё не созрела, его пальцы прилипали к смоле. Белка прыгала с ветки на ветку и своим цоканьем выражала возмущение грабежом среди белого дня.

– Зачем ты обидел белку? – спросил Валентин.

– Ему много шишек есть, – произнёс Костя и повел рукой в сторону стоящих кедров, – мне смотри надо.

Убедившись, что шишка ещё не созрела, хант продолжил путь. Неожиданно в стороне от тропы послышался лай щенка. Костя поспешил к своему воспитаннику. Аяш впервые облаивал белку, которая сидела на сучке около ствола сосны и выражала свое возмущение нарушителю ее покоя. Костя выстрелил и поймал падающего зверька. Аяш бросился к нему. Хозяин дал щенку понюхать белку и ласковым голосом на своём языке выразил одобрение. Аяш провёл носом вдоль туловища грызуна и лизнул кровь на голове. Спинка зверька имела пепельно-серый цвет, брюшко – белый. На красивой рыжей головке торчали небольшие закругленные уши, оканчивающиеся чёрными кисточками.

Через полтора часа кедрово - сосновый лес закончился. Перед путниками простирался разлапистый пихтач. В его густых кронах ещё не просохла утренняя роса. Через полчаса одежда путников промокла насквозь.

– Вот шайтан, не надо рано ходи, – ворчал Костя.

– Зато идём без накомарников, – ответил Валентин.

Его мало беспокоила мокрая одежда. Яркое солнце светило в глаза, приходилось жмуриться и опасаться, чтобы лицом не налететь на хвойную ветку. Ноги часто спотыкались о сучки на земле.

Наконец ручей повернул на юг, его русло достигало ширины трёх метров и проходило вдоль сосновой гривы. В прозрачной воде мелькали стайки серебристых мальков. По берегу ходили разные кулички.

– Здесь водятся чебаки? – поинтересовался Валентин.

– Это хариус. В детстве я с друзьями ходи сюда его лови.

Солнце светило сбоку и не мешало осматривать местность. Усталость уже давала о себе знать, и Валентин хотел попросить Костю сделать привал для перекура. В это время увидел на берегу долблёнку, а чуть выше шалаш из жердей, обитый берестой. «Добротный шалаш», – подумал он.

Костя принёс из шалаша сухих веточек и бересты. На старом кострище развёл костер, сходил за водой и повесил котелок над огнём разваривать сухое мясо. Затем ободрал белку, достал желудок, наколол его на палочку и воткнул её в землю у огня. Когда желудок зарумянился, откусил кусочек и стал с удовольствием жевать. Валентин с удивлением смотрел на ханта. Перехватив его взгляд, Костя протянул руку и предложил:

– Пробуй.

– Это же гадость.

– Орехи хорошо.

Валентин взглянул на желудок, наполненный ещё не переварившимися кедровыми орехами, но пробовать отказался. Затем посмотрел по сторонам. От шалаша в южном направлении уходила натоптанная тропа.

– Костя, – обратился он к ханту, – пока мясо преет, я пройду по увалу? Может быть, добуду рябчика или кедровку для Аяша.

В знак согласия Костя кивнул головой.

Валентин хотел позвать с собой Аяша, но тот спал мертвецким сном, и он не стал его беспокоить.

За гривой перед Валентином открылась интересная панорама. Две речки, сливаясь, образовывали широкое разводье, из которого вытекали одной рекой. Местность ему показалась знакомой, когда-то он здесь бывал. «Надо спросить у Кости название реки», – подумал он. Берег разводья покрывал молодой лиственный лес, очень похожий на заросли, которые он видел на бывшем хантыйском стойбище. Огромные кедры на гривах с обеих сторон водоёма защищали его от ветров. Приблизившись к воде, Валентин увидел между двух черёмух деревянную лодку с кормой, приспособленной для подвесного мотора. Лодка была привязана цепью к дереву. Пройдя вниз по реке метров сто, спугнул выводок рябчиков, которые расселись на деревьях, вытянули шеи и с удивлением смотрели на непрошенного гостя. Он выбрал крупного петушка с чёрным оперением под клювом и выстрелил. Серый комочек упал на землю, а выводок разлетелся по сторонам. Подобрав добычу, направился к шалашу.

Костя встретил Валентина вопросом:

– Кого стрелял?

– Рябчика.

– Рано стреляй, еще молодой.

– Я выбрал старого самца.

Валентин снял с рябчика кожу вместе с пером, наткнул его на ветку и повесил над огнем. Когда мясо немного поджарилось, выпотрошил внутренности, бросил их в костёр, а тушку отдал Аяшу, который смотрел на него просящими глазами.

– Что за река протекает за гривой? – спросил Костю.

– Мохня.

– Чья лодка стоит у воды?

– Мой лодка.

– Зачем тебе такая большая лодка?

– Много орехов надо вози.

– Куда река течёт?

– Мохня ходи в Васюган.

Валентин догадался, что река является притоком Васюгана, а до его посёлка отсюда не больше четырех километров.

Почему шалаш не построил рядом с водоёмом? Там прекрасный кедрач.

– Нельзя. Там был стойбище.

Обед состоял из мяса бобра и крепкого чая, настоянного на травах, и сухарей. Погасив костер, путники продолжили путь вдоль ручья. Солнце постоянно светило в затылок. Валентин, наблюдая за своей тенью, отметил, что ручей в этом районе течёт с севера на юг. Чем дальше они продвигались на север, тем заметнее менялась окружающая их растительность. Реже попадались кедровые гривы, сосны исчезли. Через несколько километров они вошли в пихтово-еловый рям. Здесь господствовал гнус. Тучи комаров и мошек, вьющихся около накомарника, закрывали солнце. Валентину, прожившему большую часть жизни в тайге, ещё не приходилось видеть гнуса в таком количестве. Он с облегчением вздохнул, когда преодолев рям, они вошли в лиственный лес. Осины и берёзы стояли в воде, в пониженных местах блестели озерки. Костя останавливался около каждого озерка, качал головой и что-то бурчал на родном языке. Валентина заинтриговало его поведение, и он произнес:

– Скажи по-русски, что тебя беспокоит?

– Вода везде.

– Что из того, что вода вокруг?

– Скоро, смотри надо.

За очередным поворотом ручья, его русло перегораживала дамба, построенная бобрами. Поперёк речки лежали толстые осины и берёзы. В верхнем бьефе перед ними торчали толстые ветки, воткнутые в дно. У берегов плотина понижалась, пропуская сток воды из запруды. На берегах стояли пни, заточенные бобрами как карандаши. В нижнем бьефе плотины Валентин перешёл в сапогах русло когда-то глубокого ручья. В верхнем бьефе глубина водоёма составляла около четырёх метров. Вода залила большие

массивы леса. Впереди у высокого правого берега бывшего ручья над водой, как копна, возвышалась груда веток.

Костя стоял у плотины и громко возмущался на родном языке. Его лицо выражало негодование и злость. К шрамам на лице прилила кровь. Он бросился на плотину и пытался ее разрушить. Его попытка успеха не имела.

Сооружение, возведённое со знанием дела из толстых стволов деревьев, переплетённых ветками тальника, пространство между которыми забито разной растительностью с илом, было прочным и надёжным.

Валентин принялся помогать другу. Им с трудом удалось проделать в плотине небольшое отверстие для стока воды. Разгибая спину после выдергивания очередной ветки, он произнес:

– Наш труд напрасный. Как только мы уйдем, хозяева плотины заделают отверстие и восстановят дамбу. Здесь нужна бензопила.

– Пила есть, только я работать не моги.

– Зачем тогда ты её держишь?

– Сын дрова пили.

– Он охотится с тобой?

– Гришка работай нефтяник.

Валентин подумал, что хантам стало выгоднее работать на нефтепромыслах, чем заниматься тяжёлым трудом охотника.

– Кроме сына, дети есть?

– Дочка один.

– Где она работает?

– Тюмень учится.

– Почему так далеко? Разве нет школ ближе?

– Какой школ! Институт учится. Школу кончай Новый Васюган.

Валентин подумал, что окончив институт, дочь Кости не вернётся в родное село, в котором осталось несколько домов. Костя продолжил свои рассуждения:

– Тюмень плохой, много плохой баба.

– Почему ты сделал такой вывод?

– Маша летел домой, самолёт долго не был. «Смотри мая сумка», – сказала одной баба. Приходит – сумка нет, баба нет. Долго искал – нет баба, нет сумка, нет денег, нет документ. Много плакал. Мужик спросил: «Зачем плакал». Пошёл почта, дал мне телеграмму, денег просил.

Слушая рассказ, Валентин подумал, что ханты до сих пор остались доверчивыми и наивными. Немного помолчав, предложил:

– Костя, я схожу за пилой. Где мне её найти?

– На крыше стоит.

– На крыше избушки я ничего не видел.

– Кладовка на крыше видел?

– На чердаке, наверное?

– Да, да, чердак.

– Бензин к пиле есть?

– Не знаю.

Охотники присели на валежину около плотины и закурили, любуясь результатом своего труда. Вода вытекала через устроенный ими небольшой пролом в плотине и водопадом падала с высоты.

– Я пошёл к избушке, – произнёс Валентин, поднявшись с валежины, – завтра к обеду буду у шалаша.

Не доходя до шалаша, услышал сзади выстрел. «Видимо, Костя добыл трофей, – подумал Валентин, – зачем он убил бобра? Мяса у нас достаточно, без холодильника в тёплую погоду его долго не сохранить».

К избушке Валентин подходил поздним вечером. Еще издали услышал крик гагары. На озере слышались всплески воды, хлопанье крыльев уток. Солнце уже закатилось за горизонт, окрашивая небосклон яркими красками. На вечерней зорьке ветерок притих, ни один листок не дрогнул на прибрежных тальниках. Валентин развёл костёр, приготовил чай, быстро поел и улегся спать в избушке. Утром достал с чердака бензопилу и десятилитровую канистру с бензином. Заправляя бачок пилы бензином, подумал: «Рискованно хранить бензин на чердаке, следовало бы канистру закопать где-нибудь поблизости». Пила завелась после второго рывка шнура стартера. Оставшись довольным работой пилы, забросил её за плечо и пошагал знакомой тропой к шалашу. Необычный груз на спине затруднял движение среди густых участков леса. К шалашу добрался в первой половине дня. Костя ждал его с приготовленным обедом из свежего мяса бобра. Вместо приветствия, одобрительно произнёс:

– Ты быстро ходи.

– Пила мешала быстрее идти.

– Давай обедать, сегодня надо плотину ломай.

Пережевывая хорошо разварившееся мясо, Валентин задал мучивший его вопрос:

– Свежее мясо долго не сохранится, зря загубил бобра.

Костя улыбнулся и ответил:

– Природа делай свой хороший ледник.

– Где этот ледник?

– Вернёмся к избушке – покажу.

Подойдя к плотине, Валентин прежде всего отпилил все вершины деревьев, лежащие на берегах. Сооружение оказалось без опоры. Затем стал перепиливать стволы деревьев верхнего ряда. Костя пытался вытащить сучья из завала.

– Не суетись, – сказал ему Валентин, – вода может унести тебя вместе с плотиной.

В какой-то момент под давлением воды распиленные деревья полетели с плотины вниз, и вслед за ними хлынул поток воды, увеличиваясь с каждой минутой. Неожиданно сооружение рухнула, и бурный поток понёс стволы деревьев, ветки, мусор, сокрушая всё на своём пути.

Костя радовался как ребенок. Осуществлялась его мечта освободить охотничьи угодья от затопления. В какой-то момент выражение его лица с радостного сменилось на озабоченное.

– Костя, в чем дело? – спросил Валентин.

– В заливе около устья ручья стоит сеть. Теперь он пропал.

– Не расстраивайся, у меня в рюкзаке есть сеть, я оставлю её тебе.

– Какой дырка?

Валентин с трудом удержался, чтобы не рассмеяться. Смех мог обидеть его нового друга, поэтому спокойно ответил:

– Ячея семьдесят миллиметров.

– Такой сеть хорош.

Полюбовавшись результатом дела своих рук, они пошли к шалашу. Бывший неширокий ручей мчался рекой по распадку между гривами.

Когда подошли к шалашу, день клонился к исходу, начало смеркаться. Костя занялся приготовлением еды, а Валентин направился вниз по ручью посмотреть, нет ли на нём заторов. Перед ним иногда взлетали рябчики, но он не обращал на них внимания. Пройдя с километр до изгиба ручья, и убедившись, что затора нет, повернул назад. По пути добыл двух рябчиков для Аяша. При подходе к шалашу увидел плывущего бобрёнка. Проводил его взглядом и подумал: «Будет искать новое место для проживания».

Костя вынул из котелка куски мяса и разложил на берестяную подкладку. При свете костра Валентин увидел в шалаше две подстилки из пихтового лапника, приготовленные хантом в его отсутствие. За день он очень устал и проголодался, но желание скорее улечься спать было ещё сильнее.

Над лесом, погруженным в ночную тьму, раскинулся небосвод, на котором зажглись миллионы звёзд, среди которых полосой протянулся Млечный Путь. Вокруг костра стеной стояла темнота, в лесу было тихо и спокойно.

Для Валентина день выдался тяжёлым. Насытившись, он улёгся на мягкую с привычным запахом хвои подстилку и моментально уснул. Проснулся на рассвете, Кости в шалаше уже не было. Выглянув наружу, увидел ханта, стоящего на берегу ручья и наблюдавшего за потоком воды.

На обратном пути к избушке Костя постоянно смотрел на полноводный ручей и радовался результатам разрушения плотины. Не доходя до устья, Валентин заметил у ручья поваленную сосну и рядом сухостои. Он предложил Косте:

– Иди к устью ручья, я напилю чурок и сброшу в ручей, а ты вылавливай их около избушки.

– Мокрый будет.

– До зимы высохнут.

Работа закипела. Валентин умело валил сухие деревья и распиливал на части. Костя едва успевал их вылавливать, выкатывать на берег и укладывать в штабеля. Когда к нему подошёл Валентин, все чурки были аккуратно уложены. Костя посмотрел на поленницы и произнёс:

– Шибко много.

– Запас не помешает, – ответил Валентин.

К охотничьей избушке они вернулись голодными и уставшими. Озеро, освещённое лучами заходящего солнца, лежало неподвижно, словно растекшаяся ртуть. Плотно поужинав, легли спать до захода солнца.

7

Утром Валентин не увидел Костю на его любимой подстилке у костра. Он появился у избушки часа через два после восхода солнца. Валентин встретил его вопросом:

– Куда ты исчез?

– Яшка искал, соли носил, ругал маленько.

– Садись к костру, я давно жду тебя завтракать.

Подув на кружку и набрав в рот ароматного чая, заваренного брусничником, шиповником и другими травами, Костя думал о Яшке, который стал частью его жизни. Он вспомнил, как нашёл его новорожденным оленёнком. Стояла тёплая весенняя погода. Невдалеке раздался выстрел. «Какой шайтан стреляй?», – подумал он и поспешил к месту выстрела. Вдоль дороги, покрытой бетонными плитами, увидел следы прошедших оленей. Пройдя несколько десятков метров по ним, заметил примятую траву со следами крови, по которой тащили к дороге убитое животное. Внимательно обследовав местность, обнаружил новорожденного оленёнка, который лежал, поджав под себя ноги. Костя представил картину получасовой давности. Вдоль дороги шёл табун оленей. Важенка отстала от него и родила оленёнка. Она облизала сына и носом подталкивала, помогая встать, чтобы накормить и вместе догонять табун. В это время послышался шум машины, ехавшей по дороге. Важенке хотелась убежать от этого непривычного в тайге звука, но чувство материнства было сильнее. Она осталась около оленёнка. Из машины раздался выстрел, и оленуха упала замертво, не накормив рождённого сына. Браконьеры утащили важенку к дороге, забросили в машину и уехали. «Какой худой люди», – подумал Костя, завернул оленёнка в куртку и понёс в избушку.

Валентин обратил внимание на хмурое выражение лица ханта. Когда тот тихо заговорил на родном языке, спросил:

– С кем ты разговариваешь?

– Яшка думал.

– Ты беспокоишься о нём?

– Много плохой люди есть.

Этот день Валентин решил посвятить осмотру места стойбища хантов, которые когда-то здесь жили оседло.

8

На берегу залива среди зарослей тальника и ольхи догнивали бревна разрушенных жилищ. Их основания, сделанные из лиственницы, несмотря на то, что укладывались на землю, сохранились. Стены, выполненные из других пород леса, сгнили. Валентин пробирался сквозь заросли от одного бывшего строения к другому и пытался палкой раскопать и найти среди гниющего на земле мусора какие-нибудь предметы быта хантов. Раскопки успеха не

приносили. Видимо, хозяева тщательно собирались в дорогу и всю утварь увезли с собой. На месте одного строения заметил торчащую обточенную рукоятку. Взял её в руку и вытащил из хлама валёк с зубчатой нарезкой. Такими вальками женщины колотят белье, когда стирают его на реке. На родине Валентина такие вальки используют для шелушения кедровых шишек, прокатывая их по бревну с такой же нарезкой. Он протянул валёк Косте и спросил:

– Что это такое?

– Шишка тереби.

– Почему его бросили?

– Люди далеко ходи, шишка нет.

Валентин аккуратно положил валёк на землю и подумал: «Много лет он служил людям, их руками отшлифована его рукоятка. Он немой свидетель жизни в поселке хантов, покинувших родовое стойбище. Где сейчас эти люди?» Немного подумал и спросил:

– Ты тоже используешь такой валёк?

– Мой другой, длинный.

– Это же первобытный способ, давно промысловики используют шишкорушки.

– Какой шишкорушки?

– Она наподобие мясорубки, в неё засыпают ведром шишки и крутят, затем просеивают и провеивают.

Валентин подумал, что надо будет изготовить для ханта нехитрое приспособление и пошёл дальше. Костя молча следовал за ним и с грустью смотрел на деревья, заполонившие большую площадь, на которой некогда кипела жизнь: мужчины сушили сети, женщины выделывали шкуры, бегали ребятишки.

Возле одного квадратного основания, выполненного из бревен, по двум углам стояли деревянные идолы, изображающие человека. Костя остановился возле одного из них, скрестил на груди руки и что-то тихо шептал.

Ханты с древности были язычниками, каждый род почитал какое-нибудь животное, считая его своим дальним родственником. Такое животное нельзя было убивать и употреблять в пищу. Лягушка почиталась как хранительница семейного счастья и помощница рожениц. Медведя почитали повсеместно, его считали защитником, он помогал охотникам. При этом на медведя можно было охотиться. Для того чтобы примирить дух охотника и медведя, ханты устраивали медвежий праздник. Этот обычай сохранился до наших дней.

Предки хантов проживали по берегам рек в низовье Оби. Рода называли себя по названию животных и рек: люди Васюгана, народ Оби, племя рыси и лисицы. По последней переписи населения их осталось меньше тридцати тысяч человек.

С приходом в Западную Сибирь русских, миссионеры крестили местных жителей, давали русские имена. Ханты приняли христианство, сохранив многие обычаи предков. До двадцатого века хантов называли обобщённо с другими северными народностями – остяками.

Костя смотрел на идолов и погрузился в воспоминания. Он вспомнил камлание. Люди собирались на поляне недалеко от этого дома. Шаман надевал на голову кэдычан ёк – шаманскую шапку, доставал пьяный гриб – панг, торопливо его съедал. Затем нервно встряхивал бубен. Бубен шамана – олень, посредник между людьми и духами, на котором он путешествовал на небо. Дряблые щёки его розовели, дико блестели глаза, и он начинал метаться по кругу, то воздевая руки к небу, то опуская их и голову до земли. Грохоча бубном, он исступлённо кричал, то подражая змее, шипел. В конце произносил: «Ном ыэгжин – бог сказал», и падал на землю.

На этом его воспоминания прервались громким голосом Валентина.

– Костя! – обратился Валентин к ханту, – почему здесь стоят идолы?

Костя, погруженный в воспоминания, от неожиданного вопроса вздрогнул и тихо ответил:

– Здесь жил шаман, очень умный старик.

– В чём заключался его ум?

– Он привёл сюда наш род с Васюгана, показал место, где надо ставить стойбище.

– Место прекрасное, – согласился Валентин, – рыбалка, охота рядом.

– Люди имел много олень, в борах много белый мох.

– Куда исчезли люди и олени?

– Когда строить дорогу, много шуметь, много плохой охотник, люди ушёл, – и он махнул рукой в сторону севера.

На условия жизни коренного населения сильно повлияли экологические проблемы. Разрушение природной среды предприятиями топливно-энергетического и лесопромышленного комплексов вынудило аборигенов покидать родовые участки проживания, менять традиционные условия промысла и хозяйствования.

Костя немного помолчал, думая о чём-то своём, может быть, он думал о прошлой жизни, о своей молодости. Затем произнёс:

– Пойдем, буду показать ледник, – и направился в западном направлении.

Постепенно лиственный лес сменился чахлой растительностью с преобладанием пихтового стланика. Костя остановился на небольшой возвышенности и показал рукой на пакопы в моховом покрытии почвы. В одном месте мох разрывался недавно.

– Здесь хранить мясо, – произнёс он.

Валентин догадался, что под толстым моховым покровом залегает вечная мерзлота. «Очень удачное место для стойбища выбрал старый шаман», – подумал он.

9

Возвращаясь к избушке, прошли мимо устья ручья, который продолжал нести всевозможный мусор. В воздухе над заливом летали чайки. Они планировали к воде и хватали мелкую рыбёшку, которая испугавшись своего

врага – щуки, косяками выскакивала из воды, сверкая на солнце серебром. Периодически слышались всплески крупной рыбы.

Костя занялся приготовлением еды, а Валентин достал из сумки крючки-якорьки на металлических поводках и миллиметровую леску, намотанную на рогульки, и соорудил жерлицы. Поймать на удочку двух окуньков труда не составило. Привязал жерлицы к толстым веткам тальника, раскинувшимся над водой, и пошёл к костру.

Плотно поев, друзья растянулись у костра на хвойной подстилке. Валентин начал засыпать. Неожиданно Костя толкнул его в плечо и произнёс:

– Вставай, твой щука тальник ломай будет.

Они оба вскочили на ноги и побежали к озеру. Ветка тальника, к которой была привязана леска, не просто гнулась, а хлестала по воде. Валентин схватил леску и стал подтягивать добычу к берегу. Резким рывком рыба потянула леску от берега. Валентин зажал леску пальцами, стараясь остановить движение. Леска обожгла ему пальцы, и он вынужден был её отпустить. Подтянув вновь леску на несколько метров к берегу, увидел у поверхности воды спину крупной щуки и тут же почувствовал резкий рывок. Он вынужден был дать слабину леске и возможность рыбине уйти на глубину. Так продолжалось несколько раз. Щука не хотела подплывать близко к берегу.

– Беги в избушку, – сказал Косте, – принеси ружьё.

Когда в очередной раз спина щуки показалась у поверхности воды, Костя выстрелил. Рыбина перестала сопротивляться, и рыбаки вытянули её на берег. Заряд дроби угодил ей в хребет около головы. Экземпляр был длиной почти в рост человека.

– Вот это крокодил! – произнёс Валентин.

– Шибко большой, – подтвердил Костя.

– Что с ней будем делать?

– Икру берём, – сказал Костя, – мясо зимой соболь кушать надо.

Щуку волоком по траве притащили к костру.

– Я хочу череп рыбины оставить на память, – произнёс Валентин, – надо его очистить от мяса.

– Ходи муравейник, клади голову, хорошо очистят.

В августе смеркается очень рано. Они сидели у костра и наблюдали за языками пламени, которые лизали котелок. В пасмурный день на поляне и в лесу стояла мертвящая тишина, которая нарушалась только жужжанием комаров. За пределами костра становилось всё темнее и темнее. Кусты и деревья теряли свои очертания, казалось, что они передвигаются с одного места на другое. Стало совсем темно, Костя прилег на свою подстилку, и скоро послышалось его мерное дыхание. Он уснул, едва коснувшись расстеленного лапника. Валентин почувствовал, как какая-то тяжесть навалилась на его плечи, ноги отяжелели, словно в них налили свинца. Он поднялся и медленно пошёл в избушку.

Утром, только стоило Валентину выйти из избушки, его атаковали комары. Он опустил сетку накомарника и отправился к ручью умываться. Костя уже

сидел на корточках у костра и подкладывал сухие ветки в костёр, над которым висели чайник и котелок.

Весь день они кололи дрова и складывали в поленницы около избушки. Глядя на быстро растущую стену из дров, Валентин подумал: «В сезон охоты ханту не придётся отвлекаться на заготовку дров». Только в сумерках уложили последние поленья. Костя посмотрел на результаты труда и одобрительно сказал:

– Шибко много, сучки не надо собирай.

– Дров должно хватить на сезон, – поддержал его Валентин.

На ужин Костя приготовил уху. Окуней опустил в кипяток в чешуе. Уха получилась вкусной и наваристой. После первого глотка Валентин ощутил, как насыщенная влага разливается по желудку и ощущается всем телом. Вдруг Костя поднял руку и тихо произнёс:

– Слушай.

Валентин прислушался. Далеко в тайге слышались слабые трубные звуки и вздохи.

– Сохатый, – уточнил хант.

– Чем займёмся завтра? – спросил Валентин.

– Надо ягоды собирай.

– Я, когда обходил озеро, видел недалеко в бору хорошие заросли брусничника.

– Здесь далеко таскай, надо ходи шалаш.

На следующее утро Костя разбудил Валентина до рассвета.

– Надо ходи, – кратко произнёс он и вышел из избушки.

Костёр уже давно горел, завтрак был готов. Плотно подкрепившись калорийной едой, они надели на спины рюкзаки, повесили на плечи ружья и направились знакомой тропой вдоль ручья. Стояли последние дни августа. Рассвет в эти дни наступает поздно. В лесу стоял полумрак. Костя уверенно шёл вперёд. Валентин удивлялся способности ханта не сбиваться с тропы, которая часто виляла между деревьями. Когда посветлело, он увидел, что впереди ханта бежит Аяш. «Вот кто наш проводник», – подумал Валентин.

Вода в ручье значительно спала, но была выше первоначального уровня. На его берегах не было видно куличков, которые постоянно встречались до разрушения бобровой плотины.

К шалашу путники подошли к двенадцати часам. Костя, молча, снял с плеча ружье, прислонил его к дереву, рядом положил рюкзак. Ханты не говорят попусту, и так известно, зачем они сюда пришли и что надо делать. Валентин последовал его примеру. Оставив у кострища рюкзак и ружьё, пошёл собирать сухие сучья, упавшие с деревьев.

Вскоре запылал костёр, от которого повеяло привычным теплом и уютом. Комары и мошки перестали беспокоить. В лесу неустанно трудился дятел, слышалась перебранка кедровок, раздавался неприятный гортанный крик ворона. «Где-то произошла трагедия, – подумал Валентин, – ворон собирает сородичей на пир».

Поев и отдохнув, Костя произнёс:

– Надо смотри лодка, ставить сеть.

Тщательно залив костёр водой, они направились по гриве, служившей водоразделом между ручьём, текущим в озеро, и рекой Махной, впадающей в Васюган. Ветви кедров, усыпанные шишками, сгибались под их тяжестью. Шишки росли не по одной, а по две, три и даже четыре на каждой веточке.

– Хороший в этом году урожай, – вслух выразил свою мысль Валентин.

– Шибко хорошо, – поддержал его Костя.

Подходя к водоёму, они спугнули большой табун уток, преимущественно шилохвостей. Утки начали табуниться – готовиться к перелёту в тёплые края. Лодка оказалась залитой дождевой водой. «Её надо было перевернуть, – подумал Валентин, – но ханту одному не под силу».

Костя выкрутил в корме пробку из отверстия, через которое когда-то проходил вал стационарного двигателя. Вода струёй потекла из лодки. Затем закрутил пробку и совком вычерпал остатки воды. Они столкнули лодку на воду и поплыли ставить сеть. Вернувшись, Костя сказал:

– «Надо дуги делай», и начал рубить молодые деревца черёмух, которые густо росли вдоль берега.

Вскоре над лодкой появился тент из брезента, натянутого по дугам. «В таком укрытии можно не только спасаться от дождя, – подумал Валентин, – но и ночевать».

Чувствовалось, что Костя доволен результатами совместного труда. Посмотрел на лодку со стороны и произнёс:

– Надо ходи шалаш.

– Костя, ты иди к шалашу, а я пройду вдоль берега и добуду рябчиков на ужин, – предложил Валентин.

– Аяш, пойдем со мной, – позвал он собаку.

Услышав свою кличку, щенок подбежал к Валентину и завилял хвостом. Валентин присел и стал его гладить. Дождавшись, когда Костя скрылся за деревьями, поднялся и позвал собаку:

– Аяш, пойдём на охоту.

По берегу реки тянулся лиственный лес. Берёзы и осины наперегонки стремились вверх к солнцу. У уреза воды ярким кумачом сияли кусты калины. Плоды стройных рябин цветом напоминали охру. На гриве стояли вперемешку кедры и сосны. Обилие созревших ягод привлекало разных птиц. С криком снимались с кустов и улетали дрозды, которые, как и утки, готовились к отлёту и уже сбились в большие стаи. Аяш, обследуя прибрежную полосу, поднял табунчик рябчиков, которые расселись на деревьях и, вытянув шеи, с любопытством наблюдали за собакой. Валентин осторожно подошёл к ним и выстрелил в ближайшего рябчика. Серый комок падал с дерева, цепляясь за ветки. Аяш бросился к нему, напугав сидевших на ветках птиц, которые снялись и полетели прочь. Валентин успел влёт подстрелить ещё одного рябчика. Аяш крепко держал в пасти птицу и не хотел отдавать охотнику. Валентину пришлось долго гладить его по голове и уговаривать, чтобы отдал рябчика.

Добыв шесть рябчиков, Валентин посчитал, что их вполне достаточно на ужин, и повернул напрямую через бор к шалашу. На высоком кедре увидел красавцев косачей с хвостами лирой и красными бровями, которые не обращали внимания на человека с собакой. После выстрела один тетерев упал на землю, а остальные улетели. Эхо от выстрела гулко покатилось по лесу.

Костя слышал выстрелы. У него уже стоял котёл с водой над костром. На ужин он приготовил суп из рябчиков с лапшой, а тетерева запёк в золе, на которую нагрёб горящих углей.

После вкусного ужина они сидели у костра и разговаривали о предстоящем сборе ягод. Клюква еще не созрела, а бруснику уже пора брать. Костя сказал, что собирать бруснику они будут на гриве недалеко от лодки. Своё решение обосновал словами:

– Таскай близко.

В вечернем воздухе чётче слышались все звуки. Монотонно журчал ручей, шум которого днем не замечался. В тайге где-то ревел лось. Вдруг что-то белесовато-серое, крупное бесшумно пролетело мимо.

– Большой сова, – сказал Костя.

К ночи небо стало затягивать тучами, быстро стемнело. В воздухе появился запах озона.

– Пойдём спать в шалаш, – предложил Валентин.

Костя посмотрел на небо и уверенно сказал:

– Дождь нету.

Он остался спать у костра на хвойной подстилке.

С утра было тихо и спокойно. Сразу после завтрака пошли собирать ягоды. Костя уверенно шёл к южному склону гривы. За многие годы он хорошо изучил свои угодья. Выбрал поляну, заросшую брусничником, остановился и произнёс:

– Здесь надо брать.

Валентин посмотрел под ноги. Брусничник был усыпан красными ягодами. На каждой кисточке висело не менее десятка крупных ягод. Дождливая весна способствовала хорошему урожаю. Ему не хотелось мешать Косте в сборе ягод, и он пошёл выбрать для себя другую поляну. Чем дальше шёл, тем брусничника становилось больше. На моховых полянках большими семьями росли маслята, сверкая маслянистыми шляпками. Через несколько сот метров увидел впереди медведя. Остановился за деревом, понаблюдал за зверем и повернул назад.

Кто не бывал в тайге в низовьях рек Оби и Енисея, тот не может себе представить, какое количество медведей водится в тех краях. Сегодня любой человек может посмотреть в интернете на медведей, заходящих в посёлки геологов и разгуливающих по сёлам Томской области.

Костя стоял на коленях и двумя руками собирал ягоды в туесок. Он показался Валентину одинокой песчинкой, заброшенной в тайгу. Мимолетное впечатление, чувства жалости к ханту не вызвало. Это была его работа, к такой жизни он привык и не променяет на спокойную жизнь в городе.

Валентин и сам не полетел домой ради встречи с ним в этом нетронутом цивилизацией уголке природы. Подойдя к нему, сказал:

– Брусники всюду много, недалеко медведь пасётся.

– Ягод всем хватит, – ответил Костя, не отрываясь от сбора.

К полудню Костя набрал полмешка брусники, а Валентин заполнил рюкзак. Они положили ягоды в лодку под тент и оттолкнули её от берега. Костя, орудуя одним веслом, направил лодку к сети. В сеть с ячеей пятьдесят миллиметров попало несколько окуней и два язя. «В озере белой рыбы не было», – подумал Валентин.

После обеда собранные ягоды Валентин ссыпал в Костин мешок.

– Зачем так делай! – возмутился хант.

– Костя, не волнуйся, мне больше рюкзака брусники не донести. Если еще ягоды понадобятся, обязательно приду и наберу сколько надо.

Перед вечером небо стало очищаться. Тучи, которые неподвижно закрывали небо пеленой, стали разрываться. Разлохмаченные облака двигались навстречу друг другу. Неожиданно налетел ветер и стал раскачивать вершины деревьев.

– Гроза не будет, – сказал Костя.

– Почему так думаешь?

– Ветер другой. Смотри, сидит ворон. Куда смотрит?

Валентин знал, что во время ветра птицы садятся против него. Ворона увидел только сейчас, посмотрев в направлении, указанном Костей.

Ветер стих так же внезапно, как и налетел. В лесу стало тихо и спокойно.

Валентин втянулся в ритм жизни таёжника, ему нравилась свободная жизнь без начальства и чётких обязанностей. Здесь всё делается по житейской необходимости и потребности. Любая работа: рыбалка, охота, сбор ягод доставляют радость и удовлетворение. Ему не хотелось расставаться с такой жизнью, но через три дня надо выходить на работу – прилетит его бригада. Он долго не решался сказать Косте, что завтра предстоит его покинуть. Когда решился сказать, Костя воспринял известие как само собой разумеющееся. Немного подумав, предложил:

– Надо поймать рыба.

На следующий день до полудня Валентин помог Косте набрать мешок ягод. За обедом сказал:

– Костя, моя вахта закончится пятнадцатого сентября. Шестнадцатого я приду к тебе. В свободное от вахты время сварю шишкорушку и изготовлю три сита. Встреть меня, пожалуйста, на бетонной дороге против озера. Одному мне этот груз не донести.

– Ты хороший друг, могу встречай.

– Сегодня схожу, посмотрю на запруду, может быть, бобры начали восстанавливать плотину.

– Хорошо будет, ходи.

Поток вода шёл по месту бывшей плотины. «Много воды скопилось в запруде», – подумал Валентин и пошёл к бобровой хатке, выросшей вдвое над поверхностью водоёма.

Вода сильно спала, но хатка стояла ещё в воде. Вход в неё, который скрывался под водой, частично оказался на поверхности. Около хатки из воды торчали запасы веток, приготовленные для корма зимой. Они были воткнуты в дно водоёма и переплетены в плотную массу. Их объём составлял несколько десятков кубометров. За зиму один взрослый зверёк съедает до тридцати кубометров веток. Летом в рацион зверьков входит больше сотни видов растений. Зимой они не выходят на поверхность земли, осенью делают запасы корма на всю зиму. Чтобы выжить подо льдом, свободно плавать и резвиться, животные после образования льда на водоёме спускают через плотину часть воды. Между уровнем незамёрзшей воды и нижней кромкой льда возникает воздушное пространство. Оно позволяет бобрам вести привычный образ жизни, отгородившись от суровых морозов и вьюг ледяным панцирем.

Оставшись довольным осмотром, Валентин вернулся к шалашу. Утром, после завтрака, пожал Косте руку, надел на плечи тяжёлый рюкзак, взял в руку ружьё и зашагал по гриве. Аяш бросился за ним. Хант грубо окликнул пса и приказал лечь.

10

В посёлок Валентин пришел за два дня до прилёта его смены. Ему не сиделось в вагончике, и он на следующий день пошёл с ведром за клюквой. Ружьё брать не стал – болото рядом, охотиться там не на кого. Шагая вдоль болота, размышлял: «Клюква здесь, как вишня, крупная и тёмная, но очень кислая, а вот на Кривом болоте – продолговатая, тёмно-сизая, кисло-сладкая». Он остановился около валежины. Дерево, росшее на кромке гривы, свалилось в болото. Его сучья давно сгнили, а ствол покрылся мхом. По обе стороны ствола сплошным ковром лежала сизая ягода. Валентин сел верхом на ствол, нажал рукой на мох, кисть руки оказалась в воде. Он раздвинул пальцы и подвёл их под ягоды, затем пальцы свёл и поднял полную пригоршню клюквы. Сбросив с ладони несколько листочков, высыпал ягоды в ведро. Пересаживаясь на стволе с места на место, он удалялся от берега. Солнце сияло против него и слепило газа. Тогда он повернулся спиной к солнцу и продолжал сбор. В какой-то момент сзади услышал шлепок по воде. Через некоторое время шлепок повторился. Развернувшись на валежине, увидел следующую картину: довольно крупный медвежонок, видимо пестун, взбирался по стволу березы, наклонённой к болоту. Не добравшись до вершины, свалился в болото, раздался шлепок по воде. Медвежонок поднялся на лапы, отряхнулся и направился к комлю для следующего прыжка с дерева. Вдали на болоте кормилась клюквой медведица.

Валентин мгновенно растянулся на валежине и подумал: «Хорошо, что ветер дует от медведицы, где-то поблизости должен быть маленький медвежонок. Если бы медведица учуяла меня, она незамедлительно бросилась бы защищать детёныша». Он по-пластунски пополз по стволу, опираясь одной

рукой на ведро. Оказавшись на берегу, продолжал ползти, пока не скрылся за кустами. Поднявшись на ноги, посмотрел в ведро. Оно было заполнено наполовину. «Доберу по дороге», – подумал он и зашагал к вагончику.

11

В назначенный день ещё издали через лобовое стекло машины Валентин увидел низкорослую фигуру ханта, стоящего на обочине. Костя пришёл к месту встречи раньше условленного времени. Когда машина остановилась и из открытой двери показался Валентин, на его лице появилась улыбка, но он сдержал эмоции, приветствуя только словами:

– Здравствуй тебе!

Рабочие-нефтяники подали из машины Валентину рюкзак, ружьё, мешок с шишкорушкой и связанные три сита. Распределив груз, друзья отправились через болото к избушке. Их радостно встретил Аяш. Он крутился около ног, стараясь каждого задеть боком. Валентин снял рюкзак, присел около пса и стал гладить по голове. Затем зажал голову руками и, глядя в умные глаза собаки, наклонился к нему. Аяш лизнул его нос.

– Хороший пёс, – произнес Валентин, поднимаясь на ноги, – но целоваться не будем.

За две недели отсутствия Валентина в природе произошли изменения. Над озером не носились чайки, не плавали табуны уток. Большие стаи пернатых на небольшой высоте стремительно проносились на юг. Они улетали от наступившего на севере похолодания. В их поспешном отлёте чувствовалась какая-то тревога, которая передавалась людям. Появилось тревожное ожидание.

Костя занялся приготовлением обеда. Валентин обвёл округу взором и прислушался. В тайге стояла тишина, не было слышно ни единого звука. Казалось, что всё живое куда-то исчезло.

К вечеру погода испортилась. Тёмные тучи быстро бежали с северо-востока. Костя на ночь устроился в избушке на лежанке, покрытой оленьей шкурой. Ночью налетел ветер, он буйствовал как разъярённый зверь. Стучал в дверь избушки, гудел в трубе, гнул кроны деревьев, заставлял ветки стучать друг о друга. С могучих кедров градом сыпались шишки.

К утру ветер немного успокоился. На озере штормило. Высокие волны с белыми барашками катились одна за другой с севера, набегая на южный берег, на котором стояла избушка.

Валентин посмотрел на землю под кедрами. Она была усыпана кедровыми шишками. Он перевёл взгляд на ручей. По нему сплошным потоком плыли шишки. У него возникла мысль: «Перегородить ручей жердью и собирать шишки», но тут же от неё отказался.

– Такой урожай и пропадёт, – произнёс он, обращаясь к Косте, – когда был посёлок, собрали бы все шишки.

– Зачем пропадёт? Белка кушай, медведь кушай, птица кушай. Надо ходи шалаш, – сказал Костя, – там шишка много.

Собирать шишки большого труда не составляло. В лесу было тихо, стояла умеренно прохладная погода. Под каждым кедром набирали не один мешок шишек. Валентин думал: «Кедры! Почему я люблю вас больше, чем другие деревья? Мне приятен ваш аромат, мне доставляет удовольствие собирать шишки». Немного подумав, сам себе ответил: «Да потому, что вы даёте корм всем живущим в тайге. Орехами кормятся птицы и мелкие зверушки, на шишках жируют медведи, перед тем как залечь на зимнюю спячку. Вы даёте заработок местным жителям». Его настроение испортилось, когда вспомнил, сколько кедровых массивов уничтожено при строительстве дорог и устройстве площадок для нефтепромыслов.

До обеда шишки носили в одно место и ссыпали в кучу. После обеда Валентин крутил, привязанную к дереву шишкорушку. Костя ведром засыпал в неё шишки. Затем коричневую массу, состоящую из орехов, шелухи и остовов шишек просеивали через сита. На брезенте оставались орехи и мелкий мусор.

– Орехи придётся нести на ветер и провеять, – сказал Валентин.

– Надо ручей таскай, – ответил Костя.

Он насыпал на мелкую прочную сетку два ведра орехов, взял её за два угла и предложил:

– Бери тоже.

Они опустили сетку с орехами в ручей, мусор и пустые орехи всплыли на поверхность. Костя окунул свою сторону сетки в воду, и течение унесло весь мусор. Затем орехи высыпали на брезент для просушки.

За десять дней у них образовалась гора из мешков с орехами.

– Надо вывозить, – сказал Костя.

– Сколько рейсов придётся тебе сделать? – спросил Валентин.

– Не знаю, – уклонился от ответа Костя, – оставь Аяша у себя. К охота заберу.

Вечером, сидя у костра, Валентин подумал, что скоро начнётся сезон охоты. Ему давно приглянулся участок у неширокой, но полноводной реки Моховой. Её берега заросли калиной и черёмухой. Там всегда можно встретить рябчиков и тетеревов. На гривах стоят угрюмые столетние кедры, охраняя девственный покой природы. Между гривами раскинулись болота, на которых в изобилии растут морошка, клюква, голубика. Закрайки леса покрывали брусничники. Он часто там охотился на рябчиков и тетеревов. Непуганые птицы позволяли стрелять выборочно по петушкам, которые отличались от самочек черным бантиком на шее под клювом. Там он несколько раз встречал медведя, который после кормёжки на болоте обсыхал и спасался от гнуса на продуваемой сосновой гриве. Медведь страха у него не вызывал, он всегда предсказуем, и охотник обходил его стороной.

Узнав, что эта территория входит в состав угодий, закреплённых за Костей, решил спросить у него разрешение на охоту там.

– Костя, – обратился Валентин, – скоро сезон охоты. Можно мне охотиться вдоль реки Моховой.

– Можно, мой путик туда не ходи. Везде можно.

– Там я добываю рябчиков и косачей. Если добуду соболя, отдам тебе.

– Не надо. Бери сам.

– Костя, почему ты не берёшь с собой в избушку жену? Она могла бы тебе помогать.

– Баба сильно старый. Плохой.

– Зачем женился на старой?

Лицо ханта помрачнело. Прежде чем кратко ответить на вопрос, он погрузился в воспоминания. За секунды в памяти пролетела вся юность.

12

Родился он в небольшом селении Катыльга. Серые дома кучкой стояли на высоком яру. Их окна угрюмо смотрели с высоты на широкую реку. С другой стороны к посёлку глухой стеной подступала тайга. Название поселка сохранилось с давних времён. В чумах давно никто не жил. С появлением русских в этих краях ханты стали строить избы. Чумы сохранились на промысловых участках, в чумах жили при летней кочёвке оленей. Все жители имели оленей. В общем стаде паслись олени каждой семьи, а в каждой семье все члены имели своих оленей. Зимой занимались охотой и рыболовством. В реке в изобилии водилась разнообразная рыба, в тайге обитали разные звери и птицы. С раннего детства Костя увлекался охотой. Он вспомнил первого добытого глухаря. Птица была настолько тяжёлой, что он не мог её поднять. Пришлось тащить домой волоком. Под ногами рос белый мох, в котором ноги утопали выше щиколотки. Этот мох, называемый ягелем, являлся основным кормом оленей. Глухарь цеплялся за мох и ветки. Приходилось иногда брать его за шею двумя руками и выдёргивать из зацепа. Затем память перенесла его в юношеские годы.

Любимым местом юноши был кедровый остров среди болот. В бору водились лоси, олени, белки, соболь и другие звери. Брусничник коврами стелился среди могучих кедров и сосен. Вокруг острова кочки на болоте красными шапками засыпала клюква.

Женщины посёлка не ходили за ягодами сюда. Им незачем было переходить болото – ягод было достаточно вблизи посёлка. Для Кости перейти болото большого труда не составляло. Он приходил на остров не только для того, чтобы набрать ягод, но и для того, чтобы полюбоваться красотой нетронутого уголка природы. В тот день он пришёл набрать брусники. Прежде чем приступить к сбору ягод, пошёл вглубь бора. Подав собаке команду: «Искать». Ему хотелось проверить, есть ли прирост численности белок и соболей в текущем году. Вскоре на противоположной стороне острова послышался лай Хадара. Лай был необычным. Костя хорошо знал, каким голосом кобель облаивал крупного зверя, белок и соболя. Он поспешил на голос своего питомца.

Перед ним предстала картина: на поляне, среди красного ковра брусники стояла невысокая девушка. Она держала двумя руками берестяной туесок, защищаясь им от собаки. Костя закричал на Хадара, который послушно

отошёл от девушки и стал рядом с хозяином. Незнакомка закрыла лицо концом платка, которым была покрыта голова и обмотана шея. Через узкие щели век на Костю смотрели карие испуганные и удивлённые глаза. На ней был суконный халат, расшитый цветными кусочками материи и бисером. Стройность девичьей фигуре придавал нарядный пояс, украшенный бисером и оловянными бляшками. На ногах обувь из камуса оленьих ног шерстью внутрь доходила до средины голени. К верхнему краю пришиты суконные голяшки, украшенные узорами из бисера. Они тянулись до колен. Такую обувь ханты называли – нюр.

– Не бойся меня, – произнёс Костя, – я не причиню тебе ничего плохого.

– Я испугалась собаки, она, как волк, набросилась на меня.

– Где ты живёшь? Мне не приходилось видеть тебя в наших краях.

– Наш род кочует с берегов Лисицы, остановились недалеко на берегу озера.

– Где такая река?

– На правом берегу Оби.

– Как реку переплыли?

– Перешли весной по льду.

– Долго будете стоять?

– Не знаю. Шаман скажет, когда начинать кочевать.

Костя не мог придумать, что ещё спросить у девушки, какой задать вопрос. Он уже оценил её мастерство по украшению одежды и обуви. Неожиданно для себя произнёс:

– Приходи завтра сюда собирать ягоды, ждать буду.

Незнакомка с интересом рассматривала собеседника. Он был невысокого роста, как и её соплеменники. Симпатичное лицо залил румянец, глаза внимательно рассматривали её.

– Не знаю, может быть, приду, – после паузы ответила она.

Целый день Костя находился под впечатлением встречи. Он постоянно вспоминал образ незнакомки, мельком виденное лицо. Он упрекал себя за то, что не спросил ее имя. Ночью несколько раз просыпался и думал о ней. Утром после завтрака взял походный мешок, бросил в него туесок, котелок и две берестяные кружки, повесил на плечо ружье и направился к выходу.

– Зачем ружьё взял? – спросила мать, – мяса в доме много, мешать будет ягоду брать.

– На обед рябчиков добуду.

– Зачем далеко ходить, ягод рядом много.

Костя промолчал. Неведомые ему чувства тянули его на свидание. Он никогда еще не испытывал такого душевного подъёма и радости от предстоящей встречи. Его беспокоило только сомнение: «Придёт или не придёт».

По дороге добыл пять рябчиков. На брусничной поляне незнакомки не было. Он выбрал в стороне место для костра, очистил площадку от хвои и веток, чтобы не случился пожар. Затем вырвал с корнями пучок брусничника с ягодами, взял котелок и отправился к воде. Зачерпнул котелком воду, смыв

с корней брусничника землю и мох, положил пучок в котелок. На выбранном для костра месте, разжёг небольшой костерок и повесил над ним котелок. Снял с рябчиков кожу вместе с пером, насадил их на прутья и воткнул в землю около огня. Незнакомка не появлялась. У Кости испортилось настроение. «Придётся рябчиков есть мне и Хадару» – подумал он.

Незнакомка появилась неожиданно не с той стороны, с которой её ожидал Костя. Он вскочил от костра, около которого сидел на корточках, и направился навстречу. Его лицо сияло радостью. Она шла с открытым лицом и улыбалась. Остановившись около неё, Костя произнёс:

– Вуща вула, – что означало «Здравствуй, живи».

Лицо девушки засияло радостью, ей было приятно слышать приветствие по хантыйски. В быт хантов давно вошёл русский язык. Их детей отправляли в интернаты для обучения. Учёба проводилась на русском языке, они постепенно забывали родной язык и традиции предков. В ответ прозвучало на русском языке:

– Здравствуй!

– Я ждал тебя с другой стороны.

– Запах дыма привёл меня к твоему костру.

Костя дотронулся руками до её одежды и пригласил к костру. Ему хотелось обнять и прикоснуться щекой к её щеке, но этикет не позволял фамильярности с незнакомыми людьми.

– Как тебя звать? – спросил Костя.

– Анга. А тебя?

– Меня зовут Костей, давай присядем к костру.

Они опустились на приготовленную Костей хвойную подстилку. У костра было жарко и не было гнуса. Анга откинула с головы платок с широкой бахромой. Костя увидел густые чёрные волосы и две косы, спускающиеся с головы. Вплетённые в косы красные тряпочки привлекли к себе внимание. Заканчивались косы бантиками и привязанными грузиками. Шею украшали бусы.

Костя выдернул из земли прутик с рябчиком и протянул Анге. Она без лишних слов приняла его. Затем извлекла из-за пазухи лепёшку, разломила пополам и одну половину подала Косте. Его сердце затрепетало. По обычаю предков она дала понять, что готова с ним все делить поровну. Костя разрезал одного рябчика охотничьим ножом и положил остывать на мох. Хадар сидел рядом и ждал своей порции.

Рябчиков ели молча, поглядывая друг на друга, и улыбались. Костя собрал остатки рябчиков и отдал Хадару, который завилял хвостом в знак благодарности.

Покончив с дичью, Костя налил в кружки чай. Корни брусничника придали ему тёмно-красный цвет, а ягоды кисловатый привкус..

Молодые люди пили ароматный чай и внимательно рассматривали друг друга.

– Из какого племени ваш род? – поинтересовался Костя.

– Из племени Лисицы.

– Где живёт ваше племя?

– Наше племя жило по берегам реки Лисицы. Мой род жил в селении Лисица.

– Зачем покинули родовые земли?

– В наши угодья пришли люди, стали уничтожать лес. Зверь ушёл, олени убегали от шума. Люди пошли к русскому начальнику и спросили:

– Зачем нашу жизнь убиваете?

– Какую жизнь – удивился начальник?

– Ты разве совсем глупый, нет леса – нет для ханта жизни.

– Леса много, – сказал начальник, – хватит нам и вам.

– Народ пошёл к шаману, просили провести камлание – обряд «Ёл-та-ку», спросить у духов, куда кочевать. Оставаться на обжитых землях стало невозможно. Наш шаман из сильного рода шаманов. Его дед был великим шаманом, способности лечить людей передались внуку. В начале тридцатых годов, после казымского восстания хантов, деда арестовали вместе с другими вождями племён, увезли в Сургут и тайно расстреляли. Наш шаман редко шаманит – только по просьбе людей. Он занимается в основном лечением, но в тот раз согласился провести большое камлание. После завершения обряда он долго лежал на земле. Люди с замиранием сердца ждали, какой совет духи дадут шаману. Выйдя из состояния транса, он поднялся с земли и произнес: «Надо уходить за солнцем, строго на запад». Вот почему мы оказались здесь, – подвела итог рассказа Анга.

– В Лисице кто-нибудь остался? – спросил Костя.

– Осталось несколько семей, которые занимались ловлей рыбы для лесорубов. Среди них мой дядя Синарбин.

Собеседники не заметили, как солнце стало клониться к закату. Анга поднялась и произнесла:

– Мне давно пора в стойбище.

– Завтра встретимся? – спросил Костя.

– Встретимся.

– На ям вула, – попрощался Костя, что означало «Опять живи хорошо».

– До свидания, – ответила Анга и поспешила в стойбище.

Она несколько лет жила и училась в интернате. Русским языком овладела хорошо. Костя не учился, и ему русский язык давался с трудом. В его речи всегда перемешивались русские и хантыйские слова.

В нижнем течении Оби ханты когда-то были самым многочисленным народом. Их не смог покорить Кучум. Они дали ему достойный отпор. Когда пришёл Ермак, у них хватило мудрости заключить с ним союз, чтобы не воевать на два фронта. В семнадцатом веке приняли христианство, сохранив свои обычаи. В начале тридцатых годов (1931-1934) ханты вели вооружённое сопротивление политике советской власти по ликвидации традиционного экономического и социального уклада их жизни. Одной из причин восстания был принудительный сбор детей для обучения в школе-интернате. Для населения, которое вело кочевой образ жизни, такое обучение детей было неприемлемым. Родители понимали, что ребёнок будет оторван, изолирован

от семьи. Их страшила мысль, что, выучившись грамоте, дети забудут родной язык, не вернутся в стойбища.

Молодые люди встречались несколько дней. При встрече Костя обнимал Ангу и целовал в щеку. Хантыйский этикет запрещал говорить напрямую о брачных намерениях. Сидя рядом на хвойной подстилке, Костя обратился к Анге:

– Можно я попрошу отца послать сватов к твоим родителям?

– Конечно можно! – воскликнула Анга. Разве ты не понял, когда я разломила лепешку пополам.

– Понял, но сомневался.

Костя обнял Ангу и поцеловал в губы. Между ними был заключен союз, скреплённый первым в жизни поцелуем.

Вечером, обращаясь к отцу, Костя сказал:

– Мне пора жениться.

– Ты выбрал невесту из нашего племени? – удивился отец, – это запрещено законом.

Ханты нуждались в здоровом потомстве. Они всегда выбирали невест из других племён, чтобы не было кровосмешения

– Она из другого племени, – ответил Костя.

– Из какого?

– Из племени «Лисы».

– Это племя живёт далеко на севере. Когда ты успел там побывать?

– Род Анги стоит за кедровым островом. Отец, пошли сватов.

– Сначала я сам сплаваю к ним. Познакомлюсь с родителями, спрошу их согласие на свадьбу, а уж потом пошлём сватов. Закон и порядок сватовства надо соблюдать.

Душа Кости ликовала. Отец дал согласие на его женитьбу. У хантов вопросы сватовства полностью решали родители. Часто сыну сватали невесту, которую он даже не видел. На следующий день он сообщил Анге радостную весть. Они были счастливы и считали себя уже мужем и женой. Анга не думала о последствиях их отношений. Она полюбила Костю и надеялась провести с ним всю жизнь. У хантов не осуждали девушку, родившую ребёнка до свадьбы от мужчины из другого племени. Они радовались новому члену семьи.

Встречи молодых людей продолжались около месяца. Отец Кости отложил поездку со сватовством до окончания путины.

Перед ледоставом по Катыльге скатывалась рыба в Васюган. Жители посёлка вели активный лов, не отвлекаясь на другие дела. На рыбалке со старшим братом Кости произошла трагедия. Он ставил сеть в устье Катыльги с обласка – долблёнки. Внезапно налетел сильный ветер и перевернул обласок. Оказавшись в теплой одежде в воде, он не смог выплыть. К тому же почти все ханты не умеют плавать. Долблёнку нашли выброшенной течением на берег, а человек канул в воду. У утонувшего брата осталась жена и двое детей. По истечению дней траура отец сказал Косте:

– Теперь ты обязан содержать семью брата.

– Конечно, я не оставлю их в беде.

– Придётся женить тебя на Авдотке.

– Зачем женить! – воскликнул Костя, – я буду помогать без женитьбы.

– Такой закон, – сказал отец голосом, не требующим возражения.

– Авдотка намного старше меня, я люблю другую девушку, – пытался Костя убедить отца изменить свое решение.

– Закон придумал не я, его надо соблюдать.

Костя готов был зареветь, его душу разрывало горе, рушились планы создать семью с любимой девушкой. Он выскочил из дома и побежал на кедровый остров, хотя о встрече с Ангой не договаривался. Ему хотелось увидеть место их встреч, упасть на хвойную подстилку и предаться своему горю.

У кострища он увидел Ангу. Она сидела с низко опущенной головой. На ней была повседневная одежда. Обычно она наряжалась на свидания с ним. Услышав его шаги, соскочила с места и побежала навстречу, обняла его и заплакала. Вздрагивание её тела передавалось ему и усиливало его душевную боль.

– Анга, что случилось? – спросил Костя, отстраняя её от себя, чтобы посмотреть в глаза.

– Наш род завтра откочёвывает из этих мест, – с горечью в голосе произнесла она.

– Куда? – непроизвольно вырвалось у Кости.

– Шаман провел «Ёл-та-ку». Духи сказали: надо кочевать на север.

– У меня новости ещё хуже. Отец женит меня на Авдотке – жене брата.

Слёзы перестали капать из глаз Анги.

– Он обещал прислать сватов. Хант должен держать данное слово.

– Утонул мой брат, у него осталось двое детей.

Анга знала обычаи предков, она не бросила упрёков Косте. Произнесла на родном языке: «На ям вула», последний раз посмотрела на любимого человека, медленно повернулась и пошла от него. Он произнёс вдогонку:

– Мы должны ещё встретиться.

– Дорог в тайге много, может быть, наши когда-нибудь пересекутся, – тихо произнесла она, медленно двигаясь между деревьями.

Костя смотрел ей вслед, его душу переполняло горе разлуки. Он понимал, что от него уходит не только девушка, а любовь и мечты на счастливое будущее.

Костя не мог оставаться жить в посёлке. Ему стали ненавистными дома отца и Авдотки. Он уплыл в Старый Васюган, устроился работать в госпромхоз штатным охотником, заключил договор на добычу пушнины, и его забросили вертолётом на отдалённый промысловый участок.

13

Воспоминания быстро пролетели в памяти ханта. Костя очнулся как от тяжёлого сна и ответил Валентину: «Старший брат утонул, я обязан взять его жену и заботиться о её детях».

– Значит, сын и дочь у тебя не родные? – удивился Валентин.

– Почему не родные? – в свою очередь удивился Костя, – все в моем роде мне родные.

– Еще у тебя дети были?

– Не был, – кратко ответил Костя, давая понять, что ему неприятен разговор на больную для него тему.

Утром они загрузили в лодку двенадцать мешков с орехами. Собранная брусника давно лежала там. Бросили связку рябчиков и глухаря. Костя завёл подвесной мотор, Валентин оттолкнул нос лодки от берега и помахал на прощание рукой. Мотор взревел, и лодка понеслась вниз по течению.

14

Осеннее ненастье с постоянными дождями перешло в снегопад. Валентин понимал, что охотиться в такую погоду не было смысла. Буран заметал все следы, белки притаились в своих гнёздах и дуплах, колонки и соболь укрылись в завалах под толстым слоем снега. Он ждал перемены погоды, вспоминал Костю и сочувствовал ему. Вскоре по ночам в просветах между облаками стали иногда мелькать звёзды или показывала ненадолго свой лик жёлтая луна. Постепенно метель утихла, перестала наметать новые порции снега, холодный небосвод очистился от туч, сильные морозы ещё не наступили. Стояли короткие дни северной осени.

Валентину надоела однообразная жизнь: вахта на земснаряде и ожидание очередной смены. Он поднялся задолго до рассвета, выглянул из вагончика и убедился, что нет снегопада.

– Почему не спишь? – спросил Анатолий, – сегодня не твоя смена.

– Схожу, стрельну рябчиков, тушёнка надоела.

Валентин надел свитер, сверху легкую ветровку. Накинул на плечи рюкзак, взял ружье и вышел из вагончика. Небо вновь затянули тучи. Он немного постоял, чтобы глаза привыкли к темноте. Его лицо почувствовало слабый морозец. «Не больше пяти градусов мороза», – подумал он. Лыжи решил не надевать, по рыхлому снегу легче идти без них.

Его путь лежал по дороге к мосту через речку Моховую. Не доходя до моста, свернул с дороги, чтобы срезать угол, который делает дорога. Лёд на реке оказался тонким, и он побрёл вдоль неё в поисках переправы. Подойдя к поваленному через реку дереву, срубил длинную палку и, опираясь ею на лед, перешёл по дереву реку. Палку поставил в куст черемухи, росший около переправы, и побрёл к профилю, по которому проходила дорога. Поднявшись на дорогу, с облегчением вздохнул. Здесь снег был укатан машинами, и идти стало легко. Впереди показались фары встречной машины. Он свернул с дороги и побрёл по снегу. Когда машина приблизилась, впереди увидел силуэт куста похожего на зверя. Вторая машина высветила недалеко от дороги

лося. Валентин замер, осторожно зарядил ружьё пулевым патроном. Метрах в пятидесяти от него виднелся нечёткий силуэт зверя. Стараясь попасть в центр силуэта, прицелился и выстрелил. Зверь взметнулся и побежал от дороги. «Промазал», – подумал Валентин и пошел посмотреть место, где стоял лось. Сохатый уходил на трёх ногах. Валентин направился по следу. Когда рассветало, заметил бусинки крови вдоль следа. «Надо добирать», – решил он, – дам время залечь, а потом продолжу преследование». Стоя без движений, быстро замёрз и пошёл по следу. На его пути встретилась лёжка с пятном крови. Немного подождав, продолжил преследование. Встретил следующую лёжку. Зверь недавно ушёл, не подпустив охотника на выстрел. Хороший слух сохатого позволял ему услышать Валентина раньше, чем тот мог заметить его. Преследование продолжалось день и всю ночь. Лось ходил по кругу по болотам, пробирался через густые заросли тальника, оставляя за собой траншею в снегу, по которой шёл Валентин, не сбиваясь со следа.

Утром след лося пересёк профиль, проложенный через болота. Валентин остановился и задумался: «Преследование зверя не имело смысла. Его сослуживцы волнуются из-за его долгого отсутствия. Буду возвращаться домой», – принял решение. В это время из снега стали выпархивать косачи. Они расселись на дереве и, вытянув шеи, наблюдали за непрошеным гостем. С красными бровями, с хвостами лирой они смотрелись как украшение на новогодней елке. «Как их много! – подумал Валентин, – сбились в табун только самцы, не видно ни одной тетёрки». Он знал, что стоит ему сделать хоть один шаг, птицы мигом улетят. Один тетерев ему показался особенно крупным. «Видимо, старик, – размышлял Валентин, – буду стрелять в него, пускай молодёжь живет». После выстрела, косачи, хлопая крыльями, с шумом разлетелись, лишь один крупный черныш, обречённый на суп в котле, свалился замертво в белый снег. Стоя над ним, охотник любовался черной, как уголь, птицей. Он подумал: «Вернусь домой не с пустыми руками».

В это время вдали профиль пересек лось. «Намного я отстал от зверя», – подумал Валентин. Следом за лосем профиль пересекло животное похожее на волка, затем второе. «Неужели на кровавый след лося наткнулись волки, – подумал Валентин, – но почему их только два?». В это время на профиле показался человек. Вскоре раздались два выстрела. Валентин с облегчением вздохнул и подумал: «Здесь, кроме Кости, другого охотника быть не может». Ему захотелось встретиться с приятелем и поговорить с ним. Его собаки, видимо, остановили лося и дали возможность Косте добыть подранка. Несмотря на усталость, Валентин чуть не бегом бросился вперёд. Через сотню метров ноги провалились по щиколотку в воду, скрытую под снегом. Он вернулся назад, срубил палку, и, прощупывая ею снег, стал искать место выхода из болота. Куда бы он ни пошёл, всюду под снегом была вода. «Видимо, не суждено мне сегодня встретиться с Костей», – подумал Валентин и повернул назад по своему следу.

При погоне за лосем он не чувствовал голода, теперь голод дал о себе знать. Валентин достал из рюкзака косача и стал щипать перо на груди. Вместе с пером с птицы снимались куски кожи. Освободив грудь от пера,

впился зубами в птицу. Мясо было теплым, но оказалось настолько жестким, что он с трудом откусил кусочек и начал жевать. Отвращения к сырому мясу не было. В детстве он любил строганину из лосятины. Прекратив попытку утолить голод, положил тушку в рюкзак и продолжил путь.

Впереди, слева, показалась грива, тянувшаяся к реке Моховой. Вдоль неё простиралось труднопроходимое болото, заросшее редкими хилыми сосёнками. По болоту в километре от него проходила дорога, по которой изредка проезжали автомашины. Перед Валентином стала дилемма: идти по гриве вдоль болота до реки Моховой пятнадцать километров или пересечь болото и доехать на попутной машине. Он выбрал второй вариант и повернул в сторону дороги. Ему приходилось постоянно прощупывать палкой снег и обходить участки с водой под снегом. Несмотря на предосторожность, ноги, обутые в чуни, несколько раз оказывались в воде. Путь напрямую по времени оказался долгим. Передвигался от дерева к дереву, надеясь, что деревья растут на твёрдом грунте. Внезапно провалился в воду выше колен. Упал в снег на шест и, опираясь рукой на ружьё, отполз назад по своему следу. Поднявшись на ноги, побежал своим следом назад. Тонкий слой льда под снегом не выдержал давления от его прыжков, и он вновь провалился в трясину. На этот раз выбираться из воды пришлось дольше и труднее. Брюки намокли, к ним примерзал снег. Единственным желанием было – скорее добраться до леса и развести костер. На гриве оказался к вечеру. Костер развести не удалось – спички намокли, их головки отваливались при прикосновении к коробке. «Надо идти, только в движении моё спасение, – решил Валентин и, с трудом поднимая ноги в отяжелевших чунях, побрёл по кромке леса. Перед ним взлетел табунок рябчиков. Птицы уселись на ветви деревьев и с недоумением смотрели на человека, который выгнал их из-под снега, под которым они приготовились провести ночь. После выстрелов два рябчика свалились с деревьев, остальные улетели. Его мучил голод, вторые сутки он ничего не ел. «Голодным я не дойду, – думал Валентин. Он ощипал рябчика и откусил кусочек. Мясо оказалось мягким и немного солоноватым. Подкрепившись двумя птичьими грудками, отправился уже в темноте к реке искать переправу. Он обрадовался, когда увидел свой вчерашний след. «Теперь выйду точно к переправе», – подумал Валентин и побрёл по следу, еле волоча ноги. Перед ним несколько раз взлетали рябчики, но ему было не до них. Все его внимание и помыслы были направлены на то, чтобы добраться до переправы на речке Моховой, а там до дома – рукой подать.

На тайгу давно опустилась ночь, её тишину нарушало только шуршание обледеневшей одежды. Валентин изнемогал от усталости, но упрямо шёл вперёд, повторяя про себя: «Только не упасть, только идти вперёд». Периодически в его сознании наступало помутнение, отключался разум, отяжелевшие ноги передвигал в полусне и полузабытьи. Он шёл, засыпая на ходу. Когда подошёл к поваленному через реку дереву, возникло сомнение: «На каком я берегу, переходил я реку или не переходил?». Увидев в кусте черемухи шест, понял, что реку надо переходить.

На противоположный высокий берег реки поднимался ползком на четвереньках. Когда поднялся на ноги, в глазах поплыли красные круги. Ему показалось, что перед ним медведь. Он вскинул ружьё. Испуг привёл в чувство. Перед ним оказался выворотень. С трудом в темноте отыскал свой вчерашний след и направился по нему. «До трассы недалеко, надо дойти, а там на попутной машине, доеду до посёлка», – подумал Валентин и вновь впал в сонное состояние. Ему снилась служба в армии. Он охраняет складское помещение и обязан ходить вдоль склада от угла до угла. Сколько времени длилось это состояние, он не помнит. Перед глазами появились красные блики, затем вспыхнул пожар. «Неужели горит охраняемый объект?» – где-то в подсознании шевельнулась мысль. В это время из пламени выскочил чёрный страшный зверь и бросился на него. Валентин машинально вскинул ружьё и выстрелил. От звука выстрела проснулся. Перед ним из снега торчал высокий пень от сломанного бурей дерева. Первая мысль, пришедшая в голову: «Где я нахожусь?» Уже наступило утром, рассветало. Удивился, что идёт по хорошо натоптанной тропе, которую мог натоптать только взвод солдат. Остановился около поваленного дерева и увидел торчащий шест. В его голове появилось сомнение: «На каком берегу реки я нахожусь?» Он не мог сразу сообразить, что комель дерева находится на нужном ему берегу. В это время до него донёсся отдалённый сигнал автомашины. «Значит, я всю ночь ходил вдоль реки взад и вперед» – подумал Валентин и направился в сторону трассы, тяжело переставляя ноги.

На показавшемся впереди профиле Валентин увидел человека и крикнул ему несколько раз. Человек стоял к нему спиной и не обращал внимания на его крик. Подходя к дороге, Валентин узнал своего напарника Анатолия Щевелева, который кричал:

– Валя! Валя!

Валентин стал кричать и просить его о помощи, но тот не поворачивался в его сторону. Анатолий повернулся к нему, только когда он поднялся на насыпь и застыл с открытым ртом. На его лице можно было прочитать удивление и ужас от вида обледеневшего человека. Только в глубине глаз промелькнула радость, что Валентин нашёлся живым. Придя в себя, Анатолий спросил:

– Почему не отвечал на мой крик?

Валентину хотелось сказать: «Я кричал, но ты меня не слышал. Почему ты сам не отвечал на мой крик?», но вместо слов из его уст послышалось слабое шипение.

– Пошли третьи сутки, как ты ушёл на охоту и пропал. Мы уже хотели вызывать вертолёт на поиски, – продолжал Анатолий.

Он взял ружьё, снял с плеч Валентина рюкзак и направился по дороге. Валентин последовал за ним и тут же упал на укатанную дорогу. Анатолий вернулся и помог товарищу подняться. После нескольких шагов Валентин вновь свалился. Анатолий увидел, что к подошвам чуней Валентина намерзли толстые каблуки из снега и мха.

– Полежи немного, – произнёс Анатолий, – я освобожу твои чуни от намерзшего льда.

Он вынул из-за пояса Валентина топорик, осторожно срубил лед с подошв и помог подняться.

Напряжение и усилие воли, которые поддерживали стремление Валентина непременно добраться до посёлка, внезапно улетучились. Он почувствовал усталость и расслабленность. Полтора километра до посёлка ему дались с большим трудом.

Добравшись до вагончика, Валентин переоделся в сухое белье. Анатолий достал из шкафчика бутылку водки и, налив полный стакан, протянул приятелю. Валентин выпил и стал укладываться в постель.

– Поешь хоть немного, – предложил Анатолий.

– Потом, – ответил Валентин и провалился в глубокий сон.

15

Первый снег выпал неожиданно рано. Костя планировал до охотничьего сезона сплавать домой в Васюган – вывезти оставшиеся кедровые орехи. Погода спутала его планы. «Заготовлю мяса на зиму, – решил он, – и до ледостава сплаваю домой и вернусь в избушку. Топтать путик и ставить ловушки без хорошего питания уважающий себя охотник не будет. Крикнул собак и отправился в лес. Торым и Сорни обрадовались и большими прыжками помчались по снегу вперёд. Не прошло и получаса, впереди послышался лай. «Работают не по белке, – подумал Костя, – неужели загнал соболя на дерево?». Лай смещался вправо и остановился около болота. Костя ускорил шаг. Он наткнулся на след лося, по которому ушли собаки. Перезаряжая на ходу ружьё на пулевые патроны, поспешил на лай. Ещё издали увидел молодого быка с небольшими рогами, стоящего с наклоненной головой перед собаками. Торым злобно лаял, делая ложные выпады, имитирующие нападение. Лось поворачивал голову то в одну сторону, то в другую. Костя повернул вправо, чтобы подойти к зверю на ветер с боку. Каждый раз, как только собаки смолкали, он замирал на месте. Он знал, что пока сохатый отвлечён лаем собак, зверь не услышит его. Прячась за деревьями, подошёл метров на тридцать, прицелился в лопатку и выстрел. Лось рухнул как подкошенный. Торым вцепился зубами в его загривок, Сорни рвала ляжку.

Первым делом Костя перерезал горло животному и спустил кровь. Снег окрашивался, таял и оседал от тёплой струи крови. Затем разрезал кожу по периметру задних ног на четверть выше коленных суставов. Просунув нож под кожу, разрезал её до анального отверстия, около которого сделал осторожно разрез кожи на животе. Просунул под кожу два пальца левой руки, между ними вставил нож и распорол шкуру до горла, не прорезав брюшину. Для опытного охотника снять шкуру с туши дело нехитрое. Собаки в это время с жадностью хватали и поедали снег, окрашенный кровью.

Распоров живот, сделал разрез в паху туши с одной стороны, спустил скопившуюся внутри туши кровь. Затем топориком вырубил грудинку, вырезал диафрагму. Наклонил тушу на бок, просунул палец в разрез, сделанный в горле, и извлёк все внутренности вместе с кишками на снег. Диафрагму и селезёнку отдал собакам. После этого разрубил тушу на четыре части и бросил в снег. Собаки направились к мясу. «Нельзя», – крикнул Костя на своём языке. Подошёл к кишкам и разрезал желудок, возвышающийся горой на снегу. Из него вывалилась зеленая масса, перемешанная с белыми кусочками древесины от веток тальника. Почистив желудок о снег, отдал его собакам. Вымыл руки снегом и принялся разводить костер. Когда костер разгорелся, срезал несколько прутьев тальника, насадил на них кусочки печени и воткнул около огня. Только теперь, освободившись от работы, присел у костра и посмотрел по сторонам. В воздухе кружил ворон и гортанным криком извещал родичей о предстоящем пиршестве. «Плохой птица, – подумал Костя, – нельзя мясо оставлять в лесу».

Съедая кусок за куском мягкую сочную печень без соли и хлеба, Костя щурил глаза от удовольствия. Собаки блаженно лежали в стороне с раздутыми животами. После трапезы Костя стаскал мясо к дереву, привязал рядом собак и дал им какой-то наказ. Положил в рюкзак печень, сердце, губу, большой кусок мяса и направился к избушке. Лыжню топтал кратчайшим путём, не заходя в кусты.

Возвращаясь к мясу, еще издали услышал лай собак. Когда подошёл ближе увидел, что около мяса на снегу топчется крупный черный ворон. Собаки лаяли на него, но ворон не улетал. Он приближался к мясу, отклёвывал кусочек и отскакивал назад. Его собратья сидели на деревьях и не решались слететь на снег. Костя закричал и замахал рукой. Ворон тут же поднялся в воздух и улетел, следом за ним разлетелись остальные птицы.

Охотник принёс с собой кусок целлофана, положил на него заднюю ляжку, привязал к ней и целлофану веревку, перекинул ее через плечо и легко зашагал по лыжне, почти не чувствуя тяжести груза. На последнюю ходку осталась голова и шкура. Костя положил голову лося на шкуру, завернул боковые края и связал их шнурком, проколов ножом дырки. К передней стороне привязал веревку, перекинул петлю через плечо и зашагал по натоптанной тропе. Груз легко скользил в снежной колее. К вечеру всё мясо было доставлено к избушке.

Костя постоянно думал: «Кто мог ранить лося? Скорее всего, Валентин», – решил он. Ему хотелось навестить друга, но погода торопила идти к лодке и плыть в посёлок. Там его застала пурга, которая свирепствовала два месяца.

16

Два месяца Валентин просидел в вагончике без охоты. Постоянно ругал погоду и думал о встрече с Костей. Земснаряд законсервировали на зимний период. Он вынужден был остаться сторожем, опасаясь оставить Аяша без

присмотра. Наконец метели утихли, небо украсили звезды, установился мороз.

Валентин положил в карман рюкзака несколько петель на зайцев, наполнил патронташ патронами, засунул за пояс топорик, надел на плечи рюкзак, взял ружьё и вышел на крыльцо вагончика. После душного помещения вдохнул полной грудью морозный воздух. Собаки, почуяв хозяина и запах ружья, вылезли из своего укрытия под вагончиком и с визгом и радостным воем затанцевали вокруг него. Им надоело лежать без движения, хотелось размяться и заняться любимым делом. Ему стало их жалко, для них охотничий сезон закончился не начинаясь. Он надел охотничьи лыжи и начал топтать снег, пробивая лыжню на ближайшую гриву, поросшую хвойным лесом. Собаки с радостью устремились за ним. Валентин не стал их гнать назад. Он знал, что по глубокому снегу им далеко не уйти. «Пускай сами убедятся», – решил Валя. Так и вышло. Собаки побарахтались в снегу, из которого торчали только головы и спины, выбились из сил, скоро отстали и вернулись.

В лесу стояла тишина, мороз не казался таким жгучим, как на открытой местности. Из снега вылетели рябчики, и расселись на ветках сосен, с которых обрушился снегопад. Валентин не стал стрелять вблизи посёлка, чтобы не привлечь к себе собак. Топтать лыжню по глубокому снегу было нелегко. Вскоре его спина стала мокрой от пота. Лес казался вымершим. Вокруг ни одного следа. После обильного снегопада зверьки не спешили вылезти из своих укрытий и оставить отпечатки следов. На подходе к Моховой в кедровом стланике зайцы успели натоптать тропы. Валентин поставил несколько петель на тропах, сделав затёсы на деревьях, чтобы не потерять петли и продолжил топтать лыжню в мягком снегу к реке. Идти по глубокому снегу было нелегко, но радовало то, что завтра по проторенному путику идти будет легче. На излучине реки весенним половодьем на берег нанесло высокий холм таёжного мусора. На его вершине виднелись следы колонка или соболя, которые было трудно разобрать в глубоком снегу. Они уходили в снежные норы, видневшиеся на склонах завала. «В таком завале может быть не один зверёк, – подумал Валентин. Его опыт подсказывал, что под завалом, скорее всего, обитает колонок. Пока нет сильных морозов соболь предпочитает в пургу беличье жилище, предварительно съев хозяйку и закусив её припасами, находящимися поблизости. Уже смеркалось, в глубоком снегу не удалось определить хозяина следов. Валентин решил придти сюда завтра и повернул в обратный путь. По дороге размышлял: «Интересно, чьи там следы – соболя или колонка?». Идти по натоптанной лыжне стало легче. Домой вернулся поздним вечером без единого выстрела. Собаки встретили его без радости. Они тихо скулили, выражая свои чувства. В их голосах чувствовалась обида. Валентин снял лыжи, присел около собак и стал нежно гладить, приговаривая: «Я хорошо вас понимаю, вам хочется со мною в лес, но погода нарушила наши планы».

Он первым делом накормил собак, переоделся в сухую одежду, поел, улегся в кровать и провалился в крепкий безмятежный сон.

Проснулся затемно. Мышцы ныли от вчерашнего изнурительного перехода. Превозмогая усталость, поднялся, наскоро перекусил, взял ружьё и вышел на улицу. Собаки с радостным визгом выскочили из-под вагончика и закрутились вокруг него. «Зря радуетесь, разве вы не поняли вчера, что глубокий снег не позволяет вам бегать по лесу», – обратился Валентин к своим любимцам. Собаки не вняли его словам и последовали за ним. Они бежали за ним по лыжне, часто наступая на лыжи. Валентин грубо крикнул на них и заставил вернуться назад.

Подойдя к намеченной цели, Валентин убедился, что под завалом живёт колонок. Он попытался выгнать его на поверхность дымокуром, зажжённым у нескольких норок, но потерял только время. Бросив бесполезное занятие, прошёл вдоль реки, добыл двух рябчиков и повернул назад. Проходя мимо поставленных петель, он видел, что зайцев в них нет. Увидев затёс на берёзе, к которой была привязана петля, он решил проверить её. Подойдя к дереву, потянул за проволоку. Что-то тяжёлое тянулось в петле. Валентин ожидал увидеть белого зайца, но из снега показалось что-то чёрное. От неожиданности он вздрогнул. В петле оказался косач. Он с полёта нырял в снег для ночлега и угодил в петлю. «Как ты, бедолага, угодил в петлю, мало тебе место на полянах для ночлега», – думал Валентин, вынимая добычу из петли.

Добавив в рюкзак к двум рябчикам косача, охотник заскользил к посёлку по натоптанной лыжне.

Неожиданно наткнулся на лавину следов сокжоев – диких северных оленей. Пошёл по следу. Следы привели к участку лесотундры. Олени пересекли ее и скрылись в лесу следующей гривы. «Там они могут задержаться», – подумал Валя и повернул назад. Запыхавшись, прибежал в вагончик, взял малопульку и по своей лыжне поспешил за табуном. Следы оленей уходили через болото по глубокому снегу. В какой-то момент он заметил в снегу глубокую борозду. «За сокжоями охочусь не только я», – подумал Валентин и пошёл по следу. Когда след прошёл через густой ельник, он увидел на снегу отпечатки волчьих лап. Валентин обратил внимание, что самые крупные следы замыкали шествие хищников. «Видимо, вожак бережёт силы для броска на жертву, – подумал Валя, – мне здесь делать нечего». Он вернулся в вагончик.

На следующий день Валентин проснулся рано, взял ружьё, накинул на плечи видавший виды рюкзак и отправился в бор проверить поставленные петли. Лыжи легко скользили по протоптанной лыжне. Собаки устремились за ним, но он грубым окриком вернул их домой. Лес стал оживать после пурги. Слышалась барабанная дробь, отбиваемая вечным тружеником лесов дятлом. На снегу валялись сосновые шишки и хвоя, сброшенные белкой. От одного дерева к другому тянулась цепочка следов, оставленная проворным зверьком. Валентин всё видел, анализировал, он чувствовал себя частицей этого таежного мира. Его путик пересекли следы четырёх рысей, идущих цепью. «Охотятся котлом», – подумал Валя и пошёл по их следу. Следы привели к болоту, через которое ушли звери. Он сунулся за ними, но его остановил

глубокий снег между кочками. Прекратив погоню, повернул в лес в сторону реки Моховой. Зимой в лесу темнеет быстро. Добравшись до своего путика, охотник поспешил домой, но до темноты не успел выбраться из леса. Когда пересёк профиль, до посёлка оставалось полтора километра. Здесь он заметил, что его лыжню пересекли какие-то животные, оставляя в снегу глубокую траншею. Он первоначально подумал, что возможно прошли олени, но переехав траншею, остановился. У него мелькнула мысль, что олени не ходят друг за другом след в след. Вернувшись назад, присел около траншеи, зажег спичку и посмотрел на дно траншеи. Там виднелись отпечатки волчьих лап. «Волки», – как кнутом ударила в голове мысль. В висках усиленно застучала кровь. Он старался бесшумно идти по лыжне, внимательно всматриваясь в темноту, надеясь, что стая прошла давно, ушла далеко и не учует его. Эта предосторожность оказалась напрасной. Вскоре увидел, что его лыжню в нескольких местах пересекали звери огромными прыжками. «Окружают», – мелькнула мысль. Когда справа, около кустов мелькнули зелёные огоньки волчьих глаз, его спина мгновенно покрылась холодным потом. «Охотятся за мной», – подумал Валентин и выстрелил в кусты. С другой стороны лыжни тенью мелькнул волк. Вдогонку последовал выстрел.

Валентин вспомнил деда Бутурлакина Александра Ивановича, которого в тридцатые года прошлого века около посёлка Ворогово на берегу Енисея задрали волки. Он вёз мешок соли из посёлка Зотино. Замёрз сидеть неподвижно, соскочил с саней и побежал следом за ними. Лошадь, почуяв волков, умчалась вперёд, увозя ружьё и топор. На следующий день односельчане нашли только его разодранную одежду.

После этих воспоминаний его обуял жуткий страх. Под шапкой по коже поползли колючие мурашки, на спине появился холодный пот.

Продвигаясь вперед по глубокой лыжне, Валентин стрелял по плохо видимой цели. Волчьи глаза мелькали впереди и по сторонам. «Только бы не подвело ружье, только бы не споткнуться и не упасть, – молился он. Особо жуткий страх испытывал проходя по зарослям пихтача, опасаясь нападения сзади. Постоянно крутил головой и стрелял по каждому подозрительному кусту. Звери боялись выстрелов и крутились вокруг него на недосягаемом расстоянии для верного выстрела. Проведя рукой по патронташу, доставая очередной патрон, он понял, что патронов осталось мало. Достал из кармана патроны, заряженные картечью, и стал стрелять только по видимым вспышкам огоньков волчьих глаз. После очередного выстрела услышал, что хищник взвыл. А затем послышалось злобное рычание дерущейся стаи. Ближе к посёлку лес поредел, на снегу не было видно волчьих следов, пересекающих путик.

Только у вагончика он осознал, что, видимо, попал в волка, и стая прекратила преследование. У него в патронташе оставалось только два патрона. Он не услышал привычный лай собак, которым они обычно встречали его при подходе к посёлку. Они, видимо, натерпелись страха не менее его, когда учуяли волков. Валентин нагнулся отстегнуть крепления лыж и почувствовал, что у него трясутся руки. Из-под вагончика появились собаки,

тихо скуля и повизгивая. Как только он открыл дверь, они наперегонки бросились в жилище.

Несмотря на усталость, он долго не мог уснуть, вспоминал мельчайшие подробности преследования волками. Во сне ему снилось, что он, находясь в сознании, видит, как хищники раздирают его на части.

17

Прошло несколько суток после встречи с волками. Постепенно страхи улетучились, и желание идти на промысел с каждым днём усиливалось. Валентин перебирал патроны, чистил ружьё, прокипятил капканы с пихтовой хвоёй, подогревая в себе страсть к охоте.

Перед сном услышал тревожный лай своих беспородных собак. «Неужели шатун», – подумал он. Схватил ружьё и торопливо стал заряжать. Аяш, лежавший у кровати, вскочил и бросился к двери. В прыжке лапами открыл дверь и выскочил на улицу. Валентин услышал, как он радостно заскулил. В дверной проём, при свете уличного фонаря, увидел Костю, бредущего по глубокому снегу и сгибающегося под тяжестью рюкзака. Его сопровождали две лайки. Аяш крутился около них, прыгал на каждого, продолжал радостно скулить, приветствуя хозяина и родителей.

Валентин обрадовался приходу Кости не меньше Аяша. Выскочил навстречу с намерением помочь снять походный мешок, напоминающий рюкзак. Этот благородный порыв чуть не обернулся для него трагедией. Зубы крупного хантыйского кобеля металлическим звуком щелкнули у его шеи. Он замер на месте. Костя на родном языке позвал собак, они уселись у его ног. «Серый и крупный как волк», – подумал Валентин о лайке и поспешил в вагончик. Наложил в две миски еды, приготовленной для своих собак, вышел из вагончика и поставил перед лайками ханта. Он ожидал, что собаки после длинного перехода проголодались и набросятся на еду, но они спокойно сидели у ног хозяина, который убирал сосульки с лица и вытряхивал снег с кухлянки. Для них в этот момент еда отошла на второй план, главное – защитить хозяина от незнакомого человека, в котором почувствовали опасность.

Аяш волчком крутился между матерью и отцом. Сорни раза два лизнула его и оттолкнула лапой. Торым на его ласки глухо заурчал.

Костя внимательно наблюдал за развитием событий. Наконец он обронил несколько слов по хантыйски. Собаки наперегонки бросились к мискам с едой. Местные собаки сидели в стороне и изредка подавали свои голоса.

– Пойдём в вагончик, – обратился Валентин к Косте, – не бойся, мои дворняги не обидят твоих собак.

– Ты опять шути, – произнёс Костя, и на обмороженном, в пятнах, лицо появилась улыбка.

Аяш на правах хозяина последовал за людьми в вагончик. Хант грубым голосом ругнул его. Пёс поджал хвост и мигом выскочил на улицу.

– Нельзя много табак нюхай, – объяснил хант.

В вагончике запахло костром от одежды и потом человека давно не мывшегося в бане.

Валентин торопливо собирал на стол лучшее из запасов пищи и ожидал, когда гость заговорит. На такой случай у него хранилась бутылка спирта, которая оказалась на столе.

После стопки спирта, разбавленного снегом, Костя оживился и начал рассказывать: «Урожай богатый был, заработок хороший. Вывозил на лодке орехи, ягоду, рыбу, мясо. Бабу кормить надо. Последний рейс – шуга шла, коряги плыли. Несколько раз шпонка менял. Лодка Старый Васюган остался. Теперь пешком ходи».

Валентин подумал, что Косте пришлось с тяжёлым грузом пройти около ста километров, чтобы сюда добраться, а до места охоты предстоит пройти еще двадцать километров. Он решил проводить друга до избушки и помочь ему донести груз.

Рассказ о новостях в Старом Васюгане мало интересовал Валентина. Усталость и спирт не давали Косте сосредоточиться на русской речи. Он перемешивал русские слова с хантыйскими. Валентин не мог уловить смысл рассказа, поднялся из-за стола и стал готовить постель для друга, положив на кровать для него второй матрас. Затем постелил чистую простынь и положил шерстяное одеяло.

Костя категорически отказался ложиться на кровать. Расстелил на полу кухлянку, улёгся на неё и через несколько минут по вагончику разнёсся его храп.

Валентин подумал, что Костя отказался ложиться в постель не потому, что не хотел её пачкать, а потому, что для него было привычней спать в одежде. Засыпая, анализировал весь вечерний разговор и подумал, что правильно поступил, что не рассказал Косте о встрече с волками. Он бы сейчас не спал так безмятежно, а беспокоился о своём небольшом табуне оленей, оставшемся в тайге около избушки.

Чуток сон промысловиков, ночующих у костра. Им часто приходится переворачиваться с боку на бок, подставляя к огню замёрзшую часть тела. Костя, по привычке, так же вёл себя в теплом помещении. Часто переворачивался с боку на бок. Среди ночи Валентин услышал стук трубки о пол. Костя выколачивал из неё остатки табака и ворчал себе под нос. Он ругал свои мышцы, ноющие после трудного перехода.

Валентин поднялся и включил свет.

– Выходить надо очень рано, – произнёс Костя.

Валентин понял его. После одиннадцати часов начинают проявлять активность белки. Собаки, несмотря на то что устали, будут облаивать их и задерживать в пути охотников. Костя хотел как можно раньше добраться до избушки.

Завтрак состоял из двух лент лосиного мяса, распаренного в кипятке, и крепкого чая. Плеснув в кружки с чаем немного спирта, Валентин предложил:

– Я провожу тебя до места и помогу обустроиться.

Костя промолчал, бросив на друга благодарный взгляд.

Сборы были короткими. Валентин положил в рюкзак четыре замороженные булки хлеба, чай и другие продукты. К рюкзаку пристегнул походный керогаз.

– Зачем лишний вес таскай? – удивился Костя.

– В пути не будем терять время на разведение костра. Быстро вскипятим чай. До обеда надо быть в избушке.

– Так хорошо будет, – согласился хант.

Перед выходом на улицу Валентин вынул из патронташа патрон, убедился, что он заряжен пулей, и вложил в ствол ружья. Это не ускользнуло от внимания Кости, который, казалось, не смотрел в его сторону.

– Темно, плохо стреляй пулей, – произнес хант.

Валентин промолчал, отвернулся, захлопнул ружьё и поставил на предохранитель.

На дворе стояла безветренная морозная погода. На небе мерцали миллионы ярких звезд. Валентин залюбовался северным сиянием, раскинувшимся радугой на северо-востоке. Отыскал на небе Большую Медведицу. По ней нашёл Полярную звезду и подумал: «В такую погоду по звёздам легко ориентироваться не только морякам, но и таким путникам как я».

К речке Махня охотники направились по лыжне, проторенной три дня назад Валентином. Примятый и замерзший снег в лыжне легко держал собак, и они ушли далеко вперёд. Аяш радовался встрече. Прыгал сзади на Сорни. Он уже достиг её роста, пытался обогнать родителей, но увязнув в глубоком снегу, выпрыгивал на лыжню и следовал за ними.

Не успели путники пройти полкилометра, как собаки вернулись назад с опущенными хвостами. Их поведение вызвало у людей тревогу. Валентин снял с плеча ружьё, Костя последовал его примеру. Тревога оказалась напрасной. Они подошли к месту, где около кустов Валентин слышал визг и злобное рычание волков после своего выстрела. Видимо, он ранил волка, и стая делила обед из своего собрата. Запах от оставшихся клочьев шерсти, испугал собак, и они вернулись под защиту людей.

Постепенно собаки успокоились и убежали вперед. Через час лыжня привела к речке. Здесь собаки топтались на месте. Они вытоптали снег на большой площадке. Когда охотники подошли к ним, они внимательно смотрели в их лица, словно спрашивая: куда идти дальше? Валентин удивился поведению собак. Его лыжня сворачивала вправо вдоль реки вниз по течению. Они не пошли по лыжне. «Неужели они знают, что нам надо идти в другом направлении?» – подумал он.

Костя что-то сказал по хантыйски и указал рукой направление через прибрежные кусты к реке. Собаки бросились вперёд, утопая в глубоком мягком снегу, оставляя за собой траншеи, по которым направились охотники. Подойдя к урезу реки, Валентин срезал охотничьим ножом, который всегда висел у него на поясе, ветку тальника и стал протыкать снег, чтобы убедиться в прочности льда под ним. В это время собаки на противоположном берегу речки подняли табун тетеревов, ночевавших в снегу. Потревоженные птицы одна за другой вылетали из снежных нор и рассаживались на ветки

близстоящих деревьев. Валентин машинально вскинул ружьё, забыв, что в стволе пулевой заряд, прицелился в тёмное пятно и выстрел. Тетерев тряпкой упал в снег, остальные разлетелись. Костя подошёл к другу и произнёс:

– Не надо стреляй пулей.

Только теперь Валентин вспомнил, что не перезарядил ружьё. Им навстречу, утопая по брюхо в снегу, прыжками приближалась Сорни с косачём в зубах. Она подошла к хозяину и положила перед ним добычу. На снегу лежало месиво из перьев, костей и мяса.

– Его нельзя кушай, – недовольным тоном пробурчал Костя.

– А мы проверим, – когда я разделю его собакам.

На лице Кости появилась улыбка.

Валентину захотелось рассказать другу о встрече с волками, объяснить, почему он зарядил ружье пулевым зарядом, но тут же отбросил это желание. Впереди ещё длинный путь, и ему не хотелось доставлять Косте переживания за его оленей. «Расскажу как-нибудь в другой раз», – решил он и зашагал на лыжах по борозде, проторенной собаками.

Их путь лежал по кедрово-пихтовому массиву. В густом лесу идти стало легче, чем по открытой местности в пойме речки. Снег белыми шапками лежал на кедровых лапах, готовый в любой момент осыпаться на путников при прикосновении к веткам.

На полпути, в густом кедраче, они остановились у поваленного дерева и решили сделать привал. В лесу было тихо, стоял полумрак, деревья окружали мрачным хороводом. Валентин ногами расчистил от снега небольшую площадку и на ней разжёг керогаз. Костя набил котелок снегом, поставил его на керогаз и стал ждать, когда снег растает, чтобы приготовить чай. Валентин тем временем выщипал у тетерева крупные перья, разделил его на три части и отдал собакам. Аяшу досталась только голова и шея. Он сильно зажирел за три месяца беспечной жизни у Валентина.

Наскоро попив чаю, тронулись в путь. Собаки, как прежде, выстроились в цепочку. Впереди Торым прыжками преодолевал глубокий снег. За ним шла Сорни, а позади Аяш. Когда кобель останавливался, чтобы набрать в разгоряченную пасть снега, Сорни пыталась его обойти и занять место лидера. Торым незлобно рычал, отталкивал её плечом и прыжками уходил вперёд.

Неожиданно он повернул немного левее, относительно заданного ему направления. Валентин увидел на стволе дерева старый затёс, указывающий на проложенную здесь тропу. Собака второй раз изумила его. «Неужели кобель почуял тропу под снегом? – подумал Валентин, – или хорошо знает эту местность?».

Постепенно дремучий кедрач закончился. Они вышли на открытую местность, на которой торчали редкие, корявые, низкорослые сосёнки. Под снегом угадывалась болотистая местность с небольшими озерками. Преодолев болото, оказались на гриве, заросшей хвойным лесом, за которой начиналось новое болото.

Собакам всё труднее и труднее давался каждый метр пути. Торым чаще останавливался и хватал снег разгорячённой пастью. Аяш давно отстал и шёл

по лыжне за Валентином, наступая на пятки его лыж. Вот и Сорни уступила Валентину дорогу, пристроившись на лыжне за хозяином. Только кобель продолжал идти впереди. Его прыжки стали значительно короче.

Подходя к очередной лесистой гриве, Валентин посмотрел на небо. Потускневшие звёзды предсказывали приближение рассвета. «Около девяти часов, – подумал он, – значит, до избушки осталось не больше четырех километров». Когда Костя подошёл к нему, предложил:

– На гриве надо сделать привал, собаки выбились из сил.

Костя согласился. Он выглядел очень уставшим. Во время перехода от посёлка Старый Васюган занимался охотой. Трудно подсчитать, сколько километров ему довелось преодолеть. В его мешке лежали три соболиные шкурки и больше десятка беличьих.

На гриве остановились возле двух поваленных ветром сосен, лежащих поперёк друг друга. Лыжами разгребли под ними снег и развели костёр. Собаки уже успели устроить в снегу лунки и улечься в них, прикрыв хвостами носы. Костя набил котелок снегом и повесил над огнем. Валентин предложил:

– Я вернусь к болоту, там слышал хлопанье крыльев спугнутых косачей. Может, добуду на завтрак.

Костя кивнул головой. Валентин надел лыжи, взял в руку ружье и легко покатил по проторенной лыжне вниз по гриве к болоту. Собаки, увидев ружье, а скорее всего, почуяв его запах, вскочили со своих мест. Костя прикрикнул на них, и они улеглись на свои места.

Валентин остановился около болота и стал всматриваться в темноту, решая, в какую сторону повернуть. Видимость была не больше тридцати метров. После недолгих размышлений повернул налево, решив, что стрелять удобнее в улетающих птиц в сторону леса. Он направился по кромке леса, всматриваясь в снег, надеясь увидеть лунки ночующих под снегом тетеревов. Не успел пройти и сотни метров, как раздалось хлопанье крыльев взлетающих в десяти метрах от него из-под снега тетеревов. От неожиданности Валентин вздрогнул, поднял ружьё и навскидку сбил двух птиц. Косачи продолжали взлетать. Он успел перезарядить ружье и добыть ещё одного. «Как их тут много, – подумал охотник, – наверное, больше сотни. Хорошо, что Костя не пустил со мной собак, они бы спугнули тетеревов далеко от меня».

К костру Валентин вернулся с двумя косачами и тетёркой. Тетёрку слегка ощипал, опалил и разрубил для собак. Краснобровых, чёрных как уголь тетеревов привязал к рюкзаку.

После завтрака, состоящего из распаренного копчёного мяса сохатого и чая с сухарями, охотники заторопились к избушке. Каждый мысленно подбадривал себя тем, что скоро конец трудного пути.

Вслед за ними поднялись собаки. Аяш заскулил от боли в нетренированных мышцах.

Наступила предрассветная темнота. На деревьях не было видно затесов. Идти приходилось по следу Торыма, тёмный силуэт которого мелькал впереди.

К избушке пришли довольно быстро, до восхода солнца. Уставшие собаки не стали дожидаться еды, тут же устроили себе лунки в снегу и улеглись в них.

Костя снял с плеч походный мешок и, не заходя в домик, стал ходить вокруг избушки, разыскивая следы Яшки. В стороне раздалась его ругань.

– В чем дело? Кого ты ругаешь?

– Росомаха ходи, пугай Яшка.

Следы росомахи привели Костю на крыльцо. На двери увидел замерзшие испражнения зверя. Всегда немногословный, он разразился длинным ругательством на своём языке.

– Скажи мне, наконец, что случилось? – второй раз спросил его Валентин.

– Росомаха вредный зверь, не мог попасть избушка, стал делать пакость.

Костя сел на крыльцо, достал и закурил трубку. Чувствовалось, что он нервничает. Не докурив трубку, соскочил и побежал в лес, словно не было тяжёлого перехода. Он забыл обо всём на свете. Для него главным было найти Яшку. Через несколько минут вернулся и радостно сообщил:

– Нашёл! Нашёл!

– Что нашёл?

– След Яшка. Он жив!

Костя открыл избушку, схватил верёвку, надел лыжи и вновь отправился в лес. Он долго не возвращался. Валентин за это время успел затопить печь и приготовить обед. Вернулся Костя во второй половине дня, ведя на веревке Яшку. За ними следовали две оленухи. Хант насыпал им соли, гладил и обнимал оленя, который принимал его ласку и тыкал в него носом. Наблюдая за дружбой человека и оленя, Валентин подумал, что Яшка, наверное, единственное живое существо, кого любит Костя. Потомственному оленеводу эта дружба скрашивает жизнь и напоминает времена, когда его племя имело несчётные табуны оленей.

Недалеко от избушки на кромке леса стояли копны, занесённые снегом. Показывая на них рукой, Валентин спросил:

– Костя, ты сено заготовил?

– Зачем сено? Ягель таскай. Чарым будет – Яшка корм будет.

Угостив оленей солью, Костя принёс кусок сохатины и топор. Разрубил мясо на три части и отдал собакам. Только после этого направился в избушку.

В хорошо натопленной избушке друзья разделись, выпили по стопке спирта, плотно поели и рано улеглись спать. После тяжёлого перехода сон мгновенно принял их в свои объятия.

18

На следующий день после завтрака Валентин спросил:

– Чем сегодня займёмся?

– Рыбу надо ловить.

Они надели верхнюю одежду. Костя подал Валентину пешню, стоящую в углу, и мешок с сетями. Сам взял лопату и вышел на улицу, отбросил снег от одной стены избушки и извлёк тонкий шест длиной метров пять и две тальниковые палки. На конце одной палки была рогулька, на конце другой – крючок.

На озере снег оказался неглубоким и утрамбованным ветрами. Идти было легко без лыж. Рыбаки остановились против устья ручья. Костя выбрал место по известным ему признакам, очистил лопатой снег с небольшой площадки и произнёс:

– Майну надо делать.

Валентин мысленно одобрил выбор Кости. Он знал, что зимой при уменьшении кислорода в воде рыба собирается к устьям рек и ручьёв, сбросил с плеча мешок с сетями и начал долбить пешней лёд. Лунку сделал продолговатой, чтобы заводя шест под лед не зацепить дно. Хант одобрил выдолбленную майну, через неё удобно будет ставить сети. Взял из рук Валентина пешню, отсчитал пять шагов и начал долбить лунку. Так, сменяя друг друга, они продолбили два десятка лунок. Затем Костя привязал к шесту шнур и запустил его под лёд, палкой с рогулькой направил шест к следующей лунке. Там Валентин поймал его палкой с рогулькой и прижал ко льду. Проталкивая шест от лунки к лунке, они протянули подо льдом шнур длиной сто метров. К шнуру привязали сеть. За противоположный конец шнура Валентин затянул сеть под лёд. За конец первой сети привязали ещё одну сеть. К концам связки сетей привязали якоря и опустили их на проволоке ко дну, а концы проволоки оставили на поверхности льда. На установку сетей ушло почти всё световое время короткого зимнего дня.

На следующее утро Костя произнёс:

– Надо топтать путик.

Валентин без лишних слов всё понял и решил остаться ещё на два дня и помочь другу. Из-за непогоды хант потерял два месяца промыслового сезона. Добыча пушнины является главным доходом существования его семьи.

Собак оставили около избушки, чтобы не отвлекали от постановки капканов. Костя выбрал направление путика вдоль пихтача. На многих пихтах висели шишки, украшая их как новогодние елки. Мороз спал, дышалось легко. Мягкий снег беззвучно оседал под широкими охотничьими лыжами. Валентин подумал, что Костя выбрал удачный маршрут для путика. Белки любят кормиться пихтовыми орешками, будут посещать пихтовый массив, а за ними обязательно придёт и соболь.

Около завала из деревьев, занесённых снегом, валялись перья рябчика. Следы зверька, полакомившегося дичью, в глубоком снегу определить не удалось. Здесь Костя решил установить первый капкан. Он срубил стройную трехметровую пихточку, очистил ствол от веток, воткнул в снег и прислонил её к нижней ветке старого дерева. Затем на конце палки поставил капкан, привязав его к ветке. Над капканом повесил на тонком шнурке голову тетерева, привязав шнурок к вышерастущей лапе.

«Соболь, забравшись по палке и потянувшись к голове косача, попадет лапой в капкан, – подумал Валентин, – затем сорвётся с палки и повиснет вместе с капканом. Висеть будет, пока не замёрзнет. Это жестокий метод добычи пушнины. Виноват не охотник, а общество, в котором высоко ценятся шкурки соболя».

К удивлению Валентина, Костя достал из рюкзака пол-литровую бутылку и вынул пробку. Из бутылки потянуло неприятным смрадом. Хант сломил веточку, макнул её в бутылку и помазал зловонным содержимым взбег – палку, на которой стоял капкан.

– Зачем ты мажешь взбег? – удивился Валентин.

– Соболь далеко чует.

– Что в бутылке?

– Змея.

– Я не вижу там змеи.

– Змея летом был.

Валентин понял, что у ханта свой способ приманки соболя к капкану.

Стояли самые короткие предновогодне дни. За светлое время суток охотники успели установить только пять капканов. Около избушки их радостно встретили собаки. Аяш повизгивал и бросался то к одному, то к другому. Сорни виляла хвостом, её глаза светились радостью. Торым с достоинством невозмутимо стоял в стороне, ожидая, когда хозяин снимет лыжи и накормит своих помощников. Его ожидания оправдались. Костя принёс кусок мяса лося, положил на чурку, стоящую у крыльца, разрубил на три части, подозвал собак к себе и каждой дал в зубы по куску лосятины.

– Костя, что означает кличка Торым? – спросил Валентин.

– Медведь, – кратко ответил приятель.

«Скорее всего, по-нашему Миша», – подумал Валентин и задал еще вопрос:

– А Сорни, что означает?

– Золотая баба.

Выбор кличек собак у ханты своеобразен. Часто щенку дают такую кличку, какой им хочется видеть собаку, или по названию промысловых зверей, добываемых с собакой.

Избушка за день успела выстудиться. Костя затопил печь и сосредоточенно смотрел на огонь. Глядя на его худую сгорбленную фигуру, Валентин думал о его судьбе.

– Костя, почему ты никогда не берешь с собой в избушку напарника?

– Привык один.

После этого короткого разговора у Валентина испортилось настроение. Судьба ханта вызвала в его душе не только сочувствие, но и оставила еще неосознанную боль. Костя помрачнел, неподвижно сидел перед плитой и погрузился в воспоминания. Видимо, они увели его в давно ушедшие годы. Он вспоминал свою молодость. Валентин решил не задавать ему больше вопросов. Разлил по кружкам остатки спирта и предложил:

– Костя, иди к столу, выпьем немного.

Они, не чокаясь, выпили и молча приступили к еде.

Зимняя ночь очень длинная. Оба проснулись задолго до рассвета. Разогрели приготовленную вечером лосятину. Мясо вкусное и калорийное. Поев его утром, целый день чувствуешь себя сытым. Костя закурил самодельную трубку и произнёс:

– Сети надо проверять.

При лунном свете они продолбили две крайние лунки. Пешня у Валентина несколько раз скользила по льду и ударялась о проволоку. Услышав металлический звон, он подумал: «Молодец Костя, что вместо шнура опустил сети на проволоке. Шнур можно было бы перерубить пешней. Они привязали к одному концу сети шнур и растянули его по льду озера. Второй конец стали вынимать из воды. Окуни и щуки, оказавшись на воздухе, забились в дели. Рыбаки протаскивали их через ячею и бросали в сторону. К рыбе моментально прилипал снег, и она засыпала в снежном панцире. Управились до рассвета. В сети с ячеей пятьдесят миллиметров попалась крупная рыба. Она была одного размера, словно калиброванная. Щук и окуней положили в разные мешки. Костя в каждый мешок насыпал несколько лопат снега и заявил:

– Так лучше хранить. Больше рыбы не надо.

Он привязал пучок замерзших сетей к якорю и опустил на дно озера. Затем сходил к последней лунке и опустил в воду якорь с концом шнура.

Улов составил полтора мешка рыбы. Мешки положили на санки с полозьями из лыж и отправились к избушке.

В этот день Валентин прощался с Костей. Крепко пожал ему руку и спросил:

– Как долго останешься на промысле?

– До чалима надо уходить.

– Как выбираться будешь?

– Яшка верхом возит, матки груз возят.

– До весны я тебя навещу.

– Хорошо будет.

У промысловиков не принято произносить длинные речи. Им все понятно из коротких фраз. Прежде чем встать на лыжи, Валентин присел и позвал Аяша. Он, виляя хвостом, подошёл к нему. Валентин погладил его по спине, потрепал за шею и произнес:

– Хороший ты пёс.

Услышав знакомые слова, Аяш активнее завилял хвостом.

– Прощай дружище, у хозяина тебе будет лучше, – с сожалением произнес Валентин и поднялся на ноги.

Он надел на плечи рюкзак, в котором лежало немного рыбы и мяса, встал на лыжи и покатил по лыжне, протоптанной три дня назад, в поселок нефтяников, а Костя отправился проверять поставленные вчера капканы и устанавливать новые.

Лыжи легко скользили по проторенной лыжне, Валентин скатился с одной гривы и без особых усилий благодаря лыжам, подбитых камусом, поднялся на следующую гриву. Впереди на кромке болота, заросшей тальником, кормился

лось. Валентин замер и схватился за ружье. «Мне не нужно мясо, отсюда его не вынести», – подумал он и продолжил путь.

Лесной гигант, услышав скрип лыж, легко помчался к лесу, высоко поднимая передние ноги из глубокого снега. Валентин смотрел ему вслед и восхищался красотой бега крупного зверя. Ему отчётливо была видна его верхняя губа, загнутая вниз, и горб над лопатками.

После обильного снегопада жизнь в тайге оживилась. На снегу встречались беличьи следы, которые тянулись от дерева к дереву. Валентин поднимал вверх голову, пытаясь разглядеть зверька. «Без собаки трудно увидеть притаившуюся белку», – думал он и, не снижая скорости, продолжал скользить по лыжне. В одном месте его лыжню пересекли следы белки и соболя. Оба зверька заскочили на дерево и, судя по осыпавшейся хвое, пошли верхом. «Незавидная судьба у белки, – подумал охотник, – если хищник начал преследовать – её участь предрешена».

В двух километрах от посёлка его внимание привлекли странные вмятины на снегу. Он остановился и стал в них разбираться. Здесь дрались два соболя. Они барахтались в снегу, затем взбирались на дерево. Продолжали драку там и срывались с ветки в снег. После очередной потасовки в снегу забирались на другое дерево и вновь срывались вниз. Такое падение повторялось несколько раз. «Что они не поделили? – думал Валентин, – скорее всего, участок».

Соболь, как многие хищные звери, метит периметр своего кормового участка. Видимо, чужак забрёл в чужие владения, и у него произошла драка с хозяином участка.

«Надо будет навестить этот участок леса, – решил Валентин, – и отловить кого-нибудь из драчунов».

19

В конце февраля в природе чувствовалось приближение весны. Метели давно прекратились, солнце с каждым днём светило ярче. На крыше вагончика появились первые сосульки.

Валентин постоянно думал о Косте. Охотничий сезон в этом году из-за обильного снегопада у него начался поздно. Охотник может задержаться с промыслом. По предположению Валентина, скоро может появиться чарым, а на реке наледь. Выходить из тайги с оленями будет трудно.

После нескольких дней раздумий Валентин надел лыжи и отправился навестить друга. В лесу чувствовались изменения, он просыпался от зимней спячки. Хвоя сосен и кедров сияла в солнечных лучах. Отяжелевший снег на лапах хвойных деревьев, срывался вниз, создавал вмятины в снегу, которые иногда напоминали следы зверей. Произошла перемена в настроении птичьего племени. Синички стаями порхали в березняке и весело щебетали. Крупный чёрный дятел с красной шапочкой на голове усердно трудился на засохшем дереве. Вдали на березах чёрными головёшками сидели косачи. Валентин всё видел, от его взгляда не ускользал ни один след на снегу. На гривах часто встречались следы белок, в долинах ручьев цепочки следов колонков и горностаев.

В кедровом массиве с дерева с шумом сорвался крупный глухарь и тяжело полетел низом между деревьями. От неожиданности Валентин вздрогнул и схватил в руки ружьё, но стрелять не стал. «Далеко нести тяжелый груз, – подумал он, – добуду рябчиков на подходе к озеру».

Около избушки Валентина встретили собаки. Аяш бросился к нему и прыгнул передними лапами на грудь. Он сильно возмужал, ростом стал выше матери, которая стояла в стороне и наблюдала за сыном. Густая длинная шерсть лоснилась. «Хорошо тебя кормит хозяин», – подумал Валентин и прижал его голову к груди, затем произнёс: «Привет, привет, дружище, я тоже рад встрече». Аяш освободил голову из-под руки Валентина и лизнул его лицо.

К приходу Кости был готов суп-лапша с рябчиками. Он вернулся в сумерках. Войдя в избушку, положил в угол связку снятых капканов, на лежанку двух соболей и развёл руки. Валентин подошёл к нему, и они обнялись.

– Иду, дым вижу, думал: какой шайтан печь топит, – начал первым говорить Костя.

– Раздевайся, садись к столу, потом поговорим, – предложил Валентин.

На следующий день Валентин помог Косте собрать с путика оставшиеся капканы и вынуть из озера сеть. Она лежала комком на дне озера в том же месте, где её оставили. У Кости не было времени и необходимости ловить рыбу. Покинуть зимовье он собирался через два дня. Предстоял стокилометровый переход на оленях. Яшка на привязи ходил около куч ягеля, приготовленных для него с осени. Оленух поблизости не было видно. Валентин спросил:

– Где оленухи?

– Лес ходил.

– Как ты их найдешь?

– Собаки гоняй.

Ханты обучают собак помогать людям пасти оленей и пригонять отставших к табуну.

Прощаясь с Костей, Валентин попросил:

– Доберёшься до поселка, позвони мне по рации.

– Как звони?

– В Старом Васюгане есть связь по рации с нашим посёлком. Мой позывной «Сокол». Запомнил позывной?

Костя взял веточку и нарисовал на снегу птичку.

У Валентина возникло сомнение – соколы в этих краях не водятся, и Костя может перепутать название птицы. Он достал из кармана компас и на крышке нацарапал ножом слово «сокол». Подавая компас, сказал:

– На радиостанции грамотные люди, они помогут тебе связаться со мной.

Валентин ждал звонка, но звонок прозвенел в тот момент, когда он меньше всего ожидал его. В трубке звучал искаженный голос Кости. Из его тирады понял только слова: «Хорошо, хорошо, Яшка хорошо, матка хорошо».

– Скажи, ты шёл по реке?

– Мохня плохо, лёд, вода.

Валентин догадался, что на реке появилась наледь, олени могли поранить ноги, и хант шёл через тайгу по мягкому снегу. Этот путь короче, чем по извилистой реке, но более трудный при глубоком снеге.

– Сколько дней был в пути?

– Пять переходов.

Валентин представил ночёвки Кости. Когда нет походного чума или палатки, ханты спят между двумя оленями. Они заставляют двух оленей лечь на снег недалеко друг от друга, кладут между ними медвежью или лосиную шкуру, ложатся на неё и закрываются другой шкурой. Олени выделяемым теплом создают приемлемые условия для ночлега.

Закончив разговор, Валентин решил в следующем сезоне навестить друга и подробно расспросить о его переходе до Старого Васюгана. К сожалению, события распорядились иначе. Весной 1989 года участок Гидронамыва был переведён для работы на новом месторождении нефти «Баграт», которое располагалось в пятидесяти километрах от Нижневартовска в Тюменской области, и ему не удалось встретиться с Костей.

Сегодня посёлок Старый Васюган исчез с карты Томской области. Сохранились посёлки Новый Васюган и Средний Васюган, созданные в тридцатых годах прошлого века как поселки для ссыльных, которые занимались заготовкой леса. О проживании хантов в этих местах упоминается в документах семнадцатого века.

На берегах реки Лисицы

1

Под вековым кедром сидел человек в ватной фуфайке с карабином на коленях. Поджатые к груди ноги, обуты в чирки, на голове малахай из лисьего меха. Длинный жёлтый ворс раскачивался под дуновением холодного ветра. Его голова склонилась на грудь. Сощуренные веки вздрагивали, когда на лицо попадал солнечный луч, проскочивший между туч, плывущих потоком по осеннему небу. Он погрузился в воспоминания своего детства.

Перед ним до горизонта простиралось болото с многочисленными озёрами. На зеленой равнине торчали одинокие невысокие сухие сосны. Вдали виднелся чёрным пятном небольшой остров с высокими кедрами. Над озёрами кружили чайки, с поверхности воды постоянно взлетали табуны уток, делали круги и опускались на воду. Они готовили молодняк к осеннему перелёту. Высоко в небе плавно парил орлан-белохвост. За спиной вдоль реки Лисицы раскинулась первобытная тайга, еще не тронутая человеком.

Всего этого не видел Александр Синарбин. Перед его закрытыми глазами стояли: дом, амбар на четырёх столбах, навес для копчения и сушки рыбы и мяса, ограда из жердей, за которой ходили олени, лежали собаки. Около дома отец, обутый в высокие торбаса до паха, стоял на утоптанном снегу на коленях и ремонтировал нарту. Деревянный дом имел двухскатную крышу, покрытую пластинами, сшитыми из кусков бересты, проваренной в рыбном желе. Саша, пятилетний мальчишка, шёл среди животных с мешочком соли, разыскивая подаренного ему отцом белого оленя, который, увидя ребёнка, потянулся к нему за угощением.

Люди и животные жили одной семьей. Люди не могли обходиться без собак и оленей, животные – без людей. Из двери дома, обращенной к реке, вышла мать. На ней была повседневная парка из оленьего меха шерстью наружу, подол и рукава которой украшали полосы из красного сукна; голова повязана тёмным шерстяным платком с бахромой. Она поставила на санки металлический бак, вёдра и потянула их к реке за водой. Мальчик побежал за матерью, догнал санки и с разгону прыгнул на них. Женщина с трудом сдерживала санки, стремящиеся вперед по крутому склону. Когда до реки оставалось метров двадцать, бросила кожаный ремешок на плечо сыну, и санки покатились под гору, проскочили мимо замерзшей проруби и влетели в сугроб. Ребенок по инерции слетел с санок и угодил в снег. Подошедшая мать спросила:

– Не ударился?

– Нет, – ответил Саша, выбираясь из сугроба.

Около замерзшей проруби стояли пешня и лопата. Мать колола лед в замерзшей проруби, стараясь не пробить его до воды. Затем наполнила им тару. Только после этого одним ударом пробила тонкий слой льда, оставшийся в проруби до воды. Вода, бурля с шумом, заполнила вырубленное в проруби пространство. Саша ковшом начал наливать воду в вёдра, наполненные льдом.

Мать, немного отдышавшись, забрала у него ковш и заполнила водой бачок. Они вдвоём тянули тяжелые санки в гору.

Воспоминания Синарбина прервал шум со стороны болота. Он открыл глаза, и увидел медведя, продирающегося через кусты краснотала. Их взгляды встретились. Охотник не пошевелился, не вскинул карабин, ему не нужно мясо, а убивать без причины сына верховного божества – Торума, олицетворяющего справедливость, не хотел. Зверь немного постоял и с достоинством удалился в лес. Александр узнал его, он неоднократно встречал этого медведя на своём промысловом участке.

Хант посмотрел вдаль болота, его взгляд остановился на острове. Там похоронена его любимая жена Альва. На душе стало тоскливо и грустно. Он закрыл глаза, и воспоминания унесли его в юношеские годы, когда добыл первого медведя, который попал в петлю, поставленную около задавленного зверем оленя. Медведь считался младшим сыном Бога Торума. Бог отправил его на Землю и просил не разорять селения и не убивать оленей. Ханты почитали его как божество. Если он не выполнял наказ отца, охотники имели право его убивать за непослушание. В честь убитого медведя был устроен праздник, на который съехались родственники из соседних селений. Лесные ханты предпочитали селиться одной семьей на больших расстояниях друг от друга. Мясо медведя готовили и съедали с соблюдением строгих обрядов. Пели песни и танцевали. Разыгрывали театрализованное представление на сюжеты охоты.

Во время праздника родители начали подыскивать сыну невесту, опрашивая родственников. Будущая жена сына должна быть из дальних мест и не иметь родственных связей с их родом. От выбора невесты – хранительницы очага, зависит будущее семьи. Она должна уметь вести домашнее хозяйство, выделывать шкуры, шить одежду и обувь, быть покладистой, с добрым нравом. Когда мать Саши обратилась к своему старшему брату, он задумался и рассказал о встрече с незнакомым охотником:

– В прошлом году иду я по тайге, проверяю ловушки, слышу выстрел. Думаю: какой человек охотится рядом со мной, может, заблудился? Пошёл на звук выстрела. Вижу, костёр горит, рядом лось ободранный лежит, охотник печень над костром жарит. Подошёл к костру поздоровался:

– Вуща, вула!

– Тебе тоже здравствуй.

– Зачем далеко охотишься? Поблизости нет юрт.

– Раненый зверь сюда привёл.

– Как мясо вывозить думаешь?

– За оленями надо идти.

– Стойбище далеко?

– Два перехода, присаживайся, печень кушай, чай пить будем.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – возмутилась сестра, – я тебя о невесте спрашивала.

– Зачем торопишь? О невесте говорили, когда чай пили.

– Продолжай.

– За чаем Илюшка сказал, что аги (дочь) скоро надо замуж отдавать.

– Как найти твоего Илюшку?

– Юрты на берегу Лисицы стоят. Фамилия Артамонов. Найти можно

– Поезжай в гости, узнай о невесте подробности.

После возвращения дяди, стали готовиться к сватовству. Надо было подобрать подарки и угощение для родителей невесты.

На сватовство поплыли на трёх лодках. Родители, жених и дядя с женой, который был знаком с родителями невесты и, вероятно, уже вёл с ними разговор о сватовстве.

Дом родителей стоял среди леса недалеко от реки. На лай собак вышел отец невесты и пригласил всех в дом. Первым заговорил сват:

– Мы плыли мимо и решили вас навестить, узнать, хороший ли был приплод оленей.

– Спасибо, все оленухи отелились

У родителей жениха замерли сердца. Такой ответ означал отказ в сватовстве. Дядя не смущаясь, задал следующий вопрос:

– Не хотелось ли вам увеличить поголовье оленей?

– Каждый человек желает иметь большой табун.

У родителей отлегло от сердца. Эта фраза означала, что при сватовстве будет торговля. Отец достал из мешка шкуру рыжей лисицы, встряхнул её, держа за голову. Мех распушился и заиграл золотым блеском. Шкура бережно была положена в передний угол. Мать подарила отцу невесты новый котелок, а матери чайник. На стол выложила привезённые угощения. Насытившись, гости завели разговор о цене выкупа. Отец невесты взял палочку, достал из ножен, висевших на поясе, охотничий нож и сделал зазубрину на палочке. Отец жениха наклонил голову в знак согласия. Такие действия отцов продолжались до пятой зазубрины. После этого отец невесты передал палочку отцу жениха. Тот разломил ее пополам и одну часть вернул. На этом сделка считалась законченной.

Александру не терпелось увидеть невесту. «Вдруг она окажется некрасивой и уродливой», – думал он. Когда невеста появилась перед гостями, у него от удивления приоткрылся рот. Перед ним стояла невысокая, хрупкого телосложения девочка с красивым личиком. Её возраст давно перевалил за двадцать лет, но на первый взгляд она выглядела ребенком. Две чёрные косы спускались с плеч. Одежда была украшена бисером, цветными кусочками сукна и меха, что свидетельствовало об ее вкусе и умении вышивать. Александр преподнёс ей бусы и платок. Их взгляды встретились. Александр почувствовал, что её взгляд потревожил его сердце. У него затрепетало сердце, в душе появились чувства, которые он никогда не испытывал. Среди своего племени он не встречал девушек прекрасней своей невесты. В нём запылала любовь. Теперь он будет ждать с нетерпением день свадьбы.

Свадьбу договорились провести в первый день новолуния при условии хорошей солнечной погоды. Хорошая и солнечная погода предвещает молодым благополучную семейную жизнь.

Александр с нетерпением ждал новолуния, все приметы предвещали хорошую погоду. В случае дождливой или пасмурной погоды свадьбу пришлось бы перенести на следующее новолуние. На свадьбу с женихом выехали родители

и близкие родственники на нескольких упряжках оленей. В дом невесты их не пустили, пока сваты не заплатили выкуп.

Мать невесты приготовила свадебный наряд и приданое. Отец – свадебные нарты и угощение.

После того как гости согрелись, поели и напились чая, все вышли на улицу, где стояли два жертвенных оленя. Один со стороны жениха, а второй со стороны невесты. После ритуала с животными жених и невеста вступили в статус мужа и жены. Александра посадили за стол между отцом и братом невесты.

Свадьба длилась три дня. На третий день невесту увозили из родного стойбища в другую семью. Родители невесты уложили в нарту приданое и подарки для родителей жениха. Альва попрощалась с родителями, поклонилась им, родному дому и перешла к родителям жениха.

На нартах, запряжённых оленями, объехали три раза вокруг дома и поехали в стойбище жениха.

По традиции, первый месяц молодая жена не должна заниматься хозяйственными делами, но Альва старалась во всем помогать свекрови. Она понимала, что от отношения к ней матери мужа будет зависеть её благополучие в семье. Вскоре выяснилось, что она прекрасная рукодельница и мастерица по изготовлению обуви.

Александр не мог дня прожить без жены, брал её с собой на охоту и рыбалку. После сдачи пушнины, подарил жене и матери отрезы ткани на халаты и блузки. Когда Альва начала полнеть, его чувства любви возросли в несколько раз. Он старался предупредить любое её желание. Перед родами считал себя самым счастливым человеком, испытывал необыкновенное чувство радости, глядя на пополневшую жену. Скоро у них должен появиться ребенок. Ему все равно, кто появится на свет – мальчик или девочка. Главное для него – это будет частица его жены, любовь к которой распространится и на ребенка. Для родов уже подготовил «маленький дом – чум», в котором жена родит ребенка и будет жить до прекращения выделений. Пол чума устелил еловыми лапами. Пихтовые иголки мягче еловых, но обычай не позволял стелить пихтовые лапы. Сверху бросил оленьи шкуры и положил мягкую с густой шерстью медвежью шкуру. В доме уже стояла изготовленная им берестяная коробка для ребенка. Альва устелила коробку мятыми гнилушками и приготовила пелёнки из старой одежды и одеяльце из шкурок зайца.

Рожать Альва ушла с повитухой, которая захватила с собой всё, что ей понадобится при родах. Не забыла даже взять кусок чаги для окуривания чума. Александр не находил себе места, он брался за разную работу, но она не ладилась. Тогда начал готовить из бересты люльку для будущего ребенка. Здесь дело стало спориться. Люлька получилась с загнутыми краями и спинкой.

Повитуха вернулась одна с печальным выражением лица. Все поняли, что случилось непоправимое. Свекровь вскрикнула и закрыла рот рукой. Саша выскочил из дома и, что было силы, помчался к чуму.

На медвежьей шкуре лежала его любимая жена без признаков жизни. Он упал рядом, положил голову ей на грудь и зарыдал как ребенок. Вероятно, плод был

очень крупным, требовалось кесарево сечение. Повитуха не могла справиться с родами. Вечером в чум пришел отец и насильно увёл сына в дом.

Хоронили Альву на третий день, переняв христианский обычай у русских. В то же время, соблюдая старинный обряд, который обеспечивал сборы умершего в загробный мир. Свёкор сделал гроб из лодки, отрезав корму и нос. Торцы забил досками. Покойницу одели в новую одежду и положили в гроб, рядом положили мешок с рукоделием, закрыли медвежьей шкурой и пластинами бересты. Перед выносом провели обряд изгнания души умершей из чума, обметанием гроба беличьим хвостом. После выноса гроба пожилая женщина провела окуривание чума чагой, чтобы покойница не вернулась и не увела кого-нибудь с собой. Чум покидался, им нельзя было пользоваться.

Гроб поставили на нарту и повезли по болоту на остров, на котором издавна хоронили предков. Над могилой соорудили сруб с крышей из тонкоствольного леса. Нарту оставили рядом.

Александр, несмотря на запреты, приходил к чуму, ему хотелось встретиться с Альвой, он хотел уйти с ней в загробный мир.

На этом воспоминания Синарбина прервались. Он открыл глаза, посмотрел вдоль болота и тяжело вздохнул. Достал из-за пазухи трубку и кисет, висевший на шее на кожаном шнурке, и долго на него смотрел. Кисет, расшитый бисером, ему подарила Альва. «Её руки, – думал он, – касались каждой крупинки бисера, когда вышивала оленей и рыб». Набил самодельную трубку табаком и закурил. Рёв лося на гриве окончательно прервал его воспоминания. Александр поднялся на ноги, пересёк гриву, подошёл к реке, столкнул на воду долблёнку и поплыл в посёлок Лисицу. Когда-то там было его родовое стойбище. Теперь это посёлок леспромхоза. Александр остался последним местным жителем из племени Лисица.

2

Стойбище его рода стояло на излучине таёжной реки. Вплотную к поселению примыкала вековая хвойная тайга. Кедры и сосны невозможно было обхватить руками, ели и пихты, стройные как копья, тянулись вверх на такую высоту, что кружилась голова, если смотреть на их вершины. В лесу водились всевозможные звери и птицы. Главной же примечательностью тайги был густой высокий мох – ягель. Олени круглый год паслись вблизи посёлка.

В округе проживали племена кетов и селькупов. Они жили обособленно в родовых поселениях. Традиционно занимались рыболовством на реках и озёрах, в таёжной зоне – охотой. Оленеводством занимались в тундре и лесотундре. Стада в тысячу голов и больше кочевали в меридианном направлении. Летом уходили на север, к зиме возвращались в лесотундру. В лесной зоне стада держали небольшие, выпасы находились недалеко от поселений. Использовали оленей в транспортных целях.

В девятнадцатом веке место приглянулось русским переселенцам. Их привлекали пушные звери в тайге, обилие кедровых орехов, ягод и грибов, разнообразные породы рыб в реке.

С ростом в этом краю русскоговорящего населения поселения местных жителей стали исчезать. Русское население по численности начало превосходить местное. Сегодня нет ни одного поселения с этнически однородным составом жителей.

В тридцатых годах прошлого века в посёлке появились ссыльные. По соседству, в селении Макзыр, был организован леспромхоз. Лес валили около посёлка. Отдельные деревья достигали объёма до восьми кубометров. Позже производственную базу леспромхоза перевели в Лисицу. Бурное развитие лесное хозяйство получило в начале семидесятых годов прошлого века. Древесина вывозилась по летним и зимним дорогам в посёлок Белый Яр, до которого специально построили железную дорогу. Оттуда её отправляли по стране и за её пределы. Посёлок быстро рос и расстраивался, общее количество жителей увеличилось до полутора тысяч человек, а вот коренное население сокращалось. Работники лесного хозяйства обеспечивались жильем. Появились: восьмилетняя школа, библиотека, дом культуры, фельдшерско-акушерский пункт.

3

Дружная весна наступила рано. Она бойко гнала по дорожкам и овражкам ручьи. На льду Лисицы около лунок рыбаков сидели вороны, пытаясь найти что-нибудь съедобное. В кустах стрекотали сороки. Они первыми торопились устроить косматые гнезда. Высокая вода в Лисице приняла лёд со всех притоков и с шумом несла его в Кеть, а та подхватит льдины на свои могучие плечи и вынесет в Обь. «Пускай плывет лёд на север, – думал Синарбин, наблюдая за ледоходом, – и передаст привет людям Оби от последнего их соплеменника, проживающего на Лисице». В небе раздавались голоса гусей, пролетающих клиньями с юга. На Александра навалилась тоска, наскучил многолюдный посёлок, захотелось в тайгу, в её объятия, на просторы рек и озер. Ему хотелось улететь вместе с гусями в далёкое селение Аанжиль-кынак в верховье Тыма, где проживают его соплеменники. Это чувство усиливалось с каждым днём.

Как только прошел ледоход, оставив в кустах на берегу льдины, Александр начал собираться в дорогу. Положил в походный мешок два котелка, в них соль, чай, махорку и сухари. Не забыл взять немного картошки и муки. Вот и всё, что ему надо в пути. Рыбу и дичь он всегда сможет добыть. Дорога предстояла не близкая – не меньше семи дней в пути.

Поклажу сложил аккуратно в корме обласка, за спинкой сиденья и крикнул Бурана. Тот привычно прыгнул в лодку и уселся в носу как вперёдсмотрящий на корабле. Александр взял в руки лёгкое весло. Оно было украшено выжженными орнаментами. На одной стороне изображались лоси и рыбы, на второй – знаки племени: росомаха, ели, луна. Покрытое рыбным клеем, весло не впитывало в себя влагу. Его ему подарили люди племени Росомаха при первом посещении их. Он подарил им своё весло, на котором изображен знак его племени – лисица.

Лодку направил вверх по течению, прижимаясь ближе к берегу, где течение было слабее. Из залитых рекой прибрежных тальников часто взлетали утки, но они его не интересовали. Его путь лежал к охотничьей избушке, расположенной за

устьем реки Лаке, впадающей в Лисицу. Прежде чем отправиться в дальний путь, он хотел осмотреть избушку – как она перезимовала без него. На это были веские причины. Весной медведи часто грабили избушки охотников, съедая оставленные продукты и разбрасывая вещи. Его такая участь пока обходила стороной. Может быть потому, что он всегда оставлял рыбу на берегу реки, которой не брезговали звери в весенний голодный период.

На солнечной полянке сияла в солнечных лучах небольшая избушка. Синарбину показалось, что она ему улыбается. У него стало легко и радостно на душе. Он посмотрел по сторонам. Вокруг стояли могучие кедры – кормильцы птиц, зверей и людей. Над ними голубое небо с ярким весенним солнцем. «Вот где настоящая жизнь, а не в посёлке», – подумал он.

Буран первым выскочил из лодки и крутился около ног хозяина. Поняв, что хозяин не собирается в лес, умчался разминать ноги и обследовать давно знакомые места.

Александр открыл настежь дверь, в нос ударил затхлый, застоявшийся за зиму, воздух. Он вынес из избушки оленьи и медвежьи шкуры, повесил их просушивать, затопил глинобитную печь. Затем перенёс вещи из лодки в избушку и поплыл ставить сеть. Ему знакомы на реке каждая излучина, залив и заводь. Для постановки сети выбрал тихую мелкую заводь и отгородил её сетью от реки. Не успел отплыть, как поплавки заиграли, погружаясь в воду. В ряжевой сети оказалась щука, весом около двух килограммов. Она, видимо, грелась в мелкой тёплой воде на солнце. Почувствовав что-то неладное, метнулась на глубину реки и угодила в сеть. Синарбин согнул ей голову, чтобы повредить лён, и бросил на дно лодки, довольный неожиданным уловом, поплыл к избушке готовить еду.

На месте старого кострища разжёг костёр. Когда языки пламени начали лизать закопчённый металлический таганок, поставил на него котелок с водой. На котелке просматривалось клеймо с двуглавым орлом. Этот котел выменял его дед на пушнину у заезжих купцов, которые приезжали из далекого города Енисейска, расположенного на берегу Енисея. Их путь зимой и летом лежал с берегов Енисея вверх по реке Кас в озеро Водораздельное, из которого вытекает Кеть. Затем по Кети и ее притокам посещали стойбища туземцев и меняли у них свой товар на пушнину.

Пока вода закипала, Синарбин сходил в мелколесье и нарубил лапника. Вернувшись с большой охапкой веток, уложил их у костра. «Не спать же в тёплую майскую ночь в душной избушке», – подумал он.

Проснулся Александр с рассветом. Его сон был чутким, но глубоким. За короткую ночь он успел отдохнуть и чувствовал прилив сил. Буран лежал под деревом, свернувшись калачиком. Солнце из-за горизонта освещало голубое небо, предсказывая погожий день.

Синарбин взял в руку рядом лежащее ружьё и, опираясь на него, поднялся с подстилки. Буран мигом вскочил на ноги, увидев в руках хозяина ружьё. «Оставайся здесь», – сказал ему хозяин и направился по тропке, протоптанной по склону, к лодке. Собака не послушалась, а последовала за ним.

Александр столкнул на воду лёгкий обласок и удобно уселся на сидение. Буран попытался прыгнуть в нос лодки, но вытянутое перед ним весло остановило его. «Ждать меня здесь», – произнес хозяин и оттолкнул обласок от берега.

В сеть попала разная рыба: окуни, подъязки, щуки и даже налим. Рыбак подплыл к берегу, оставил себе рыбы на первые дни пути, оставшуюся белую рыбу вывалил на берег для хозяина тайги.

После завтрака Синарбин занялся горячим копчением рыбы в дальнюю дорогу. На это у него ушло около часа времени. Затем уложил в лодку всё необходимое в пути, крикнул Бурана, уселся на сидение со спинкой и оттолкнул лодку от берега.

Обласок легко скользил вниз по течению Лисицы. Александр проплыл мимо устьев рек Журавлёва и Лаке. Он экономил силы, используя попутное течение. Сделав сильный гребок веслом, не торопился вынимать его из воды, а рулил им, направляя лодку по течению в нужном направлении. Повернув в реку Райге, пришлось прилагать больше усилий, поднимаясь вверх по течению.

По берегам реки стоял могучий лес, нетронутый человеком. Хотя следы пребывания людей встречались. На второй день пути облюбовал место на берегу для ночлега. Вытащил на отмель обласок, привязал к кусту собаку, чтобы не убежала в лес, и поднялся по пологому склону. К кедровому массиву примыкала поляна, на которой виднелись провалившиеся землянки с догнивающими сверху бревнами. «Место выбрано удачно», – подумал Александр, – жили, скорее всего, беглые люди, не староверы. Те строят добротные дома». В это время раздалось хлопанье крыльев, и с ближайшего кедра сорвался крупный глухарь. Он полетел вдоль леса, выбирая просвет между стволами густо растущих деревьев, чтобы свернуть в заросли . «Непуганая птица, – подумал Синарбин, – долго наблюдала за мной, прежде чем улететь».

Ночевать возле заброшенного селения не положено. Он спустился к воде, сел в обласок и оттолкнулся веслом от берега. Течение подхватило легкую лодку и стало разворачивать по течению. Александр опустил весло в воду и одним привычным движением развернул нос лодки вверх по течению.

Солнце клонилось к закату, на воде лежала тень от высоких деревьев, стеной стоящих на берегу. Над головой пролетел запоздалый табун уток, спешивший на север. Синарбин выбрал место для ночлега на пологом берегу под прикрытием кедров. Набрал сушняка для костра, срубил топориком две ветки тальника с рогульками и вбил их в землю. На них положил толстую палку для подвешивания котелков. После такой подготовки отправился к воде с медным котелком.

Костер не успел разгореться, как в лесу недалеко послышался лай Бурана. Лает не на соболя, – подумал Александр и поспешил к собаке. На толстом суку сосны сидел молодой глухарь. Он с любопытством поворачивал голову и смотрел на незнакомое животное, которого никогда не видел. Синарбин, скрываясь за толстым стволом дерева, подошёл к обреченной птице и выстрелил. Глухарь упал с дерева и глухо ударился о землю. Буран первым подбежал к птице и обнюхал её. Поднимая за шею увесистую птицу, охотник обратился к собаке:

– Я хотел готовить рыбу, теперь придётся варить глухаря.

Буран завилял хвостом. Он понимал интонацию голоса хозяина. Знал, когда хозяин ругается, а когда одобряет его действия. Ему всегда доставляло радость угодить хозяину.

Вечером, сидя у костра, Синарбин слушал журчание ручья, впадающего в Райгу. Его взгляд скользил по кедрам и соснам на противоположном берегу реки. Он знал, что в нетронутой ещё человеком тайге происходит своя жизнь. Дикие звери: медведи, лоси и олени, соболи и белки живут по своим законам, имеют свои повадки, которые он изучил за свою долгую охотничью жизнь. Он не испытывал одиночества и, тем более страха, оказавшись в этом глухом уголке природы. Человек, привыкший к кочевой жизни, испытывал удовольствие от созерцания дикой природы, чувствовал себя не просто частицей этого мира, а способным комфортно в нём выживать.

На пятый день пути Александр свернул в приток и поплыл вверх по течению в западном направлении. Привал сделал в верховье притока. Взял ружьеё, крикнул Бурана и пошёл через невысокую гриву выбрать место перетаскивания обласка в приток реки Пайдулина. Вдоль ручья увидел странные бугры, заросшие мхом. Подойдя к ним, увидел обвалившиеся ямы. Это были старые шурфы, вырытые золотоискателями. «Хорошо, что здесь не нашли золото, – подумал Синарбин, – иначе мне не видеть бы окружающей меня красоты». Он вспомнил, что его приятель, хант Толмачев Октябрин Романович где-то в этих местах около шурфов в ручье намыл немного золота и отдал его геологам. С тех пор прошло много времени, но ни геологов, ни разработчиков золота никто не видел. Александр перевел взгляд на ручей: в чистой воде мелькали рыбки с тёмными пятнами на боках. «На ужин у нас с Бураном будут хариусы», – мелькнула у него мысль.

На очередной стоянке, на берегу притока реки Пайдулина, он срубил длинную ветку тальника, сделал из неё удилище, привязал к нему леску с блесной и стал рыбачить. Хариус не хотел ловиться. Рыба мгновенно исчезала из поля зрения, увидев тень на воде. Тогда рыбак перегородил сетью неширокий ручей, зашёл лесом, не приближаясь к воде, вверх по течению, срубил талину и пошёл вдоль ручья, ударяя палкой по воде. Как он и ожидал, в сети оказалась рыба.

Из реки Пайдулина через болото, залитое весенней водой, Синарбин попал в реку Тым, которая относилась к бассейну Енисея. Она текла в направлении противоположном, притокам реки Кеть. Отклонившись на спинку сиденья, направил обласок вниз по течению.

Ещё издали он увидел на берегу в редколесье табун пасущихся оленей, а на отмели – флотилию лодок хантов племени росомаха. Все обласки имели вытянутый и загнутый вниз нос для удобства их перетаскивания по суше. Борта многих лодок были украшены выжженными орнаментами. Среди рисунков преобладали изображения рыб и зверей.

На большой поляне стоял добротно рубленый дом с вывеской: «Сельпо». Когда-то здесь размещалась фактория, в которую приезжали кочевники отовариться продуктами взамен на пушнину. Вокруг дома разместились чумы с выходами к реке. Около ближайшего чума сидели дети разного возраста, лежали собаки, греясь на весеннем солнце. Увидев незнакомого человека, старший мальчик поднялся и зашёл в чум. Вскоре из чума вышел мужчина и направился

навстречу Александру. Синарбин поздоровался и приподнял весло, которое держал в руке, чтобы незнакомец увидел орнамент.

– Я хочу видеть хозяина этого весла. Он мой друг, мы с ним обменялись вёслами.

На лице мужчины появилась улыбка, он вытянул руку и показал на третий чум от реки.

Мальчишка, слышавший эту речь, вскочил со своего места и побежал в указанный незнакомцем чум. Полог из оленьей шкуры откинулся на всю ширину и перед Александром появился его приятель Семён. Он по русскому обычаю раскинул руки и обнял Александра.

– Проходи в чум, будешь гостем, – радостным голосом пригласил Семён.

Лесные ханты гостеприимный народ. Они живут семьями, разбросанными по тайге, и каждая встреча с соплеменником для них большое событие и радость. У каждого из них есть в тайге деревянный дом. Сюда они съезжаются на период лова нельмы и ставят походный чум.

В чуме Синарбина посадили на почётное место в центре у печи. Хозяйка суетилась у плиты, на которой стоял большой котёл с олениной. Она приподняла крышку и, убедившись, что мясо еще не готово, подкинула дров в металлическую печь.

Александр осмотрелся. Его глаза быстро привыкли к полутьме. По вещам, разложенным в чуме, понял, что левая половина помещения отведена женщинам, а правая – мужчинам. Он поднялся на ноги и произнёс:

– Я быстро вернусь, – и вышел наружу.

В Сельпо на полках лежали разнообразные вещи и продукты. Синарбин отметил, что есть основной необходимый товар: спирт, махорка, соль, сахар и мука. Хлеба на полках не увидел. «Мука есть – можно болтушку готовить», – подумал он.

Купив бутылку спирта, направился в чум. Невдалеке увидел глинобитную печь с большой топкой. В таких печах ханты пекут лепешки. Печь разогревают до нужной температуры, из неё выгребают головёшки, золу и на подметённый под укладывают лепёшки.

В чуме на низеньком столике лежала вяленая и копчёная нельма. В деревянном продолговатом корытце с ручками по бокам была оленина с морошкой. Семён, угощая приятеля, говорил:

– Ешь, ты проголодался в дороге. Завтра заколю молодого оленя, будет праздник в твою честь.

Гость с удовольствием ел полусырое мясо, из которого сочилась кровь и вяленую нельму с душком.

– Ханты не стесняются, когда их угощают от души, – ответил гость.

На следующий день Семен заколол оленя. Он снял шкуру и выпустил кишки, всю кровь и внутренности оставил в туше, лежащей на спине. Вокруг мяса собралось всё семейство – взрослые и дети с ножами в руках. Они отрезали куски мяса, обмакивали в парную кровь и с наслаждением поедали. При этом с изящным искусством отрезали ножами кусочки мяса, захваченного зубами, около самого

рта. Постороннему наблюдателю могло показаться, что в любой момент они могли отрезать себе губы или нос.

Сырое мясо обладает многими полезными свойствами. Оно быстро насыщает и восстанавливает силы после усталости. В нём содержатся витамины, которых достаточно организму при отсутствии овощей и фруктов. Местные жители никогда не болеют цингой.

Синарбину предложили деликатес – почку и печень. Он достал из-за пазухи небольшой нож и вынул его из красивых ножен, висевших на шее на кожаном ремешке и присоединился к пиршеству. Парное мясо имело необыкновенный нежный вкус. Александр, пережевывая мясо, смотрел на нож и ножны из оленьей кожи, раскрашенных орнаментом. Их ему подарила Альва. Это была память о ней, и он никогда не расставался с этим ножом. Ощущая его на своей груди, чувствовал духовную связь со своей любимой женой.

Когда все насытились, Айкига, жена Семёна, очистила желудок оленя от не переварившейся пищи, слила в него оставшуюся кровь, завязала концы оленьей жилой и унесла для приготовления деликатесного блюда. Семён разрубил тушу на куски, уложил в мешок и унёс в лес. Там он разроет мох и положит мясо на холодную землю для хранения.

За разговорами чаепитие длилось долго. Айкига приготовила хантыйский чай – лечитемате, заваренный чагой, кипреем и другими травами. Каждому в кружку добавляла немного жирного оленьего молока. Насыщенный ароматами чай казался густым и сытным. Он оказывал тонизирующее действие и придавал силы.

4

По пыльной дороге поселка шёл Владимир Самофалов, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Ему казалось, что он идёт по прямой линии, но сзади оставался на пыли зигзагообразный след. Увидев, идущего навстречу Синарбина, Володя остановился и вежливо поздоровался:

– Здравствуйте, дядя Саша.

Он уважал друга своего деда Александра Афанасьевича Знаменщикова.

– Здравствуй, Вова, – ответил старик, – какой праздник отмечаешь?

– Возвращение со службы.

– Однако, ты вернулся неделю назад? Пора бы просохнуть.

– Пора, дядя Саша, – согласился Владимир.

– На работу устроился?

– Приняли в леспромхоз отгребальщиком снега.

Отгребальщик – рабочий, который в тайге отгребает снег от дерева, перед тем как его начнут спиливать.

– До зимы далеко, чем сейчас думаешь заниматься?

– Не знаю

– Поехали со мной, поможешь сети проверить.

Владимир с радостью согласился и последовал за Синарбиным к берегу реки. Они столкнули на воду двухместную лодку, Владимир сел за вёсла и спросил:

– Куда грести?

– Вниз по течению.

Мимо проплывали берега, заросшие молодым лесом. Лесхоз в первую очередь вырубил лес около посёлка и по берегу реки. Володя наваливался на весла, на спине выступил пот. Он чувствовал, как вместе с потом из организма выходит алкоголь. Они плыли уже больше часа. Дядя Саша достал из-за пазухи самодельную трубку с длинным мундштуком и расшитый бисером кисет. Аккуратно набил табаком небольшой чубук, изготовленный из берёзового капа, и раскурил трубку. Он невозмутимо сидел в корме лодки с трубкой во рту и кормовым веслом в руках, которым только рулил.

– Далеко еще плыть? – спросил Владимир.

– До Кети.

– Ничего себе! – удивился гребец, – Надо было на моторной лодке плыть.

– Зачем бензин тратить, – спокойно ответил Синарбин, – на вёслах надежней.

Он даже в Белый Яр, до которого шестьдесят пять километров, всегда плавал на обласке.

Володя думал, что сети стоят недалеко от поселка, а до Кети почти сорок километров.

Кеть встретила их потоком желтой воды. Синарбин скомандовал:

– Суши вёсла!

Володя удивился: откуда ханту знать команду, которую используют моряки.

Дядя Саша по известным ему признакам нашёл яму в реке и опустил «кошку». Лодку понесло течением вниз, «кошка» царапала дно. Неожиданно она дернулась и остановилась, зацепившись за что-то. Александр подтянул к лодке шнур, к которому была привязана сеть высотой меньше метра. В ней билась запутавшаяся рыба. Вскоре на дне лодки запрыгали стерляди. Они отличались разным цветом. Большинство имели тёмную окраску, а некоторые – светлую.

Для ночлега Синарбин выбрал место рядом с сосновым бором. Тальники, берёзы и осины росли только вдоль воды. Причалив к берегу, выдернул лодку на песчаную косу и поднялся на береговую террасу. Там разыскал старое кострище и начал разводить костер, а Володе сказал:

– Выпотроши две тёмные стерлядки и принеси в котелках воды.

Такой выбор рыбы удивил Владимира.

Одну стерлядку Александр разрезал на дольки, посыпал солью, перцем и потряс в миске. Специи равномерно прилипли к сырой рыбе. Из второй стерляди поставил варить уху. После этого налил полную кружку водки и предложил:

– За хороший улов надо выпить, пей первым, – и протянул Вове кружку.

Тот отпил полкружки водки и с удовольствием стал закусывать стерлядью. Рыба была нежной, пронизанной прослойками желтого жира, легко отделялась от колючей кожи.

– Пусть завтра улов будет лучше сегодняшнего, – произнёс Синарбин и допил водку, оставшуюся в кружке.

Уха имела необыкновенный аромат, на поверхности плавал жир.

Утолив голод, Владимир спросил:

– Почему рыба имеет разный цвет?

– Светлая рыба заходит в Кеть из Оби. Местная жирнее и вкуснее. Отец рассказывал мне, что в старые времена к нам приходили караваны купцов на оленях с Енисея за кетской стерлядью. Её поставляли в Москву к царскому столу и вельможам.

– Неблизкая дорога, – удивился Володя, – как они добирались?

– Путь хорошо был отлажен. По льду реки Кас поднимались до озера Водораздельного, а из него вытекает Кеть.

Владимир вспомнил виденные им остатки шлюзовых сооружений на Кети. Он знал о существовании канала между Обью и Енисеем, но не думал, что путь еще раньше использовался купцами.

– Вова, – обратился к нему Синарбин, – твоя семья недавно приехала в Лисицу, где вы жили раньше?

– Почему недавно? – возмутился Владимир, – мы приехали в марте 1974 года, мне тогда было одиннадцать лет, а теперь я уже отслужил в Армии.

– Помню я тебя пацаном, раньше-то где жили?

– В Лисицу мы приехали из Аргат-Юл.

– Бывал я в тех местах. Мы называли реку, на которой стоит этот посёлок – Чёртовой рекой. Хорошая на её берегах была охота, пока лес не вырубили. Туда-то, как попали?

– Дед работал в Кемеровской области шахтёром. У него врачи признали силикоз и посоветовали сменить работу, переехать в местность с хвойным лесом. Вот так мы оказались в Аргат-Юле. Дед первоначально работал сплавщиком леса, затем вместе с бабушкой на подсочке. Жизнь в хвойном лесу позволила ему восстановить здоровье. На сезон охоты заключал договор на добычу пушнины. У него была своя охотничья избушка. Летом он брал меня с собой на рыбалку. В моей памяти дедушкина избушка сохранилась на всю жизнь. Ее стены были обиты медвежьими шкурами, стояли бочки с ягодами, а в лабазе всегда было копчёное мясо. Отец, Александр Павлович, работал слесарем, мать, Валентина Григорьевна, – кочегаром в школьной котельной. Когда лес вдоль реки вырубили, стали сокращать рабочих, прошел слух, что в Лисице создаётся крупный участок леспромхоза и вербуют рабочих на лесозаготовки. Отец съездил в Лисицу – слухи подтвердились. Руководитель Ковилов пригласил на работу. В Лисицу ехало десять семей на двадцати КамАЗах. Везли имущество и скотину.

– Твой дед, Александр Афанасьевич, хороший охотник. В один из годов, когда ты служил, мы с ним сдали в леспромхоз пятнадцать лосиных туш. Давай еще выпьем, – предложил Синарбин.

Он подкинул хворост в костёр, вылил оставшуюся в бутылке водку в кружку и протянул Владимиру. Володя сделал два глотка и вернул кружку. После очередной порции Александр склонил голову на грудь и задремал. Он уже не мог слушать продолжение рассказа. Немного подремав, улегся на хвойную подстилку, поджал ноги к животу и уснул.

Володе не хотелось спать. В растревоженной памяти восстанавливались одна за другой картины прошлого. Он вспомнил переезд из Аргат-Юл в Лисицу. Стояли солнечные весенние дни. Переселенцы торопились переехать до распутицы, пока зимник, скованный морозами, не превратился в непреодолимое болото.

Лисица встретила морозом. В безветренную погоду белый дым над домами медленно поднимался из труб вертикально в небо. Внимание Вовы привлёк длинный барак, над крышей которого дымили десятки труб. Он напоминал огромный пароход. Позже узнал, что в этом бараке жили бывшие заключённые, досрочно освобождённые и отправленные на поселение в глухой таёжный поселок. Они работали на лесозаготовках. В общежитии царили свои законы, процветали пьянство, драки и игра в карты. Жителей посёлка потряс случай, когда в лесу около пня нашли человека с отрубленной головой. Приехавшие работники милиции и прокуратуры долго вели следствие, но виновников в преступлении не нашли. Позже стало известно, что этот человек проиграл в карты свою жизнь и ему отрубили голову.

Всем переселенцам лесхоз предоставил добротно рубленые дома. У родителей Владимира было трое детей. Александр Афанасьевич осмотрел их двухкомнатный домик и заявил:

– Тесно вам будет жить пятерым в двух комнатах. Пусть Вова поживёт у деда с бабушкой.

Володя обрадовался и, подбежав к деду, заявил: «Я согласен». Он любил деда за то, что тот брал его с собой на рыбалку и охоту.

– Коли согласен, – пусть поживёт, – ответила мать, – надоест – придёт к нам.

– Не надоест, – уверенно произнёс мальчик.

Александр Афанасьевич занялся переустройством дома. Тонкие половые рейки пола убрал. На их место уложил толстые широкие плахи. «Пол в доме должен быть тёплым», – думал он, плотно подгоняя плаху к плахе. Под домом выкопал погреб для хранения овощей, сложил русскую печь. В конце огорода поставил баню и коптильню. Дед был мастером на все руки – изготовил бочки и кадушки для хранения ягод и грибов. Он собирался жить на новом месте долго и обстоятельно. Впоследствии, его прозвали куркулем за его хозяйственность.

На покос, отведённый на заливных лугах вдоль реки Сегондино в трёх километрах от Лисицы, дед ездил на мотоцикле «Юпитер» и всегда брал с собой внука. Пока Александр Афанасьевич косил траву, Вова рыбачил. Ему попадались окуни, язи и крупные пескари.

Дед купил внуку одноствольное безкурковое ружьё шестнадцатого калибра. Вова не расставался с ружьём при поездках на сенокос. Однажды, проезжая вдоль болота, Вова произнёс:

– Деда, смотри, на болоте появились кочки.

– Это не кочки, а гуси. Я остановлюсь за кустами, попробуй к ним подкрасться.

Володя полз по-пластунски, скрываясь в высокой траве. Когда подполз на расстояние верного выстрела, его сердце учащённо колотилось. Он ещё не добывал такой дичи. Тщательно прицелился в ближайшего гуся и нажал на спусковой крючок. Дробь дождем ударила по воде, осыпав птицу. Гуси с криком поднялись в воздух и улетели. Вова хотел бежать и подобрать убитого гуся, но на воде осталось только несколько перьев. С расстроенными чувствами подходил он к мотоциклу.

– Промазал? – спросил дед.

– Не промазал, дробь осыпала гуся.

– Какой дробью стрелял?

– Той, которой всегда добывал рябчиков.

– Надо было перезарядить ружье патроном с крупной дробью.

Этот урок Владимир запомнил на всю жизнь.

В дальнейшем, охотясь с дедом около его охотничьей избушки, в краю непуганых птиц и зверей, он добывал глухарей. Самого крупного глухаря весом одиннадцать килограммов добыл в возрасте четырнадцати лет.

Вспомнилось Владимиру озеро Белое, окружённое молодым сосняком, а на вырубах поднимались березы и осины. Озеро славилось крупными карасями. Они имели форму сковороды. Бабушка, Полина Гордеевна, укладывала всего одну рыбину на большую сковородку и готовила в русской печи.

На этом его воспоминания прервались – он уснул.

В Лисицу рыбаки вернулись на следующий день. Они привезли по два ведра стерляди. Владимира радостно встретил кобель Соболь. Он беззаветно любил своего хозяина. Пёс, видимо, чувствовал, что Вова спас ему жизнь.

5

У Александра Павловича ощенилась лайка. Потомство решил не оставлять, поскольку за вязкой не следил. Он положил щенков в старый чулок, унес в огород и закопал за туалетом. Вове стало жаль щенков, он взял лопату и раскопал их. Живым оказался только один. Отец, увидев в руках сына щенка, сказал: «Он будет твоим, выбери ему кличку». Володя, не задумываясь, произнес: «Соболь».

Щенок вырос крупным псом с густой серой шерстью и с бесстрашным нравом. Его побаивались деревенские собаки. При собачьих свадьбах умело расправлялся с соперниками. От матери-лайки ему досталось прекрасное чутье, от отца – привязанность и любовь к хозяину. Внешне выглядел настоящим «дворянином» с висячими ушами и тупым носом. На охоте шёл по любому зверю. Мог держать лося и медведя до подхода охотника. Главной же своей задачей считал охрану хозяина. В тайге не убегал далеко от хозяина, чаще всего шёл следом за ним. Зверя учуивал на большом расстоянии и только тогда бросался к нему. Его не приходилось разыскивать по следам, как некоторых лаек, убегающих от хозяина за километры.

Владимиру памятен случай, когда добыл с ним за день четырёх соболей. Володя отправился на озеро ловить окуней. Ледобур и подергушки положил в рюкзак, повесил на плечо ружье и зашагал по посёлку. За ним увязался Соболь.

– Соболь, – обратился Вова к собаке, – вернись домой, глубокий снег в лесу не для тебя.

Пёс, услышав кличку, вильнул хвостом и побежал вперед по деревенской улице. «Чёрт с тобой, – подумал Володя, – хочется идти – иди, мне будет веселее».

Их путь лежал мимо озер Тройка, затем – Восьмёрка. Соболь шёл по лыжне за хозяином. Неожиданно он повернул нос по ветру, втянул в себя воздух и, увязая в стегу, короткими прыжками помчался в сторону. Преодолев метров сто, подал голос по соболю. Володя снял ружьё с плеча и с учащённо бьющимся

сердцем направился на лай. Вскоре в его руке оказалась ценная добыча. Собака четыре раза облаяла желанного для охотника зверька.

Окуни клевали вяло, зимний день короток, время пролетело быстро. Владимир спохватился, когда день клонился к исходу. Он решил сократить путь и направился к посёлку напрямую. Соболь, вымотавший за день силы, плёлся сзади хозяина, наступая на лыжи. В глубоких сумерках они подошли к кладбищу. «Хорошо, что пройду мимо кладбища до полной темноты», – подумал Владимир. В это время перед ним как от взрыва взметнулся столб снега, и с шумом вылетели белые куропатки, устроившиеся в снегу на ночлег. От неожиданности Володя вздрогнул, его охватил испуг. На спине появился холодный пот, сердце учащённо стучало.

После окончания восьмилетней школы в Лисице Володя продолжил обучение в районном центре Белый Яр. Жил в общежитии, тосковал по родителям, охоте и рыбалке. Приехав домой на ноябрьские праздники, на второй день отправился в лес. Стояла безветренная погода с небольшим морозцем. Охотничьи лыжи хорошо скользили по снегу, идти было легко, лёгкие наполнял воздух, насыщенный ароматом хвойного леса. Рядом бежал Соболь, их окружали высокие деревья. Володя испытывал чувство радости и гордости. Ему с ружьём и Соболем ничего не страшно в тайге. Если даже тучи затянут солнце, он всегда вернётся в поселок по своей лыжне. «Разве можно сравнить жизнь в Белом Яре с жизнью дома», – думал он, – здесь каждый выходной день можно проводить на охоте».

У него в рюкзаке уже лежало несколько белок и соболь, когда вышел к реке. Метели превратили крутой берег в пологий спуск. Он покатился по склону, постепенно набирая скорость. Неожиданно снег под ним провалился, и он оказался по пояс в воде. Сильное течение подхватило его лыжи и тянуло под лед. Опираясь ружьем на края промоины, Вова сопротивлялся течению. Оно оказалось настолько сильным, что стащило с его ног лыжи вместе с валенки. Почувствовав облегчение, он пытался вылезти на снег, но сил не хватало. В это время к нему подбежал Соболь и, ухватив его за воротник куртки, помог выбраться из промоины на снег. Мокрый по пояс, в сырых шерстяных носках, Володя бегом помчался домой. Снег примерзал к мокрым носкам, ноги оказались в ледяной обуви. Увидя внука в обледеневшей одежде, бабушка помогла ему раздеться, растерла ноги и грудь водкой, заставила залезть на русскую печь, которая ещё не протопилась. Сама начала готовить для него чай.

Соболь доставлял много радостных моментов Александру Афанасьевичу и внуку на различных охотах. Трудно подсчитать, сколько соболей и белок помог добыть охотникам за свою длинную жизнь. Он прожил восемнадцать лет. В последние годы жизни, когда у него выпали зубы, Александр Афанасьевич готовил для него жидкую пищу и крошил в неё хлебный мякиш. Разговаривая с собакой, обычно говорил: «Ешь, дорогой, ты честно заработал свою пенсию».

6

На первомайские праздники все ученики из ближайших поселков разъехались по домам из общежития средней школы в районном центре Белый Яр. Остались

только ученики, проживающие в Лисице. В их поселок в половодье по суше не было дороги, а по реке шёл молевой сплав леса и катера ещё не ходили. Ребята собрались на крыльце общежития – им не хотелось сидеть в мрачных комнатах. На улице ярко светило весеннее солнце, тёплый ветерок ласкал лица. Володе Самофалову захотелось домой, увидеться с родителями, погладить Соболя, и он предложил:

– Ребята, пойдемте домой пешком.

– Ты что ненормальный? – произнесла десятиклассница Света Жарикова, – идти пешком в такую даль.

Её слова раззадорили Владимира, и ему захотелось доказать ей и всем, что он способен дойти до Лисицы.

– Для кого тридцать семь километров – даль, – произнес Володя, глядя на Свету, – пусть остаётся, а я пойду.

Его поддержал Коля Ларкин:

– Я иду с тобой.

– Ребята! – пыталась остановить их Света, – низина вся под водой.

– У кого нет сапог, оставайтесь в общежитии, – твердо сказал Вова.

– Сколько часов придётся идти до Лисицы? – спросил Надя Тазова.

– Подсчитай сама. Если пойдем со скоростью шесть километров в час, то дойдем за шесть часов, – ответил Володя.

Идея оказаться дома через шесть часов многим понравилась.

– Выходим завтра после завтрака, ужинать будем дома, – подлил Владимир масла в огонь, разгорающийся в душах некоторых земляков.

В путь отправилось двенадцать человек, включая четырёх девочек: Свету Жарикову, Надю Тазову, Лену Чикалкину и Веру Семёнову. Самым опасным участком дороги являлся переход через Кеть. Моста на реке не было. Поперек реки был натянут трос, связывающий бревна, служившие задержкой сплавляемого по реке леса. Вот по этим, качающимся на воде бревнам, ребята перебрались на другой берег. Первую половину пути преодолели без происшествий. Широкая дорога, по которой лесовозы возили лес, шла через лесной массив. По песчаному грунту, уплотнённому водой, идти было довольно легко. Когда подошли к болоту, перед ними раскинулась до горизонта водная поверхность. Среди беглецов началась перепалка.

- Дальше надо на лодках плыть.

- Где возьмёшь лодки?

- Как найдём дорогу под водой?

- Можно угодить в глубокую яму.

- Не возвращаться же обратно в интернат.

- Будем прощупывать дорогу палками.

Володя срубил топориком тонкую осину, сделал посох и первым вошел в воду. Промерзшая за зиму дорога, не успела под водой растаять

Вечером в интернате их хватились. Ученики, не рискнувшие на путешествие, рассказали об их намерении в половодье добраться пешком до Лисицы.

К концу первого дня ребята подошли к озеру Окуневу. На его берегу стояла избушка, на воде плавали утки в весенних нарядах, невдалеке токовали чибисы, выписывая в воздухе пируэты. Марш-броска за шесть часов не получилось.

Путешественники высушили промокшую одежду, съели захваченные с собой продукты и устроились на ночлег. Утром проснулись от странного шума на улице, напоминающего воркование голубей и шипение. Володя открыл дверь и увидел на солнечной поляне под деревьями тетеревов. Черные птицы с красными бровями и распущенными лирой хвостами топтались на поляне, издавая шипение и чуфыканье. Между отдельными парами завязывались схватки. Они наскакивали друг на друга, как петухи. Тетёрки сидели на деревьях, наблюдали за турниром и выбирали возлюбленных. Вот к арене битвы подлетела тетерка. Она изгибала, вытягивала шею и проворно бегала между бойцами. Пестрая красавица подбежала к избраннику и кокетливо присела перед ним, распустив хвост. Он распустил крылья и поклонился ей. Тетерка клюнула его в шею и поднялась в воздух, тетерев последовал за ней.

– Ребята! – закричал Володя, – посмотрите, что творится на улице.

Все соскочили с нар, толкая друг друга, высыпали на улицу и напугали птиц. Косачи с шумом, хлопая крыльями, разлетелись в разные стороны.

– Почему они собираются около избушки? – спросила Люба.

– Ты видишь вокруг разливы воды? – задал ей вопрос Володя.

– Вижу, что из этого?

– Здесь самое высокое и сухое место. Косачи облюбовали его до строительства избушки и продолжают на нём токовать каждую весну.

Путешественники стояли и озирали округу. На низкой местности всюду стояла вода, среди которой местами выступали небольшие островки с прошлогодней сухой травой. Левее озера чёрной полосой тянулась грива, заросшая кедровым лесом. Между гривой и избушкой всё пространство залили весенние воды. Владимир предложил:

– Ребята, оставайтесь в избушке, мы с Васей Маренковым доберёмся до гривы и поищем короткую дорогу.

Немного поспорив, коллектив согласился с его предложением. Володя и Вася срубили длинные палки и, опираясь на них, отправились вдоль озера. Сухой берег скоро кончился, и они, прощупывая палками глубину воды, чтобы не сорваться с крутого берега в озеро, продолжили путь по залитому водой берегу. Через километр им пришлось отвернуть от озера и направиться напрямую к гриве через болото. Идти было трудно, ноги увязали в липком иле, вода иногда заливалась в сапоги. Владимир не раз пожалел, что согласился искать другую дорогу. С коллективом было бы легче переносить все трудности. Добравшись до гривы, они от изнеможения свалились на мох под кедром. Немного отдохнув, разулись, вылили воду из сапог и выжали носки.

– На солнце носки быстро высохнут, – произнёс Василий

– Нет у нас времени сушиться, – ответил Владимир, – нас ребята ждут. Обуваемся и вперед.

С гривы перед ними открылось большое озеро с избой на склоне недалеко от воды. Володя обрадовался:

– От избы должна быть дорога, по которой ходит хозяин.

– Может быть, в ней найдем что-нибудь поесть, – невесело произнес Василий.

Они поспешили к домику. Идти под уклон было легко, хотя ноги по щиколотку утопали во мху.

. На брёвнах стен дома сохранились следы краски, которой они нумеровались при разборе для перевозки на новое место. По гриве тянулась узкая дорожка, вытоптанная среди ягеля. Замка на двери не было, она легко отворилась

Ребята осмотрели полки, шкаф, кухонный стол. Из продуктов нашли только банку сгущенного молока. В кухонном столе нашелся нож и ложки. После сладкого молока захотелось пить. Они сходили к озеру, набрали в банку воды и с удовольствием выпили. Сгущёнка не утолила мучивший их голод.

– Надо торопиться возвращаться – нас ждут, – произнёс Володя.

Василий очень устал, и у него давно созрела мысль, которую высказал:

– Вова, ты сходи за ребятами, а я вас здесь подожду.

Владимира возмутило такое предложение, и он заявил:

– Без тебя не пойду.

Перевалив гриву, они наткнулись на кочки, покрытые прошлогодней клюквой. Не сговариваясь, присели и стали собирать ягоды, горстями ссыпая в рот. Ели до оскомины на зубах.

Продвигаясь по болоту, Вася произнёс:

– Около домика никого нет.

– Наверное, все отдыхают в избушке, – ответил Витя.

Школьников на месте не оказалось.

– Они испарились что ли? – удивился Василий и в растерянности стал смотреть по сторонам.

По болоту, левее кедровой гривы, двигались темные точки, растянувшись в длинную линию. Он пересчитал их. Точек оказалось десять, сомнений не было, и Вася закричал:

– Вон они, идут по болоту!

– Зачем кричишь, я не глухой. Давно их вижу.

– Почему они нас не дождались?

– Мы ходили слишком долго. Они нащупали под водой твердую дорогу и отправились по ней. Надо их догонять.

– Давай немного отдохнем, – умоляюще, произнес Вася.

– Какой отдых? Догоним ребят – вместе отдохнём, – заявил Вова, спустился от избушки к воде и шагнул в болото. Василий поплёлся за ним. Нащупывая палками твёрдое дно, парнишки брели по болоту. Их окружала бескрайняя вода, солнце в небе перевалило на вторую половину дня, в стороне пролетали табунки уток. После изнурительного перехода по болоту они вышли на бугор. Василий свалился на землю и заявил:

– Брось меня здесь, дальше идти не могу.

– Полежи, отдохни, я поднимусь на гриву.

Дорога по гриве привела к речке Школьной. На её берегу лежали вповалку все беглецы. Ребята не успели обменяться мнениями, как в воздухе послышался

гул вертолета. Все соскочили на ноги, забыв про усталость, и замахали руками. Над ними проплыл вертолёт МИ-8.

– Ура! – закричали девочки, – мы спасены.

Все внимательно следили за вертокрылой машиной. Вертолёт постепенно удалился, и стих шум его двигателя.

– Почему он не приземлился и не забрал нас? – удивилась одна из девочек.

– Наверное, не заметил.

Вспыхнувшая радость и надежда на спасение мигом улетучились. Всех охватило разочарование.

– Может быть, он вернётся, – неуверенно произнес кто-то.

Прождав вертолет около часа, решили делать переправу через реку, ширина которой не превышала шести метров. Подобрали недалеко от воды кедр, росший на склоне с наклоном к реке, и по очереди начали рубить маленьким топориком. Твердая древесина сопротивлялась – дереву хотелось жить. Восемь пар рук с жестокостью вонзали топорик в его тело. Мелкие щепки усыпали землю под ногами. Когда ствол со стороны реки подрубили до сердцевины, принялись за нагорную сторону. При каждом ударе дерево вздрагивало, как живое существо. В какой-то момент оно заскрипело и со стоном повалилось поперек реки.

Мальчики помогли девочкам переправиться на противоположный берег реки. Не успели они отойти от реки на километр, как увидели группу мужчин с ружьями, идущих им навстречу. Многие узнали своих отцов. Ученик девятого класса Зубарев заплакал: «Неужели мы спасены».

В Лисице все направились в баню. Владимир стёр ноги до кровавых мозолей.

7

Во время летних каникул Володя помогал отцу и деду по хозяйству, ездил с ними на покос и рыбалку.

Покос семьи Самофановых располагался на заливном лугу вдоль Тёщиной курьи. Рядом раскинулось большое глубокое озеро, на котором у них стояли сети. Усаживаясь в люльку мотоцикла, Александр Павлович положил под ноги камеру от автомашины КамАЗ и насос. Володя устроился на сиденье за спиной деда Александра Афанасьевича. Мотоцикл затрещал и покатил по пыльной дороге.

Косы, спрятанные в кустах, стояли на месте. Александр Афанасьевич вынул из кармана брусок и прошёлся им по лезвию косы внука, затем своей. Мужики разделись по пояс и пошли друг за другом, махая косами. За ними ровными рядами ложились валки скошенной травы. Жаркое солнце исправно делало свою работу – во второй половине дня трава уже завяла. Ближе к вечеру дедушка произнёс:

– Шабаш, пора сети проверять.

Косцы поставили косы в кусты и направились к озеру. Александр Павлович накачал камеру, оплетенную капроновым шнуром, положил на веревки кусок доски, уселся внутрь камеры и медленно поплыл к камышам, гребя вёслами, напоминающими ракетки от настольного тенниса.

Володя помог деду столкнуть на воду плот из трех кусков сухого дерева, сбитых досками. Александр Афанасьевич, отталкиваясь шестом, поплыл к кустам, торчащим из воды. К ним был привязан один конец сети. Поплавков на поверхности воды не было видно. «Хороший будет улов», – подумал он и направил плот к кусту. Ухватился рукой за приметную ветку, приподнял её из воды и поймал верхнюю тетиву сети. Сеть с трудом выбиралась из воды. «Наверное, зацеп», – подумал он. В это время сеть рванулась из его рук, зацепилась за плот, и в мгновение он оказался по пояс в воде. Держась руками за шест, чувствуя под ногами качающийся плот, стал взывать о помощи.

Услышав тревожные крики, Александр Павлович поспешил на помощь. Его камера плыла слишком медленно, хотя он грёб изо всех сил. Когда подплыл к тестю, тот, опираясь одной рукой на шест, второй на камеру, приподнялся из воды и сел на борт камеры. Им, вдвоём, с трудом удалось подтянуть сеть к поверхности воды. В ней запуталась огромная щука. Не вынимая её из воды, Александр воткнул охотничий нож в лён около головы.

Когда щука оказалась на берегу, Владимир посмотрел на неё и произнёс:

– Вот это крокодил!

– Килограммов двадцать будет, – поддержал его отец.

Чтобы не быть героем дня, дед спросил внука:

– Ты помнишь, какую щуку поймал на жерлицу Сергей Хмелидзе?

– Помню, говорили, что весом двадцать два килограмма. Ее шкура долго висела у него на заборе.

Сергей в посёлке был известной личностью. Он работал в Абхазии директором какой-то фабрики. За махинации его осудили на двадцать пять лет, и отправили в Сибирь. После досрочного освобождения сослали на поселение в Лисицу. Здесь он женился, и жена родила ему восьмерых детей.

– Наверное, бывают щуки крупнее, – произнёс Александр Павлович, – однажды Саша Грушаков подстрелил мартына. Как только птица упала на воду, раздался сильный всплеск, чайка исчезла под водой, а на ее месте возник водоворот.

8

Володя переплыл на лодке Лисицу и направился к реке Школьной стрелять рябчиков. Тропа шла по кедрово-сосновой тайге. На ней был вытоптан ягель, заполонивший почву по обе стороны тропы. Под ногами лежала мягкая хвойная подстилка. Он чувствовал лёгкость своего тела, шагая по мягкой дорожке. В пойме реки хвойный лес сменился берёзовым. Ближе к воде стояли рябины с оранжевыми кронами и черемухи. Берега реки заросли черной смородиной и калиной. Птицы здесь были непуганные. Взрослых охотников такая дичь не интересовала. Добыв десятка два рябков, Вова почувствовал тяжесть в рюкзаке. «Достаточно бабушке на пельмени», – подумал он и повернул назад. Его бабушка, Полина Гордеевна, любила стряпать пельмени из мяса рябчиков. Он поднялся по косогору, нашёл тропу, идущую в сторону Лисицы, и зашагал по ней,

придавленный тяжестью рюкзака. Его окружало мелколесье. В какой-то момент увидел мужика, сидящего на тропе. Подойдя ближе, обмер от страха и застыл на месте. Перед ним оказался медведь. Мгновенно вспомнились наставления дедушки: не убегать, не шевелиться, не смотреть зверю в глаза».

Володя крепче сжал ремень ружья, висевшего на плече и заряженного мелкой дробью. У него моментально созрел план: «Если зверь бросится на меня, подпущу почти вплотную к себе и выстрелю в глаза.

Медведь издал грозный рык и медленно сошел с тропы в заросли. Молодой охотник с облегчением вздохнул и почувствовал, что у него дрожат ноги. Немного постоял на месте, развернулся и пошёл назад искать другую тропу.

После окончания средней школы в Белом Яре, Владимира призвали в армию. Вернувшись со службы, начал трудиться сначала на лесоповале, затем в автохозяйстве леспромхоза слесарем и одновременно учиться на механическом факультете заочного отделения Томского лесотехнического техникума. К его возвращению из армии в посёлке построили двухэтажную деревянную среднюю школу. Он радовался за учеников, которым не надо было ездить в райцентр для получения среднего образования. Количество жителей в поселке перевалило за полторы тысячи человек. Свободное время продолжал уделять охоте и рыбалке.

9

Охотничью избушку Александр Афанасьевич строил капитальную. С расчётом, что в ней будут жить и охотиться сын, внук, а, может быть, и правнуки. Он был человеком основательным и не любил времянок. Место выбрал превосходное на высоком берегу реки Каторжи при впадении в неё речки Бытовой, вдоль которой тянулся мачтовый пихтовый лес. Широкую гриву между реками Каторжа и Пойга, впадающими в Лисицу, покрывал кедровый массив с болотами и озёрами.

Первый охотничий сезон оказался очень удачным. На промысловом участке в изобилии водились белки, соболь, копытные животные и боровая птица. Не обошлось и без казусов.

Александр Афанасьевич шёл по тайге на коротких широких лыжах, сделанных из ели и подбитых мехом выдры. На верхней поверхности лыж, покрытых рыбьим клеем, просматривались выжженные рисунки елей и луны. Он очень дорожил этими лыжами – они не намокали от сырости. Их ему подарил хантыец Макар, когда Александр еще проживал в Аргат-Юле. Он забрёл в стойбище на реке Чичанге.

В лесу стояли два чума, в которых проживали две родственные семьи. Глава рода Макар пригласил охотника в чум. Ханты – народ очень гостеприимный, дружелюбный и трудолюбивый. Они низкого роста, сухопары, с прямым носом, со средней припухлостью губ. В чуме Александр осмотрелся. Печь, утопленная в землю, стояла не посредине чума, как обычно, а сбоку, труба выведена наружу через бок чума. «Тепло от такой печи не уходит в отверстие вверху чума, – подумал Александр Афанасьевич, – а распространяется по помещению». Спальные места по периметру помещения представляли низкие нары, укрытые

шкурами. У входа стояли лыжи, туеса с медвежьим жиром, рыбным клеем и ягодами.

Угощение состояло из отварной оленины с брусникой, которые лежали в мелком корытце, и чая, заваренного чагой.

Покидая гостеприимных хозяев, Александр обратил внимание на лыжи и спросил:

– Почему лыжи подбиты не камусом?

– К меху выдры сырой снег не пристает, – был ответ.

Макар взял лыжи и протянул Александру со словами:

– Бери, они твои.

Отказываться от подарка нельзя. Александр взамен оставил свои лыжи.

На обратном пути он оценил короткие лыжи, продвигаясь по густому пихтачу.

Охотнику легко удавалось на подаренных лыжах вилять между деревьями по следу соболя, за которым шли собаки. След привел к завалу, под которым скрылся зверёк. Собаки раздраженно лаяли и скребли лапами снег над кучей валежника. Охотнику не впервые было выкуривать соболя из-под завала. Он добыл бересты, поджёг и сунул под завал. Собаки бросились к другому концу поваленного дерева, почуяв перемещение зверька. Одна сунула нос через снег под завал, соболь впился зубами ей в нос. Выдернув голову из снега, кобель с воем затряс головой. Александр Афанасьевич схватил рукой желанную добычу. Не успел он задавить соболя, как тот выпустил нос собаки и вцепился ему в руку. Финал в схватке поставила Мирта. Она подскочила и мигом задавила зверька, защищающего свою жизнь.

Мирта была героем еще одного случая. Три собаки – Умка, Мирта и Зимогор держали лося. Александр Павлович осторожно подошёл на близкое расстояние и выстрелил. Зверь свалился на землю как подкошенный. Мирта вцепилась ему в загривок. Неожиданно сохатый поднялся и медленно пошел, собака не разжимала зубы и висела на нем. Охотник побежал за ними, но не стрелял – боялся попасть в Мирту. Только когда она свалилась на землю, добрал подранка.

На следующий год, осенью, Александр Афанасьевич приплыл к избушке заготовить дрова на зиму. По небу плыли холодные чёрные тучи – предвестники похолодания и снегопада. Ветер срывал с берез листья и желтыми корабликами пускал их по реке в плавание. Он свалил пилой «Дружба» две сушины, распилил на чурки и стаскал к избушке. Ему хотелось своевременно подготовиться к охотничьему сезону, который обещал быть трудным. Кедровые орехи не уродились на ближайших гривах, белки, а за ними и соболь, могли перекочевать в другие места. На третий день, спускаясь по тропе к реке за водой, заметил следы медведя. Для него это не невидаль, следы зверей можно встретить повсеместно. Через два дня свежие следы увидел у тропы, но не придал им значения. Еще через несколько дней, проходя по тропе, увидел на ней тень медведя, стоящего за толстым кедром. «Неужели охотится на меня», – подумал Александр и повернул к избушке. Достал спрятанный под нарами карабин, вынул из чехла, зарядил и отправился на встречу с непрошеным гостем. Медведь стоял на том же месте. Пришлось зверя обойти стороной, чтобы открылся его бок. После выстрела охотник подумал: «Удобно будет таскать мясо вниз по тропе к лодке».

10

Владимир заехал в избушку раньше отца и деда. Стояли последние погожие дни золотой осени. Он шёл по тайге вдоль ручья в надежде добыть птицу. Рябчики табунками взлетали с кустов калины, которые росли по берегам ручья, но они не интересовали его. На мелкую дичь ему не хотелось тратить патроны. Охотник ждал, когда собака облает глухаря. В стороне раздался выстрел. «Кто может стрелять в этой глуши? – удивился Володя и пошёл в сторону выстрела. Впереди услышал драку собак. Его Дозор сцепился с двумя незнакомыми собаками. Подбежав к сваре, стал пинками разнимать драку. Из-за деревьев вышли двое хантов и отозвали своих собак. Они заговорили первыми:

– Здравствуй, мы немного заблудились.

– Куда вам надо попасть? – спросил Владимир.

В это время к ним подъехала верхом на олене девушка, за которой следовало несколько оленей.

– Мы люди из племени Росомаха, идём с реки Кас. Надо идти на реку Ломоватую. Там должны стоять восемь семей людей нашего племени.

– Путь не близкий, – произнёс Володя, – здесь недалеко моя избушка, пойдемте ко мне, отдохнёте, а утром продолжите путь.

Ханты не стали ждать второго приглашения, уселись на верховых оленей и последовали за охотником. За каждым из них на поводке следовал вьючный олень.

В избушке Владимир поставил на плиту разогревать накануне сваренного глухаря, на стол положил вяленых ельцов, хлеб и поставил бутылку водки. Гости оживились, увидев выпивку. Старшего из них звали Аким, его дочь Ятока была невысокого роста, симпатичная девушка лет двадцати с карими внимательными глазами.

После второй рюмки ханты захмелели. Ятока водку не пила. Аким толи под воздействием хмельного, толи серьезно обратился к Володе:

– Женись на моей дочери. Одному жить в тайге плохо. Она будет хорошей хозяйкой. Все делать умеет: шить, шкуры выделывать.

В глубине глаз девушки мелькнули искорки надежды.

– Спасибо за предложение, но я не собираюсь жениться, мне еще рано обзаводиться семьей.

– Ты женись ненадолго. Мне нужна внучка, наш род исчезает.

– Спасибо, у нас не принято жениться без любви.

Акиму понравился широкий нож, выкованный из клапана трактора, с рукоятью, набранной из разноцветных пластмассовых пластинок. Он легонько прикоснулся лезвием к ногтю. Нож мгновенно врезался в ноготь.

– Хорош, – произнес он и защелкал языком.

Владимир ценил нож за то, что он не засаливался при обработке зверя. Без особого сожаления произнес:

– Он твой, раз понравился.

– Спасибо, хорошая будет память.

Володя достал из-под нар трехлитровый бидон, с рисунком ягод на боках, и подарил девушке. Она достала из сумки кусок сухого панта оленя и преподнесла ему.

Утром Владимир прощался с хантами. Они подарили ему лёгкую нарту и половину туши оленя.

Вереница оленей уходила всё дальше и дальше. Он смотрел им вслед и с грустью думал о их судьбе.

11

На одном из многочисленных изгибов реки Лисицы, в ста километрах от посёлка, на поляне среди кедрача стоял небольшой добротно рубленый домик. Избушкой его никак не назовешь. Рядом с домом – сарай и баня. Между домом и сараем – навес, под которым аккуратной поленницей уложены дрова. Из трубы над крышей вился белый дымок.

Из дома вышла немолодая, крепкого телосложения женщина, набрала охапку дров и вернулась в дом. Тамара Павловна готовила ужин к приходу мужа. Он с утра ушел ставить капканы и вот что-то задерживается. Ей в тайге жить не скучно, даже интересно. Каждый день приносит что-то новое, незабываемое.

В первый сезон их жизни в тайге рябчики устроили гнездо под домом, копалуха сидела на гнезде в двадцати метрах от избушки. Когда Тамара выходила из дома, глухарка сжималась и пригибала голову.

Степан с осени приготовил лабаз. Рядом с двумя деревьями вкопал два столба и устроил настил, на который, покидая избушку, положил постель, вещи и продукты. Весной медведь сломал столбы, съел продукты и раскидал вещи.

Этот нетронутый цивилизацией уголок природы леспромхоз отвел Степану для сбора живицы. Многие сборщики живицы на своих участках строили землянки или шалаши для летнего проживания. Степан обосновался основательно. Чистейший воздух, насыщенный озоном, придавал ему силу и бодрость. Он надеялся окончательно очистить легкие от угольной пыли.

Летом он и Тамара собирали живицу на участке, отведённом под будущую вырубку леса. С наступлением похолодания сезон сбора закончился, начинался сезон охоты.

В прошлом году сбор живицы они закончили поздно, вернулись в дом, помыли инструмент, попарились в бане и уселись пить чай. В лесу залаяли собаки.

– Иди, посмотри, на кого они лают, – потребовала Тамара.

– Наверное, на белку, рано её еще добывать, – отнекивался Степан Михайлович.

– Пойдем вместе, – решительно сказала жена и поднялась из-за стола.

Пришлось Степану Михайловичу взять ружьё, надеть на пояс патронташ и последовать за женой. По злобному лаю, он понял, что собаки облаивают не белку.

– Не торопись! – сказал жене, – я пойду вперед.

Вскоре он увидел лося, которого крепко держали лайки. Они нападали на него с разных сторон, Ему приходилось крутиться на месте, подставляя рога то одной, то другой собаке. Прячась за деревьями, Степан подошёл на выстрел и, прицелившись в лопатку, спустил курок. Исполин сибирской тайги рухнул на землю. Собаки мигом вцепились ему в холку, набили полные пасти длинной шерсти. «Молодцы, – подумал Степан, – не подходят со стороны ног, раненый зверь может убить копытом». Когда он отогнал их от туши, они долго избавлялись от шерсти в пастях.

Его размышления прервала подбежавшая Тамара:

– Ты беспокоился, что не скоро удастся отоварить лицензию, зверя поблизости нет, а он сам к нам пришёл.

– Хватит разглагольствовать, – прервал её муж. – Иди в дом за ножом, будешь помогать разделывать тушу.

Тамара Павловна первый раз в жизни помогала мужу снимать шкуру с лося. В дальнейшем для нее такая работа стала привычным делом. Степан получал лицензии для отстрела лосей для промхоза.

Однажды собаки устроили концерт недалеко от избушки. Степан выглянул в дверь и увидел на тропе медведя, окружённого собаками. Он схватил карабин и выскочил наружу, Тамара за ним. Собаки прижали зверя к болоту. Из-за бугра была видна только его голова. Степан прицелился и выстрелил, зверь исчез за бугром. Подбежавшая Тамара удивленно спросила:

– Где медведь?

– Стой здесь, я пойду, посмотрю.

Медведь лежал в низине за бугром, собаки яростно его трепали. Пуля попала зверю в ухо и вышла через глаз. . .

Степан Михайлович подходил к дому в сумерках, когда короткий осенний день угасал, а солнце спряталось за непроницаемую для его лучей стену деревьев. О его приближении Тамару известили собаки, прибежавшие первыми. Они проголодались и требовали еды. Женщина любила собак и взяла на себя заботу о их еде. Она вынесла две миски и поставила около крыльца.

Когда Степан вошёл в дом, на столе стояли две тарелки с горячим супом, а на плите жарились котлеты и стоял чайник. Усаживаясь за стол, он подумал: «Как хорошо на промысле быть с женой. Без неё мне сейчас пришлось бы растапливать печь и готовить ужин». Тамара сидела напротив мужа, пережевывала волокнистое мясо сохатого и ждала, когда муж начнёт рассказывать о промысле сегодняшнего дня. Она никогда не задавала вопросов – знала, что он сам всё расскажет. Сегодня он добыл соболя, которого еще предстоит ободрать и обезжирить шкурку.

Насытившись, Степан заявил:

– Соболя поймал руками.

– Как так? – удивилась жена.

– Собаки загнали в дупло. Я стал рубить дерево. Он выпрыгнул из дупла мне на грудь, пришлось прижать его к фуфайке и задавить.

– Рассказать кому-нибудь – не поверят, – тихо произнесла Тамара, собрала со стола посуду и пошла мыть.

Подобные случаи у Степана случались часто. Повадился соболь таскать у него из ящика замороженную рыбу. Поставил около ящика капкан и поймал воришку.

В другой раз соболь забрался в избушку через дыру, предназначенную для кошки. Вернулся Степан из тайги в темноте. Зажёг керосиновую лампу и присел отдохнуть. Слышит – под нарами какой-то шум. Посветил фонариком и увидел соболя. Поставил капкан – утром непрошенный, но желанный гость метался, пойманный капканом.

Тамара вымыла посуду, поставила на полку и вернулась к столу.

Степан внимательно посмотрел на неё, на его лице расплылась улыбка.

– Чему улыбаешься?

– Вспомнил, как тебя в жёны взял.

12

Степан начинал трудовую деятельность на шахте имени Орджоникидзе в Кузбассе. Работал первоначально учеником у родного брата, затем забойщиком. Бог силой не обидел, а отбойным молотком накачал мускулы.

Однажды товарищ пригласил его в гости по случаю первомайских праздников. «Не забудь только взять с собой гитару», – попросил Слава, прощаясь.

На вечеринку собралась молодежь. На столе стояли водка, шампанское и всевозможные закуски. Шахтёры не скупились на деньги при проведении праздников.

Степан играл на гитаре, парни и девушки танцевали. Он обратил внимание на симпатичную дивчину, которая убирала со стола пустые бутылки и приносила с кухни закуски. Ему понравились её деловитость и бойкий характер.

Закончив играть, Степан спросил у Славы:

– Кто эта девушка в светлом платье?

– Это моя сестра, – ответил Слава и крикнул:

– Тома, подойди ко мне.

Когда она подбежала к приятелям, поднявшись на цыпочки и резко опустившись на пятки, как бы сдерживая свой бег, Слава сказал:

– Познакомься, это мой лучший друг Степан.

Она неумело сделала реверанс и произнесла дежурную фразу: «Очень приятно».

– Мне тоже, – ответил Степан.

После очередных тостов Слава завел патефон. Степан танцевал с Тамарой. В его душе возникли чувства, которые он еще не испытывал ни к одной девушке. Ему хотелось проводить ее до дома и поговорить, но она осталась ночевать у брата.

Вскоре Степан уехал в отпуск. Отдых у него не ладился. Он часто вспоминал Тамару, мечтал о совместном проведении отпуска в будущем. Вернувшись из отпуска, решил навестить Славу в надежде у него встретить Тамарой. Зашёл в магазин, купил бутылку водки и закуску. При выходе из магазина столкнулся с Тамарой. От неожиданности потерял дар речи и уставился на неё удивленными глазами.

– Что с тобой? – спросила Тома.

– Не знаю.

– Куда собрался?

– К твоему брату. Пойдем со мной.

– Поехали, – ответила она и взяла его под руку.

Она была рада встрече не менее его, но не подала вида.

Слава обрадовался гостям. За столом сидели до позднего вечера. О чём бы не разговаривали, Степан думал, как сделать Тамаре предложение, но не мог подобрать нужные слова. Неожиданно, когда их глаза встретились, произнес:

– Тома, выходи за меня замуж.

– Это что предложение?

– Конечно.

– А где объяснение в любви?

– Слова – звук, главное, что у меня в душе.

– Что же у тебя в душе?

– Ты в ней сидишь, и я постоянно о тебе думаю.

– Тогда согласна, – с улыбкой произнесла она.

Молодые люди остались ночевать у Славы, а на следующий день подали заявление в ЗАГС.

Жили дружно, воспитали двух сыновей. Степан вышел на пенсию в пятьдесят лет. Тут вскоре Тамара получает письмо от подруги Вали Лопатненко, проживающей в поселке Лисица Томской области, которая приглашала её навестить и расписывала все красоты природы и быта в их посёлке.

– Стёпа, – обратилась она к мужу, – давай съездим в Томскую область, новые места посмотрим, может, понравятся – переберёмся туда. Дети давно выросли, живут самостоятельно, а если захотят, переберутся к нам. Зная слабость мужа, стала расхваливать охоту и рыбалку в тех местах.

Степана уговаривать не пришлось. У него давно зрела мысль уехать из загазованного города на жительство в Горную Шорию, куда он часто ездил на охоту.

Вот так он с женой оказался в Лисице.

13

Посёлок Лисица раскинулся на берегу одноимённой реки, которая огибает его с западной стороны. Река начинается в болотах на северо-востоке Томской области и впадает в реку Кеть выше поселка Белый Яр. Кеть, в свою очередь, впадает в Обь. На сотни километров во все стороны от посёлка раскинулась труднопроходимая тайга со множеством озёр и непроходимых болот. Вокруг не встретишь ни одного поселения, кроме охотничьих избушек. Посёлок произвел на Степана неотразимое впечатление.

С юга к огородам вплотную примыкает кедрово-еловая тайга. Западная сторона посёлка выходит к берегу реки. Он шёл по пустынной улице и ожидал, что его лаем встретят собаки, но они молчали, не обращая внимания на постороннего человека. В огородах ворохами лежала картофельная ботва,

зеленели грядки моркови, рядами стояли кочаны капусты, около стаек – копёшки сена. Людей вокруг не видно. «Осенний погожий день – год кормит», – вспомнил Степан поговорку. Время сбора ягод, грибов и кедровых орехов.

На высоком берегу реки Степан с наслаждением вдыхал полной грудью влажный воздух, насыщенный запахом леса. На чистом голубом небосводе ярко сияло солнце. «У нас на Кузбассе в воздухе всегда висит гарь от сжигаемого угля на ТЭЦ и в печах жителей», – думал он, – а здесь воздух первобытной чистоты».

Он посмотрел вдоль реки. Её берега, как ожерельем, окаймляли тальники и берёзы, светились в лучах солнца оранжевым цветом рябины, за которыми стеной стоял хвойный лес. «Какая красота, – мелькнула у него мысль, – природа сама создала ландшафт, который не под силу создать человеку». Над водой низко, издавая крыльями свист, пролетел табунок чирков и скрылся за мысом на изгибе реки.

Под яром на отмели сидели мальчишки с удочками. Они периодически выуживали небольшую рыбёшку и опускали в садки. Степан подошёл к ним и поздоровался:

– Привет рыбакам!

– Здрасте, – недружно ответили ребята, глядя на незнакомого человека.

– Как называется рыба?

– Елец, время его хода, – с удивлением ответил вихрастый парнишка.

– А какая другая рыба водится в реке?

– Всякая.

– Какая, например.

– Щука и стерлядь, – сказал тот же мальчик и внимательно посмотрел на мужчину, которого никогда не видел в посёлке.

Степан остался довольный полученными сведениями и возвращался с прогулки с твёрдым намерением найти работу и остаться жить в поселке. . .

В леспромхозе ему предложили на выбор несколько рабочих мест. В начале семидесятых годов прошлого века предприятие было одним из крупных в Томской области. Ему постоянно увеличивали план по заготовке древесины, и всегда требовались специалисты. Предприятие, кроме заготовки леса, выполняло многие смежные работы. Степан согласился работать трактористом на трелёвочнике. Проработав один сезон, перешел работать на подсочку. Это сбор живицы – смолы хвойных деревьев. Ему нравилось постоянное нахождение в лесу, рабочий день не нормирован. Заработок зависел от усердия. Эта работа ему оказалась по душе. Вскоре к нему приехали сыновья. Леспромхоз всех обеспечил жильём. За лето он с семьей сдавал по пятьдесят бочек смолы.

По окончанию сезона сбора живицы заключал договор на добычу и сдачу государству пушнины. За ним закрепили охотничий участок в ста километрах от посёлка площадью пятнодцать кварталов. Площадь каждого квартала составляет два на пять километров. Это был нетронутый человеческой деятельностью уголок природы с разнообразным ландшафтом. Здесь протекали реки Лисица и Райда, раскинулось несчитанное количество озёр и болот. В лесных массивах преобладал кедрач. Водились разнообразные звери. За первый сезон семья Орешкиных сдала в леспромхоз пять тонн кедровых орехов. Об обилии кедровых шишек можно

судить по сбору их внуками Степана Михайловича. Они набирали шишек по десять мешков за день. Вывозили орехи на лодке. Последний рейс пришёлся на ледостав. Приходилось лёд ломать шестами.

14

Незаметно подкралась осень. Дни стали короче, ночи холоднее. По небу ползли чёрные хмурые тучи. Часто налетали холодные северные ветры. Вместе с ними улетели с озёр и болот перелётные птицы. В тайге стало пасмурно, свет с трудом пробивался через густые кроны кедров и сосен. Сбор живицы давно прекратили. Все бочки, наполненные сосновой смолой, стояли на берегу реки. Степан остался удовлетворённым прошедшим сезоном. Осталось дождаться катер с плашкоутом и сдать приёмщику смолу. Тамара пересчитала бочки и удивлённо произнесла:

– Стёпа, одной бочки с живицей нет.

– Куда она могла деться?

– Кому-то понадобилась. Может сосед утащил.

– Он не чист на руку, но не думаю, чтобы бочку укатил.

– А ты, Стёпа, всё-таки спроси у него.

Степан Михайлович, очень спокойный и деликатный человек, решил разговор оставить на потом. Он не мог обидеть человека и спросить напрямую: «Ты, случайно, не брал мою бочку с живицей?».

Фёдора односельчане не любили за жадность. Бывало, пойдут в тайгу коллективно охотиться, начнут бивуак обустраивать, чтобы с утра заняться охотой. Он тут же заявит:

– Разжигайте костёр, я ненадолго в знакомое место сбегаю, посмотрю, что там в этом году происходит.

Возвращается с соболем в руке, когда товарищи уже сурпу сварили. Охотиться договаривались в общий котел. Казалось бы, он доброе дело сделал, но у напарников на душе нехороший осадок остался. Они общим делом занимались, а он удовольствие получил.

Фёдору подарили щенка. Он отправился в тайгу добывать рябчиков. В тот год леспромхоз получил заявку от московского ресторана на поставку рябчиков. У щенка проявлялись хорошие качества, он облаивал белок, интересовался разными следами на земле. «Хорошим будет помощником», – думал охотник. К избушке вернулись вечером уставшими и голодными. Фёдор повесил связку рябчиков на сук дерева и пошел в избушку готовить себе еду.

Щенок долго ждал, когда его накормят, но хозяин, занятый своим делом, не торопился выносить еду. Тогда пёс решил, что рябчики оставлены ему на ужин и приступил к трапезе. Когда Фёдор вышел из избушки, щенок доедал последнюю птицу. Охотника охватила ярость, он сбегал за ружьём и застрелил щенка.

Орешкин шёл деревенской улицей навестить сына. Дома, построенные лесхозом, стояли как близнецы-братья. Ему был знаком каждый дом, он знал каждого хозяина. Фёдор чем-то занимался у поскотины. Степан свернул к его

дому и открыл калитку. Хозяин поднял голову, услышав скрип ржавых петель, и, увидев Степана, поспешил ему навстречу. Степан не мог видеть его лица. Солнце, заходящее за спиной, бросало тень. Вечернее зарево горело над макушками леса, примыкающего вплотную к огороду. Во дворе стоял запах скотины и коровьего навоза.

– Здорово! – первым поздоровался Фёдор и протянул руку. Его лицо выражало удивление. Раньше Степан никогда к нему не заходил.

– Иду мимо, вижу, ты трудишься, решил зайти навестить, – произнёс Степан, пожимая протянутую руку.

– Решил небольшую пристройку сделать.

– У тебя новая собачья шапка. У кого купил?

– Жена сшила.

– Где шкуру взял? Собак, вроде, у тебя нет.

– Пришлось подаренного щенка застрелить, ворюгой оказался. Зайдем в дом, по рюмке пропустим.

– Спасибо, к Андрею спешу.

Прощаясь, Степан, между прочим, произнёс: «У меня в этом году пропала бочка с живицей, ума не приложу, куда она делась».

Фёдор понял намек в свой адрес и стал божиться, что дело не его рук.

Поздней осенью бочка нашлась в болоте, куда её укатил медведь.

За годы работы охотником многое довелось увидеть Степану. В один из сезонов его и соседа по промыслу Василия Константиновича Вяткина завезли в тайгу. Они остановились в избушке Василия. Стояла ранняя осень, моросил мелкий дождь, начинать промысел еще рано. У Степана была с собой трехлитровая банка с самогоном. Он предложил проверить ее качество. Дегустация напитка длилась, пока банка не опустела. Прощаясь со Степаном. Василий сказал:

– Приходи через несколько дней. Я схожу на лесовозную дорогу и закажу водителям привезти водку.

Погода наладилась, дождь стих, подул северный ветер. Он просушил влагу на листьях деревьев и на пожухлой траве, обещая скорое похолодание. Степан отправился к Василию. Шёл размеренным шагом по мягкой лесной подстилке. Собаки убежали вперед, несколько раз облаивали белок. Ему приходилось подходить к ним и уводить от притаившегося зверька. Когда собаки нашли глухаря, он осторожно подошёл к нему и выстрелил. Тяжёлая птица падала с шумом, задевая ветки, и гулко ударилась о землю. Укладывая птицу в рюкзак, Степан подумал: «Будет хорошая закуска». Он собирался переночевать у Василия. К избушке подходил во второй половине дня. Уже издали всматривался: идёт ли дым из трубы. Перекинул ремень ружья на другое плечо и вытянул шею. Дыма не увидел. Подойдя ближе, втянул в себя воздух. Дымом не пахло. Обоняние у Степана хорошее, как у собаки – дым давно бы учуял. Отсутствие хозяина в избушке беспокойства у него не вызвало, но настроение испортилось – придётся ждать его возвращения. «Василий не знал, что я приду к нему сегодня, – успокаивал себя, – вот и ушёл в тайгу, к вечеру вернётся».

Около избушки стоял толстый чурбак, около него лежала куча колотых дров. Трава вокруг вытоптана до удивительной черноты грунта. «Недавно колол, – подумал Степан, – скоро должен вернуться». Он остановился около двери, снял тяжелый рюкзак и опустил на землю. Из-под дома вылезла собака и протяжно завыла. У Степана что-то оборвалось внутри, плохое предчувствие сдавило грудь. Не мог Василий уйти в лес без собаки.

Тяжелая дверь со скрипом отворилась внутрь. Спертый сырой воздух ударил в нос. На нарах, вытянув ноги, накрытый овчинным полушубком, лежал Василий. Тусклый свет из небольшого оконца падал на стол, освещая закопченный котелок, кружку, нож и кусок хлеба, обглоданный мышами. Рядом стояла пустая бутылка из-под водки. У холодной печи-жестянки лежала кучка дров и кусок бересты.

– Василий, Василий Константинович! – хриплым голосом позвал Степан. У него в горле что-то застряло и перехватило дыхание.

– Василий Константинович! Ты спишь или дремлешь? – с наваливающимся страхом произнёс Степан и потянул за полу полушубка.

На нарах лежал покойник с немигающими веками, открытым ртом, с пожелтевшими глазами.

«Помер. . . царство тебе небесное», – прошептал Степан и не узнал своего голоса. Придя в себя от неожиданного потрясения, стал думать, что предпринять. Его взгляд остановился на рации, стоящей на столе. Сразу сознание прояснилось. Он включил рацию и вызвал диспетчера леспромхоза:

– Скончался Вяткин . . . Василий Константинович.

Диспетчер не узнал голоса Степана и спросил:

– Кто говорит?

– Орешкин.

– Где скончался?

– В избушке.

– Как скончался?

– Не знаю, присылайте участкового и фельдшера.

В дальнейшем экспертиза установила: смерть наступила от отравления фальсифицированной водкой.

Степана мучила усталость, желудок просил еды. Ему хотелось лечь отдохнуть, но он не мог оставаться в избушке с покойником. Вышел наружу, надел на плечи рюкзак и отправился в обратный путь, решив переночевать у костра. «Почему Василий напился, не дождавшись меня? – одолевали его мысли, – а если бы дождался, может быть, лежать и мне сейчас рядом с ним. Каково теперь будет его жене жить без кормильца, поднимать одной детей. Сколько бед приносит людям водка? Пора завязывать. Но как обойтись без неё, если искупался в ледяной воде или в праздники?».

Не решив для себя этот вопрос, он вспомнил Олега Сергеевича Морозова. Леспромхозу сократили план заготовки древесины, многих лесорубов уволили. Олегу предложили место сторожа на кордоне – охранять оставляемую там технику. Работа не сложная, а заработок хоть небольшой, но есть. Сиди себе в сторожке, да в окно поглядывай. Технику в таёжной глуши воровать некому. Вокруг только медведи, а они в тракторах и трелёвочниках не нуждаются.

Приезжает на вахту очередная смена лесозаготовителей, а избушки-сторожки нет. От нее остались только головешки и человеческие кости. Собрали кости в мешок и отправили в Томск на экспертизу, которая установила, что сторож был в алкогольном опьянении.

Степан обернулся, посмотрел на избушку, одиноко стоящую среди леса, почерневшую от времени. Она показалась ему сиротой. Красный свет заката пробивался между стволов могучих деревьев. Степан Михайлович тяжело вздохнул и зашагал прочь.

В тайге стало сумрачно, на небо выкатилась белая луна, круглая, как тарелка, вымытая дождями. Тусклый свет проникал между деревьями. При луне идти стало легче, даже веселее: можно смотреть, что вокруг делается.

Выбрав подходящее место, Степан снял рюкзак, прислонил к дереву ружьё и стал готовить ночлег. Острым топориком нарубил сучков для костра с поваленной ветром сосны, из сосновых лап устроил подстилку, на которой предстояло провести ночь.

Проснулся рано, надья еще не успела прогореть. Поёжился от сырости, подсел ближе к огню, подбросил сучьев в костер и поставил над огнём котелок разогревать вчера приготовленного глухаря. Из головы не выходила смерть Василия.

Стояла тишина, тайга молчала перед рассветом. В тишине Степан слышал, как стучит его сердце. За лесом проклюнулась заря, солнца ещё не было видно. И вот его лучи прорезались между деревьев. Через хвойные вершины на него можно смотреть сколько угодно не жмурясь и не отворачиваясь. Степан поднялся с подстилки, тщательно загасил костёр, накинул на плечи облегчённый рюкзак, взял в руки ружье и зашагал по просыпающемуся лесу.

Около избушки его ждала неприятность. Росомаха погрызла бочку и утащила рыбу, приготовленную для привады. «Самый вредный зверь, – подумал Степан, – будет мне пакостить, пока не поймаю в капкан».

15

Настало время, когда Степан почувствовал, что ему в тайге нужен напарник. Тамара по состоянию здоровья вынуждена была оставаться в посёлке. Одному заниматься промыслом стало не безопасно. Он неоднократно попадал в ситуации, из которых с трудом выходил. Однажды проезжая на «Буране» по руслу небольшой речушки попал в наледь. Под слоем снега оказалось по колено воды. Снегоход забуксовал. Степан срубил пихту, очистил от веток и вагой повалил «Буран» на бок. Мокрый снег в гусенице моментально стал замерзать. Он освободил гусеницу и катки от снега и льда, настелил веток на место провала и вагой поставил на них снегоход. Завел двигатель и на большой скорости решил проскочить опасное место, но «Буран» вновь провалился в наледь. Пришлось вагой развернуть его назад, повалить на бок, очистить гусеницу и установить на плотный слой веток. Выехав из русла ручья на берег, с облегчением вздохнул.

Мокрая одежда обледенела и торчала колом. Приехав в избушку, халат и брюки поставил у печки. Вешать на веревку не решился, чтобы не сломать.

Второй неприятный случай также был связан с водой. Сильные морозы ещё не наступили, землю покрывал неглубокий снег. Степан без лыж спешил на лай собак. Они загнали соболя в густой пихтач. По направлению их лая он определил дерево, на котором притаился зверёк, но долго не мог его увидеть в густой кроне дерева. Только по движению хвоста ему удалось заметить распластавшегося на ветке соболя. После выстрела он падал вниз, ударяясь о ветки. При ударе о каждую ветку, хвост раскачивался в разные стороны, и казалось, что он им качает. Степан поймал падающего зверька и дал понюхать собакам. Они повиляли хвостами и удовлетворенные результатом своей работы побежали искать следующую добычу. До полудня они разыскали и облаяли пять белок. После обеда погода испортилась, небо заволокли тучи, из которых непрерывно сыпал пушистый снег. «Пора возвращаться в избушку», – подумал Степан, крикнул собак и повернул в сторону дома. На пути встретилось болото. Обходить его и терять много времени он не захотел. Ему хотелось до темноты попасть в избушку. Срубил посох и, периодически прощупывая болото, осторожно шёл к противоположному берегу. Когда до берега оставалось несколько десятков метров, пошел быстрее. Внезапно под ним что-то хрустнуло, и он оказался выше пояса в воде. Навалившись грудью на посох и опираясь одной рукой на ружьё, выбрался на снежную поверхность болота. Подниматься на ноги не стал, а по-пластунски пополз к лесу. Под кедром развел костёр и всю ночь сушил мокрую одежду. Сухими остались только ватная фуфайка и верхняя часть рубашки. Собаки убежали к избушке. «Был бы у меня напарник, – подумал Степан, – прибежал бы сейчас по следу собак, а затем принёс бы сухую одежду».

На следующий охотничий сезон он пригласил в напарники Эдуарда Анатольевича Вавелева – молодого энергичного мужчину, высокого роста с орлиным носом и взглядом. Степан давно присматривался к Эдику.

Леспромхоз в 1989 году обанкротился. Многих рабочих уволили, остальным предстояло увольнение. Оставшись без работы, люди семьями и в одиночку покидали посёлок. К 1992 году две трети населения покинули Лисицу. Семье Эдуарда некуда было уезжать. Он здесь родился, в детстве потерял отца. Многие мужчины ударились в пьянство. Его же жизнь в постоянном хмелю не устраивала – большую часть времени проводил на рыбалке и охоте.

Эдуард обрадовался предложению.

Напарник Степана оказался трудолюбивым и удачливым охотником. За сезон они добывали до двухсот соболей. В первый сезон с Эдуардом происходили казусы.

Ранним утром охотники в маскировочных халатах шли по следу лося. Степан тихим голосом давал напарнику наставления: никаких разговоров, не курить, смотри под ноги, чтобы не дай Бог наступить на ветку или споткнуться, скрадывать будем только во время кормежки.

Рогача заметили в небольшой низине, заросшей молодым осинником. Степан шёл впереди, скрываясь за стволами деревьев. Он останавливался через пять-шесть шагов, успевая пройти это расстояние до того, как лось перестанет

кормиться. Зверь периодически поднимал голову, водил ушами, вслушиваясь в звуки леса. Когда подошли на верный выстрел, Степан показал глазами Эдуарду на его ружьё и на зверя. Он понял, что ему предлагается сделать первый выстрел. Поднял ружьё, тщательно прицелился и выстрелил. У лося подкосились ноги, он рухнул на снег. Подойдя к зверю, Эдуард увидел смертельно раненого гиганта, у которого из глаз текли слезы. Ему стало жаль животного, у самого на глазах появились слезы.

– Добей, – произнёс Степан.

– Не могу. Я никогда больше не буду стрелять лосей», – сказал Эдик и отвернулся, чтобы скрыть свои слезы.

Однажды Степан добыл лося в густых кустах на кромке болота. Присел рядом на корточки и закурил. Ветер не продувал густой ивняк, было тихо и казалось, что здесь теплее, чем в лесу. В голове созрел план: «Освежую тушу, разрублю на четыре части и схожу к избушке за снегоходом, до темноты успею вывезти мясо на нартах». Снять шкуру и выпустить кишки – ему дело привычное. Работал споро, стало жарко. Снял шапку, положил на рюкзак, достал топорик и поднялся во весь рост. Наметил взглядом место между разрезанных ребер, чтобы одним ударом топора перерубить хребет. Размахнулся и со всей силой опустил топор. Он зацепился за ветку и, амортизировав от нее, ударил обухом охотника по голове. Степан потерял сознание и упал рядом с тушей головой в кровь. Очнулся к вечеру. Голова болит и кружится, на ней рана, из которой по лицу текла кровь. Пошатываясь, пошёл к избушке. Когда Эдуард увидел окровавленного товарища, потерял сознание, у него подкосились ноги, и он свалился на пол.

Охотники облюбовали в двадцати пяти километрах от Степановой избушки место, на котором решили поставить небольшую избушку. Рано утром по насту отправились в путь. До места добрались благополучно. За несколько дней сруб подвели под крышу, устройство пола и печи оставили до лета. На обратном пути наст растаял, лыжи стали пудовыми, камус на них намок. Степан выбился из сил, не мог поднять ноги, провалившиеся в мокрый снег.

– Оставь меня здесь, – предложил Эдуарду, – иди дальше один.

– Снимай лыжи и отдыхай, я их просушу.

Эдик развёл костер и стал сушить около него лыжи. Пока камус сох, Степан успел отдохнуть, и они пошли дальше. Такие остановки делали через каждые три километра. Добравшись до избушки, Степан не раздеваясь упал на нары и проспал до следующего утра.

16

Александр Синарбин – единственный представитель коренного населения не покинул родовые земли. Из многочисленного когда-то племени, проживающего в прошлом веке на берегах Лисицы и ее притоках, он остался один. Низкого роста, худощавый, энергичный мужчина пользовался уважением у жителей. Никто не знал лучше него окрестные угодья. Он с детства изучил все водоёмы и знал, в каком месте и когда будет ловиться рыба. Никто лучше него не мог найти берлогу

медведя. Он знал, что медведь ложится в берлогу перед снегопадом. Прежде чем залечь, ходит кругами вокруг приготовленного логова, не подходя к берлоге. Найдя такие следы, Синарбин зимой безошибочно находил в центре этого круга берлогу и приглашал односельчан на охоту. Свои знания не скрывал, всегда делился ими с охотниками. Он не был жадным, добывал рыбы и дичи столько – сколько надо для пропитания и помощи нуждающимся. План по заготовке пушнины и сдачи рыбы всегда выполнял. О нём распространялись разные истории и легенды.

На его промысловом охотничьем участке жил крупный старый медведь. Синарбин часто встречал его во время шишкования. Они всегда мирно расходились, уважая и опасаясь друг друга. В неурожайные годы на орехи Александр оставлял на берегу излишки рыбы. Медведь с удовольствием поедал рыбу, предварительно завалив ветками, чтобы появился душок. Однажды охотник наткнулся на дерущихся медведей. В лесу стоял медвежий вой, звери кусали друг друга и рвали длинными когтями шкуры. Шерсть клочьями летела по сторонам. В одном медведе Александр узнал своего соседа, другой был меньше ростом и моложе. Он, видимо затеял драку, чтобы прогнать старожила и захватить его участок обитания. «Надо драку прекратить, – подумал Синарбин и вскинул карабин. – Если убью старого медведя, то неизвестно, как сложатся отношения с молодым». Он навел карабин на лопатку пришельца и выстрелил. Зверь рухнул на землю. Старый медведь посмотрел на охотника, взял за шиворот жертву, оттащил в сторону и завалил хворостом.

Своей добротой и отношением к людям Синарбин многих удивлял. Добытой дичью и пойманной рыбой всегда делился с нуждающимися. К деньгам относился с безразличием, считая, что человека должен кормить и одевать лес, а не эти бумажки. Однажды во время массового хода ельца поймал пять тонн рыбы. На вырученные деньги купил водку и устроил праздник для жителей посёлка.

На поляне у реки стояли ящики с водкой и лежала вяленая рыба. Слух быстро разлетелся по посёлку – Синарбин приглашает отметить хороший улов. К реке шли в одиночку и группами мужчины и женщины. Многие считали поступок ханта чудачеством. Он же соблюдал обычай своих предков. Если охотник добывал крупного зверя или ему повезло с хорошим уловом рыбы, он обязан устроить праздник для всего рода. Вот он и устраивал праздник для односельчан. Для него хороший улов был едой, а не средством, чтобы купить автомашину, снегоход или мебель для квартиры.

Его окружили наиболее близкие по духу люди – охотники. Каждый хотел чокнуться стаканом с его стаканом, пожелать здоровья и удачи. После нескольких тостов начались воспоминания случаев на охоте. У каждого их было предостаточно.

– Слышали, как Эдик Павелев медведя из избушки выгонял, – спросил Валентин Тимохин.

– Нет, не слышали, – раздались голоса, – расскажи.

– Подходит Эдик к головной избушке, слышит в ней шум, кто-то вещи переставляет. С ним три собаки: две молодые и старый глухой кобель. Щенков от избушки как ветром сдуло – разбежались в разные стороны. Эдик крикнул во все

горло: «Кто там, выходи!». Из избушки выходит медведь, поднялся на задние лапы с намерением опуститься на охотника. Эдик дергает затвор карабина и не может отвести его назад, чтобы послать патрон в казённик. Думает: «Всё, конец, отохотился». Кобель его спас, бросился на зверя с лаем. Медведь опустился на передние лапы и бросился на собаку. Кобель увернулся и забежал за баню, медведь за ним. Эдик побежал за дерево и ударом о ствол сдвинул затвор. Дрожащими руками послал патрон в ствол и стал ждать появления медведя. Когда медведь вышел из-за бани, выстрелил четыре раза, но промазал. Выстрелы не понравились зверю, и он скрылся за баней. Эдик подумал, что ранил косолапого и наперевес с карабином в руках осторожно стал обходить баню. Медведь ждал этого маневра и бросился на охотника. Эдик в упор застрелил его.

– У Степана Михайловича был интересней случай, – начал рассказывать Николай.

Ходил он осенью по угодьям с мелкокалиберной винтовкой – задание получил на заготовку рябчиков. Возвращается к избушке со связкой петушков, а в ней медведь спит после выпитой браги, которую Степан всегда держал во фляге. Ружьё в избушке, за ним через медведя перелазить опасно. Приставил ствол винтовки к уху медведя и выстрелил. Тот даже не пошевелился после выстрела.

– Наверное, хорошо пьяным был, – кто-то хихикнул.

– Вчера пошёл сеть проверять, – начал рассказывать Толик, – выхожу из-за изгиба реки, а медведь подтягивает сеть к берегу и рыбу поедает. Что делать? Ружья с собой нет, чтобы его отпугнуть. Крикнуть – может не испугаться, а на меня броситься. Повернул назад и пошел домой.

– Этот медведь не только твою сеть порвал, – подал голос Сергей, – его к рыбалке приучил Колян.

– Когда ему «учёбой» медведя заниматься, неделями от водки не просыхает.

– Вот в этом и суть. Рыба в сети протухла, всплыла на поверхность реки. Медведь запах почуял, зашёл в воду и стал тухлую рыбу из воды доставать. Затем сообразил, что сеть с рыбой можно на берег вытащить. С тех пор приспособился сети на берег вытаскивать.

Истории о медведях сыпались одна за другой как горох.

Татьяна Владимирова повесила на плечо карабин и пошла на рыбалку. За околицей видит – медведь за коровой гоняется. Удивилась: «Почему догнать не может». Присела, оперлась локтем на колено, прицелилась и выстрелила. Медведь оказался истощенным. В его желудке нашли тюбик от зубной пасты.

У Александра Самофалова медведь окорока из коптильни унёс. Во дворе три собаки лаем надрывались, а он спокойно спал после празднования пасхи.

Его внук Вовка пошёл поздним вечером в туалет. Сидит и слышит, что кто-то к туалету подходит. Открыл дверь и посветил фонариком, а там медведь. Испугались оба. Медведь из огорода в лес унёсся.

Нашествие медведей на посёлок началось после пожара в 1979 году на берегах реки Райга. Выгорели не только большие массивы леса, но и огромное болото Комарное. Звери мигрировали в незнакомые места, а тут выдались неурожайные годы на кедровые орехи. Вот они и стали подходить к посёлкам в поисках пищи.

В разговор вклинился Валентин:

– Поехал я на снегоходе с нартой за дровами. Собаки за мной увязались. Нашел сухостой, свалил. Собаки недалеко концерт на три голоса устроили. Пошёл посмотреть – белку облаивают. Прикрикнул на них и вернулся к снегоходу. Напилил дров, уложил на нарту. Слышу уже злобный лай собак. Особой яростью выделялся голос семимесячного щенка. Пошёл смотреть, обнаружил соболя. Из-за ствола торчала часть головы с ухом. Побежал в посёлок. Вернулся с ружьем. Соболь сидел на том же месте. «Хорошо, думаю, что за ствол спрятался, не испорчу шкурку». После выстрела бегом побежал к дереву и поймал, падающего соболя. Собаки окружили меня. Дал понюхать добычу. Щенок попытался схватить за голову. Пришлось отдернуть руку и дать ещё раз понюхать. Он слизал кровь и успокоился. Вырос из него хороший соболятник.

Во время застолья сосед спросил Синарбина:

– Саша, ты мог бы купить снегоход «Буран», почему не покупаешь?

– Плохая машина – много шума. Я люблю ходить по лесу на лыжах. Всё вижу, всех слышу, всё знаю.

Синарбин смотрел на окружающих его людей, и ему вспомнилось детство, праздники у костра по поводу многих событий. В его памяти возник сезонный посёлок на высоком берегу Курьи, в который его род выезжал на лето к месту рыболовства. От чумов тянулась тропа по крутому спуску к воде. Там стояли лодки-долбленки – обласки, на которых в праздники молодежь устраивала гонки.

Он перевел взгляд на поверхность реки и представил весенний праздник Водяного царя – Виткуля, почитаемого духа и хозяина всех водоемов. Ему у водоёма ставили стол с пищей и чаем. Угощение порциями опускали в воду, а чай уважительно подносили к воде и выливали из кружек. Рукой набирали воду и смачивали волосы на голове. Только после такого ритуала можно было спускать лодку на воду и приступать к рыбалке. Его настроение испортилось, когда вспомнил родственников, которых уже давно не было в живых. Синарбина удерживало в этих местах болото, раскинувшееся недалеко от бывшего временного посёлка. На берегу того болота его родила мать, там похоронена его жена. Неожиданно для сидящих с ним рядом людей он произнёс:

– Надо сходить на болото.

– Зачем тебе сдалось это болото? – спросил Николай.

– Там меня мама родила. Там её похоронили. Когда умру, очень хочу, чтобы меня похоронили у того болота.

– Не переживай, ты еще крепкий мужик, рано думать о смерти.

17

Во время войны большинство местных мужчин были на фронте. В посёлок сослали несколько семей немцев Поволжья. Нужны были мужские руки. Среди сосланных была семья Прот с детьми. Местные жители приняли ссыльных настороженно, воспринимая как фашистов. Мало кто знал, что немцы проживали в России с восемнадцатого века по приглашению императрицы Екатерины Великой. Немцы отличались необычайным трудолюбием и аккуратностью. Шло

время, отношение к ним менялось. Первыми делились с приезжими уловами рыбы ханты. В силу своей природной доброты и вековых традиций делиться едой с нуждающимися людьми.

В начале семидесятых годов прошлого века, когда ссыльным разрешили свободное передвижение по стране, всё немцы уехали из поселка. Осталась только Тамара Ефимовна Прот. У тридцатипятилетней женщины погиб муж, а на руках осталось трое детей. Она не представляла, как можно бросить дом и отправиться в неизвестность. Родственников у неё не было, а посёлок, в котором жила в Приволжье, во время войны уничтожен.

Синарбин взял над семьей шефство. За ним был закреплен промысловый участок, называемый «Курья». Он сдавал в Госпромхоз рыбу тоннами. Ему, как аборигену полагалась каждый год бесплатная лицензия на добычу лося. Семья Тамары не испытывала нужду в продуктах. Она вместе с Александром занималась сбором живицы, что позволило в дальнейшем получить достойную пенсию. Осенью вместе собирала ягоды, грибы и кедровые орехи. Все дети закончили десятилетку и продолжили обучение в Томске. У них сохранилась фамилия предков, а отчество взяли отчима – Александра Синарбина. Старший сын Владимир Александрович Прот работает врачом в районной больнице посёлка Белый яр.

18

В посёлке проживает семья Тимохиных. У них был один сын. Любе хотелось иметь большую семью. Она поехала в Белый Яр и усыновила из детского дома двоих детей. Мальчика Валентина четырёх лет, селькупа, и девочку Лизу, хантыйку, которой ещё не исполнился год. Муж Любы – Александр Александрович не имел страсти к охоте и рыбалке. Они жили за счёт продуктов, покупаемых в магазине и выращиваемых в огороде. Весть об усыновлении детей аборигенов быстро разлетелась по посёлку.

Синарбин был тронут поступком Любы. Он тут же отправился к реке, сел в обласок и погнал долблёнку к знакомой заводи. Лодка легко скользит по воде, как по стеклу. Он поджал ноги, уперся коленями в борта и чувствовал себя единым целым с обласком. Обласок легко повиновался любому движению его тела. Весло тихо, без плеска, опускалось в воду и гнало лодку по прямой линии. По его мнению, новым жителям надо сделать подарок как новорожденным. Около заводи положил весло в нос лодки, достал из небольшого брезентового мешка сеть, привязал конец к кусту и, работая веслом одной рукой, перегородил заводь. Затем переплыл через сеть в заводь и стал стучать веслом по воде. Рыба, отгороженная сетью, устремилась в глубь реки. Поплавки сети весело запрыгали на поверхности воды. Попалась разнообразная рыба, в том числе щука весом больше килограмма. Александр принёс рыбу Любе.

– Зачем вы это делаете? – возмутилась Люба, – мы вполне обеспечены. Если бы испытывали затруднения, то не усыновили бы детей.

Перед ней стоял невысокий мужчина, одетый в суконную одежду, на ногах чирки из оленьего камуса. Его чёрные как смоль волосы, аккуратно подстрижены. На смуглом лице с широкими скулами на неё удивлеённо смотрели карие глаза.

Он не понимал, как можно отказываться от подарка, который ему не стоил большого труда. После небольшой паузы произнес:

– Ты усыновила детей моего племени. Им надо кушать рыбу и мясо.

Люба не стала возражать против этого аргумента и поблагодарила Синарбина.

С тех пор он регулярно приносил в дом Любы рыбу и дичь. Для него было не только удовольствие делать людям приятное, но и потребность общения. Он разговаривал и играл с Валей, заглядывал в кроватку-качалку и любовался Лизой. Для него дети были самыми красивыми. Валя постоянно подталкивал руку под пелёнки Лизы.

– Что ты делаешь, – спросил Александр.

– Мама сказала, когда будет сыро, позвать её.

Синарбин улыбнулся и пощупал пелёнки девочки. Они были сухими.

Он привязался к детям как к своим родным. С шести лет брал Валю на рыбалку. На мелководном озере научил плавать на обласке. Валёк быстро освоил искусство плавания на верткой лодке с одним веслом. Узнал, в какое время года и где ловится разная рыба. Ему во всем хотелось подражать Синарбину. Они часто на отмели, где меньше гнуса, разводили костёр и варили уху. Валя спрашивал:

– Можно я почищу рыбу?

– Конечно можно, только не раздави желчь у подъязков.

– А у окуней?

– У окуней желчи нет, их будем варить в чешуе.

– Почему в чешуе?

– Уха будет вкусной и наваристой.

Синарбин старался передать свой жизненный опыт соплеменнику. Мальчик всё свободное время проводил с ним в тайге или на рыбалке. Он успешно окончил среднюю школу, затем институт в Томске и стал работать помощником лесничего.

19

Синарбин среди охотников часто говорил: «Похороните меня у болота на моей родине».

Почувствовав недомогание, он сказал Тамаре:

– Пойду в избушку, надо болото проведать.

– Сходи, если считаешь, что надо, – ответила Тамара. Только долго не задерживайся.

Приближался Новый год, а Александр не возвращался. Тамара стала волноваться, делиться своими опасениями с соседями. Слух о пропаже человека быстро разлетелся по посёлку. Александр Прот побежал к Степану Михайловичу:

– Дядя Стёпа, дай «Буран», съездить навестить Синарбина.

– Что случилось?

– Он пропал.

Степан помог выкатить снегоход из сарая, залил полностью бак бензином из канистры. Александр завел двигатель, прогрел и осторожно поехал к берегу реки. Спустившись на лед, на полной скорости покатил по твердому насту реки. Ветер свистел в ушах и обжигал лицо, но он этого не замечал. В избушке Синарбина не

оказалось. Александр съездил на известное ему болото, которое жители давно окрестили болотом Синарбина. Там никаких признаков пребывания человека не обнаружил. Он вернулся в поселок с плохой вестью.

После Нового года несколько охотников на снегоходах вели поиск Синарбина. Они объехали все его избушки, но их старания не дали результата.

Весной, сразу после ледохода на Лисице, Саша Прот на лодке поплыл в угодья ханта, которого всегда воспринимал как родственника. Солнце ярко светило на безоблачном небе, в воздухе токовали бекасы. Они при пикировании издавали крыльями звуки, напоминающие блеянье барашка. Кусты вербы раскрыли сережки. Хвойный лес после первых дождей сиял в лучах утреннего солнца. Александр не замечал перемен в природе, его мысли были заняты воспоминаниями о Синарбине. Ружьё лежало в носу лодки, утки парами и табунками взлетали перед лодкой, но у него не было желания стрелять по ним. Все его мысли были сосредоточены на поиске дорогого человека.

Когда лодка вошла в приток Лисицы, Александр сбавил скорость и стал внимательно осматривать берега. За очередным изгибом речки на взгорье стоял знакомый домик. Здесь Синарбин обучал Сашу стрелять из ружья, ставить петли на зайцев и медведя. Он вспомнил первых добытых уток.

На небольшом озерке, заросшем по периметру высокой осокой, плавал табун уток. Они периодически опускали головы в воду, поднимая туловище вертикально над поверхностью воды.

– Что они делают? – спросил Саша.

– Кормятся.

Утки периодически сплывались и расплывались по водоему.

– Сколько уток нам надо на обед? – задал Синарбин вопрос юному спутнику.

– Одну или две.

– Ты должен бесшумно подползти по траве к воде, дождаться, когда две утки сплывутся так близко друг к другу, чтобы их можно было добыть одним выстрелом. Патроны надо экономить.

– А если сплывутся три?

– Лишнюю утку нам не надо. Она протухнет, пока мы едим двух.

Синарбин подал мальчику ружьё и произнес:

– Ползи.

Саша присел, опустился на колени и на четвереньках пополз к воде. Ружье цеплялось за траву и сдерживало продвижение вперед. Он вытягивал руку с ружьем вперед, а затем подползал к нему. От волнения его сердце учащенно колотилось. Беспокоила мысль: «Только бы утки не заметили меня и не улетели». Когда сквозь осоку увидел уток, плавающих у берега, инстинктивно лег на живот. Руки тряслись, колени ощущали холод земли через промокшие брюки. Утки не выдавали беспокойства, продолжали кормиться. Немного полежав на сырой земле, Саша навёл ружьё на уток. Осока мешала целиться. Он подполз на несколько метров ближе к озеру, выбрал просвет среди травы и стал ждать удобного случая для выстрела.

Выстрел как кнутом хлестнул дробью по воде, эхо покатилось к дальнему лесу. Испуганные утки сорвались с воды и полетели вслед за эхом. Саша вскочил

на ноги, на воде остались две шилохвости. Его охватила радость, он выполнил задание Синарбина. Обернувшись назад, увидел ханта, стоящего за деревом и наблюдающего за ним.

Эти воспоминания мгновенно пролетели в голове Александра. Он направил лодку к берегу и пристал у дерева, к которому всегда привязывал лодку Синарбин.

С замиранием сердца поднялся Саша по крутой тропинке к домику, который стоял не тронутый ни людьми, ни зверем. Внутри все вещи висели и лежали на своих местах. С грустью он смотрел на знакомые предметы, к ним когда-то прикасались руки хозяина, которого сейчас здесь нет и, наверное, никогда не будет. Александр заглянул в баню и туалет, которые выстроены под одной крышей с домом.

Оставив дверь открытой для проветривания, Александр начал обходить лес вокруг избушки в надежде найти какие-нибудь признаки пребывания здесь хозяина угодий. Неожиданно ему показалось, что из-за ствола кедра выглядывает знакомая шапка. Он побежал туда. Под деревом сидел покойник, обглоданный мелкими хищниками. На коленях лежал карабин. Затвор прикрывала пола суконной куртки. Охотник даже перед смертью заботился о своем оружии. Это без сомнений был Синарбин. Александр, поражённый увиденным, поплыл в посёлок с печальной вестью.

Охотники и рыбаки на нескольких моторных лодках отправились в угодья ханта, чтобы предать его тело земле и помянуть хорошего человека. Могилу вырыли на взгорье у болота, где он завещал его похоронить. Здесь в чуме родила его мать, здесь где-то она похоронена. На острове, среди болота, похоронена его жена. Ушел из жизни последний абориген из большего племени, проживающего когда-то на берегах Лисицы. Александр стоял с непокрытой головой, из его глаз текли слёзы. Ушёл из жизни человек, который передал ему свой опыт охотиться и рыбачить, накопленный многими поколениями хантов. Александр не успел расспросить своего воспитателя об его предках, их быте и обычаях. Этот бугор у болота будет теперь для него местом размышлений о судьбе предков его отчима.

На поминках пили самогон. Каждый старался рассказать какой-нибудь охотничий случай из жизни Синарбина или из своей жизни при участии ханта.

Постепенно перешли на житейские проблемы. Все ругали перестройку, она сломала устойчивый образ жизни в посёлке.

– Мужики, – обратился к присутствующим Илья Васильевич, – скажите мне, как получилось, что леспромхоз стал нерентабельным? Разве его продукция сейчас никому не нужна?

– Кому-то в Томске это выгодно. Вот и заставили ликвидировать леспромхоз, лишили людей работы.

– Работы охотников не лишили, зверя стало даже больше.

– Оно так, вот только пушнину приходится сдавать непонятным представителям какой-то томской фирмы.

– На то и перестройка, чтобы пушнина шла не государству, а частным лицам.

Во второй половине дня поднялся ветер, загудела тайга, закачались вершины деревьев. Непогода заставила охотников пойти в избушку и продолжить разговоры. Кто-то вспомнил об угодьях.

– Кому теперь достанется промысловый участок Синарбина? – спросил Сергей.

– В старые времена зверпромхоз заключал договоры на добычу пушнины и закреплял участки, – ответил Илья Васильевич, – сегодня свобода, порядка нет.

Разгорелся спор, нашлись претенденты на промысловый участок.

В это время в домик вбежал Эдик и закричал: «Пожар!».

Все, толкая друг друга, выскочили на улицу. Горела кем-то затопленная баня. Пламя вырывалось на крышу около трубы. Сергей заскочил в домик, схватил ведра и побежал к реке. Когда он вернулся, пламя уже перекинулось на дом. Обескураженные люди стояли и смотрели на стихию, не в состоянии что-то предпринять. Вскоре горящие доски крыши подхватил ветер и стал бросать на лес. Хвойные деревья одно за другим вспыхивали огромными факелами. Разъяренный ветер гнал пламя от реки. Пожар как дикий зверь пожирал кроны деревьев.

Протрезвевшие виновники пожара сели в лодки и направились в посёлок. Плыли молча, каждый чувствовал себя виноватым в происшествии. Александру лезли в голову разные картины. Он представлял убегающих белок и соболей, которым путь преграждал пожар, бегущих от пожара лосей и медведей, у которых был шанс на спасение в болотах.

20

Пожар уничтожил большой кедровый массив леса на гриве. Многочисленные болота и озёра сдержали его дальнейшее распространение. В конце лета Александр поехал навестить могилу ханта. Он не узнал местность. Землю покрывал слой золы, огромные деревья создавали высокие завалы, преграждая путь к болоту. «Может быть, поваленные деревья защищают могилу Синарбина, чтобы люди не посещали её?» – подумал Александр.

Год выдался засушливым и неурожайным на кедровые орехи. Медведи в поисках пищи осенью стали постоянными гостями в посёлке.

Степана Михайловича рано утром разбудил злобный лай собак, привязанных во дворе. Выйдя во двор, он увидел медведицу и медвежонка, спокойно шествующих по улице. Через несколько дней к нему пришла соседка и пожаловалась:

– Михалыч, у меня какой-то зверь морковь копает, глянь, что за зверюга в огород ходить повадилась.

– Пойдём, посмотрим.

Степан Михайлович без труда разглядел следы медведя на свеженасыпанной им земле при копке моркови.

– Это хозяин тайги к тебе в огород ходит, – «обрадовал» соседку Степан.

Терпение бесчинств медведей кончилось, когда косолапый задавил корову. Охотники устроили засаду и застрелили злодея. По этому случаю устроили общую трапезу с шашлыком из медвежатины. Через две недели у одиннадцати человек появилась высокая температура, а еще через неделю на теле появилась сыпь и

стали ощущаться боли в мышцах. Все они были госпитализированы в районную больницу с диагнозом трихиннелез.

Эпилог

В первом тысячелетии нашей эры ханты занимали огромную территорию Западной Сибири. Их владения простирались от Уральских гор до Енисея на востоке и от низовья Оби на севере – до Барабинских степей на юге. С четырнадцатого века начался процесс их вытеснения тюркскими народами, а с восемнадцатого века – русскими. Они вели упорную войну с ханом Кучумом, который не смог их поработить. С приходом дружины Ермака у них хватило благоразумия не воевать на два фронта, а заключить с ним союз.

В конце девятнадцатого века коренные жители Западной Сибири – ханты – расселялись по Оби и ее притокам. Занимались рыболовством, охотой и оленеводством. О численности населения можно судить по бывшему кладбищу около поселка Макзыр, на котором хоронили только шаманов. На месте захоронения до сих пор находят монеты чеканки во время Екатерины Великой.

В настоящее время при стремительном развитии разработок нефти и газа значительно сократились традиционные охотничьи угодья, нарушаются интересы коренного населения, погибают священные места, родовые территории. Коренное население вынуждено покидать тайгу и перемещаться в города и крупные населенные пункты. Здесь не находят применение своему традиционному промыслу – охоте и рыболовству. Они теряют наследственные навыки, забывают не только национальную культуру, но и забывают родной язык.

Сегодня ханты проживают в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономных округам и в соседних областях. Общая численность населения составляет 22,5 тысячи человек. По переписи населения в 2002 году в России проживало 29 тысяч человек хантыйцев.

В поселке Лисица в 2015 году было прописано всего два человека коренных жителей. Это усыновленные дети из детдома жительницей поселка Любовью Тимохиной. Они окончили школу, получили высшее образование в Томске. К сожалению, утратили родной язык и забыли традиции своих предков.

Рассказы таёжника

На берегах Катальги

По осеннему небу непрерывно плыли черные тучи, высыпая на землю порции холодного дождя. Ветер подхватывал его и с силой бросал на окна вагончика.

Капли соединялись в струйки и текли слезами по стеклам. Во второй половине дня дождь стих.

Валентин несколько дней не проверял жерлицы, поставленные на щук в реке Катальге, протекающей на севере Васюганских болот. Он вырос в Туруханской тайге, с раннего детства пристрастился к охоте и рыбалке. Валентин приоткрыл дверь вагончика, выглянул наружу. На дворе похолодало, в воздухе кружились редкие снежинки. Не раздумывая, он надел легкую ветровку, в один карман положил патроны, заряженные пулями, во второй – дробью. Накинул на плечи пустой рюкзак, взял ружье и вышел из вагончика. За ним увязался годовалый щенок по кличке Пушок. «Пускай побегает, – подумал он, – ему полезно, а мне с ним будет веселее».

Пушок был помесью западносибирской лайки с собакой местных охотников. В прошлом году Валентин, охотясь с Найдой, встретил в тайге аборигена здешних мест – ханта, с которым бежал кобель невысокого роста с густой длинной шерстью. Пока охотники разговаривали, собаки обнюхались и повязались. Валентин давно хотел оставить себе щенка от Найды и случившемуся обрадовался, зная, что лайки хантов прекрасно работают по любому зверю.

Валентин любовался бегущим впереди Пушком. Он очень любил своего питомца, постоянно пускал в вагончик, разговаривал как с другом. Щенок платил ему взаимностью, всегда был готов выполнить любую его команду. Часто, слушая спокойную речь хозяина, смотрел ему в глаза и наклонял голову то в одну то в другую сторону, стараясь понять суть разговора. Пушок рано проявил рабочие качества – облаивал белок на деревьях. «Ханты плохих собак не держат», – всегда думал Валентин, наблюдая за повадками собаки. Ему нравилась пегая масть щенка. Чёрные пятна хорошо выдавали его бегущего по снегу, а белые по чернотропу.

Они продвигались по редкому пихтовому лесу. Пушок далеко не убегал от хозяина, Валентин шёл своим привычным шагом, выработанным за многие годы жизни в тайге, чтобы не мерзнуть и не потеть. На полпути к реке подул холодный северный ветер, хлеща его по лицу снежной крупой и посыпая землю первой порошей. «Вовремя я пошёл снимать жерлицы, – подумал Валя, – скоро река покроется льдом и начнётся охота». Вскоре пихтач закончился, и перед ним открылась пойма реки, заросшая тальниками. На открытом пространстве ветер неистово гудел в кронах хвойных деревьев, гнул ветки тальников к земле, ударяя их друг о друга, создавал тревожную симфонию. Земля покрылась тонким слоем снега. У Валентина окоченели руки. «Надо было взять с собой рукавицы», – подумал он.

На жерлицах оказалось всего две щуки. Плохо гнущимися пальцами положил их в рюкзак и собрался в обратный путь. На холоде мокрые руки окончательно отказались слушаться. Он засунул их в карманы, чтобы отогреть. В это время невдалеке послышался лай. Валентин понял, что собака облаивает белку. «Надо проверить, выходная ли шкурка», – подумал он и поспешил на лай.

Среди пихтового леса на лиственнице с облетевшей хвоей сидели три белки. В стороне стоял Пушок и тявкал неокрепшим голосом. Осторожно, прячась за деревьями, Валентин подошел на расстояние верного выстрела, выбрал самую

крупную и выстрелил. Пушок первым схватил упавшего зверька. После окрика отдал его в руки хозяину, и крутился перед ним, заглядывая в глаза. «Ты голодный? Хочешь есть?» – спросил Валентин. Пушок веселее закрутил хвостом и прыгнул передними лапами на грудь хозяина.

– Подожди немного, сниму шкурку и отдам тебе тушку, – продолжал Валентин разговаривать с собакой.

Его негнущиеся пальцы не смогли вынуть из ножен охотничий нож. Тогда он зубами надорвал шкурку около хвоста, просунул палец в образовавшуюся дыру между шкуркой и тушкой, и в считанные минуты снял ее. Она оказалась выходной, красноватый цвет остался только на лапах. Белка была очень худой. Год выдался засушливым и неурожайным на орехи, грибы и ягоды. Пальцы рук немного отогрелись от тепла тушки. Мясо следовало сварить или испечь, прежде чем кормить собаку, но Валентину не хотелось заниматься костром, и он бросил тушку на снег.

Пушок взял её в зубы, отошел в сторону, с хрустом проглотил добычу и умчался в лес. Не успел Валентин отойти на сотню шагов от реки, как услышал призывной лай. Пришлось свернуть от намеченного маршрута и добыть ещё одну белку. Ветер стих так же внезапно, как и налетел. Мороз крепчал. С неба плавно сыпались снежинки и оседали на лапах хвойных деревьев. Положив белку в рюкзак, он вновь услышал голос собаки. «Здесь никогда не водилось столько белок, они всегда держались в кедрачах», – удивился Валентин. Добыв десяток белок, и увидев, что все следы идут в одном направлении, он понял, что зверьки перекочевывают от бескормицы в поисках пищи.

Внезапно щенок завыл диким голосом, словно его кто-то преследовал. Валентин со всех ног бросился на выручку. Запыхавшись, пошел шагом, меняя на ходу патроны с дробовыми зарядами на заряженные пулями. В редком пихтаче увидел лосей. У него появилось чувство азарта и гордости за своего помощника. Подойдя метров на сто, пересчитал сохатых. В табуне было четыре коровы, два тогуша и крупный бык с рогами лопатой. Около них крутился Пушок и злобно тявкал. Прячась за деревьями и, не упуская из вида зверей, Валентин медленно подкрадывался к ним. Ему не удалось подойти на верный выстрел, когда послышался звук, напоминающий мычание коровы. Табун сорвался с места и умчался. Пушок бросился в погоню. «Неужели я подшумел зверей, – думал Валентин, – увидеть меня они не могли, у них слабое зрение, но прекрасный слух мог уловить шум шагов». Не успел он закончить свои размышления, как в стороне послышался азартный лай. Поправив на спине рюкзак, поспешил к табуну. Лосихи и телята стояли плотной группой, а бык пытался отогнать непрошеного гостя. Деревья мешали ему развить скорость, а Пушок умело увертывался от него, крутясь вокруг стволов. Валентину вновь не удалось подойти на выстрел, быку надоело гоняться за собакой, и он увёл табун.

Погоня за лосями длилась несколько часов. Начало смеркаться, Валентин забеспокоился – засветло ему не выбраться из тайги. Возвращаться своим следом не было смысла. Он знал, что в южном направлении проходит профиль с запада на восток. По нему можно дойти до перекрестка, а там, свернув на перпендикулярную просеку, уже недалеко до посёлка нефтяников. Приняв такое

решение, выстрелом отозвал собаку. Пушок вернулся уставшим, с подтянутыми боками, постоянно хватал пастью снег.

– Дружище, – обратился Валентин к щенку, – давай выбираться на профиль, пока нас не захватила ночь.

Пушок посмотрел на хозяина, стараясь понять его речь. Когда Валентин зашагал в выбранном направлении, побежал впереди него. Идти по редкому пихтачу труда не составляло. Вскоре на пути пихтач сменился кедровым лесом, и охотник вышел на гриву с поваленными деревьями. Ураган вырвал могучие кедры с корнями и уложил их длинной полосой друг на друга труднопреодолимым завалом. Валентин смотрел на торчащие вверх корни и думал, что кедры приспособились расти на вечной мерзлоте, не пуская корни в глубину, а простирая их в ширину на небольшой глубине. Сильным ураганам их легче валить, чем другие деревья. Он смотрел по сторонам, стараясь найти место обхода завала. В это время Пушок бросился под деревья, и на другой стороне завала послышалось его азартное тявканье.

Валентин пригнулся и полез под ствол могучего кедра. Под следующим стволом пришлось ползти по-пластунски, отталкиваясь локтями и коленями. Стоило ему приподняться, как с веток на него обрушивался поток снега. Лай придавал силы, хотелось скорее увидеть, на кого лает собака. Когда до конца завала оставалось несколько поваленных деревьев, он увидел на сухой ели соболя. Зверёк спрятался за стволом дерева, из-за которого виднелась только его голова. «Проползу еще под двумя деревьями, – подумал Валентин, – и буду стрелять в голову, шкурку не испорчу». Неожиданно Пушок прекратил облаивать соболя, подбежал к хозяину, толкнул его передними лапами, давая понять, чтобы тот спешил к зверьку. Соболь воспользовался этим моментом, соскочил с дерева и убежал.

Темнота окутала тайгу, с трудом просматривались стволы рядом растущих деревьев, преследовать беглеца не имело смысла. Валентин своим следом полез под завалом, чтобы выходить домой по знакомой местности. Выбравшись из-под завала, решил развести костёр и дождаться утра. В карманах оказался снег, спички размокли и не зажигались. Он высыпал дробь из патрона и попытался выстрелом поджечь приготовленные сухие ветки. Патроны отсырели, и развести костер не удалось. Мороз заставлял двигаться, и он, засунув руки в карманы брюк, пошел в сторону профиля. Когда, наконец, выбрался на широкую просеку, у него уже не было физических и душевных сил, чтобы обрадоваться. Подозвал к себе Пушка и приказал:

– Домой!

Вокруг стояла кромешная темнота, о которой принято говорить: «хоть глаз выколи». Порой он не мог понять: идет вдоль профиля или поперек. В таких случаях кричал:

– Пушок, ко мне!

Щенок подбегал к нему и услужливо вилял хвостом.

– Домой! – произносил Валентин и шёл за ним.

Через несколько шагов собака исчезала из вида. Так продолжалось несколько раз, пока они не подошли к перекрестку. До посёлка оставалось пять километров. Валентин выбился из сил, ноги перестали слушаться, хотелось спать.

Споткнувшись о колодину, присел на нее отдохнуть и начал засыпать. Вскоре почувствовал, что его кто-то дергает за рукав. Открыв глаза, увидел перед собой тявкающего Пушка. Звуки голоса щенка с трудом доходили до его сознания. «Надо идти,» – подумал он, но не смог подняться с тяжелым рюкзаком. Снял с плеч ношу, вытряхнул содержимое, поднялся на ноги и побрёл в сторону посёлка. Когда подходил к бугру, на котором лежал штабель труб большого диаметра, темнота начала рассеиваться, наступало утро. Силы окончательно покинули его, упав на колени, ползком добрался до штабеля, ухватился за стенку трубы и с трудом поднялся на ноги. Про себя повторял слова: «Только бы дойти, только бы дойти». До вагончика оставалось несколько сот метров.

Оказавшись около вагончика, окоченевшими руками не смог открыть дверь. Собрав последние силы, он засунул ствол ружья в дверную ручку, взяв приклад подмышку, рычагом отворил дверь. На него повеяло теплом. Споткнувшись о порог, упал, оставив ноги за дверью.

Члены бригады гидронамыва, в которой работал Валентин, волновались, когда вечером он не вернулся с рыбалки. Чуть свет бригадир пошел к вагончику и нашел его лежащим на полу. С трудом втащил внутрь, раздел, уложил в постель, накрыл тремя одеялами и жарко натопил печь. Проспал Валентин ровно сутки.

Пушок

К следующему сезону охоты на пушного зверя Пушок возмужал и радовал Валентина своим чутьем и вязкостью.

После смены работники участка гидронамыва сидели за столом и ожесточенно стучали костяшками домино по столешнице. Валентин переодевался в охотничью одежду.

– Валя, садись к столу, будешь четвёртым, – пригласил его Виктор.

– Эта интеллектуальная игра не для меня.

– Почему интеллектуальная?

– Потому, что по умственному напряжению находится на втором месте после перетягивания каната.

– Садись с нами и докажи, что ты соображаешь лучше нас.

– Спасибо. Я не хочу дышать табачным дымом, лучше поброжу по лесу.

Валентин положил в карманы ветровки патроны, накинул на плечи рюкзак, взял ружье и вышел из вагончика. Из-под вагончика тут же вылез Пушок, подошел к хозяину и посмотрел на него умными глазами. В его взгляде чувствовался вопрос: куда пойдем? Валентин погладил его по голове и произнёс: «Ну, ты и хитрец. Когда выхожу из вагончика без ружья, лежишь и не шевелишься. Стоит выйти с ружьем, ты тут как тут». Пушок завилял хвостом, соглашаясь с мнением охотника. Вслед за Пушком из-под вагончика вылезли две его сестры. «Пускай побегают», – подумал Валентин и зашагал из посёлка.

Погода благоприятствовала охоте. Снегопада не было несколько дней, неглубокий снег лежал белым пушистым ковром среди сосен и кедров. Легкий морозец бодрил, дышалось легко, полной грудью. Валентин шел своим привычным шагом, чтобы не замёрзнуть и не перегреться. Он внимательно осматривал снежный покров, стараясь увидеть желанные следы. Собаки разбежались по тайге. Валентин решил идти в северном направлении, затем сделать полукруг и выйти к вечеру на профиль, проложенный с запада на восток. Его размышления прервал яростный лай Пушка за гривой, тянувшейся вдоль болота. «Неужели остановил лося,» – подумал Валентин и поспешил на лай, на ходу меняя дробовые заряды в ружье на пулевые. Когда перевалил гриву, увидел Пушка под старой ветвистой сосной со сломанной вершиной. Перейдя с бега на шаг, перезарядил ружьё и стал осторожно подходить к дереву. Собака, увидев хозяина, азартней залаяла. Можно было подумать, что на дереве находится её злейший враг.

Валентин долго всматривался в крону дерева со стороны собаки, но никого не заметил. Затем осторожно обошёл по кругу дерево, но зверька не увидел. «Надо проверить следы зверька», – решил он и начал обходить дерево, осматривая снег, на котором увидел свежий угонный след от дерева. «Неужели Пушок врёт», – подумал Валентин и издали взглянул на дерево. Его сердце радостно забилось. Через расщелину сломанной вершины увидел голову соболя. Осторожно подошел ближе к дереву и выстрелил. Тёмный комочек полетел вниз, ударяясь о ветки. Он подбежал к дереву и поймал добычу. Пушок в азарте прыгал к поднятой руке и старался схватить зверька. Подождав, когда собака успокоится, дал ей обнюхать соболя, гладил по голове и приговаривал: «Молодец, молодец, хороший пёс».

Валентин не мог уйти, не выяснив, почему от дерева идет угонный след, а соболь оказался на сосне. Он подумал: «Может быть, зверёк ушел с дерева, а потом вернулся». Любознательность заставила обойти вокруг дерева на приличном расстоянии. Оказалось, что к дереву тянулись два следа.

Около зарослей тальника с кромки кустов поднялся заяц и бросился наутёк. Валентин выстрелил, зайчишка замедлил бег, но не упал. На выстрел прибежал Пушок и помчался по следу зайца. «Мазила», – подумал про себя охотник и направился посмотреть след. Оказалось, что заяц убегал на трех лапах. Валентину пришлось продираться через заросли по следу. Когда вышел на небольшую поляну, увидел лежащего Пушка и около него зайца. Подойдя ближе, обнаружил, что у зайца нет головы. Пушок успел отгрызть ее и съесть. «Как тебе не стыдно!» – начал упрекать собаку, но осекся, подумав, что сам виноват в таком воспитании Пушка. Обычно на охоте Валентин всегда, свежуя зайца, голову и внутренности отдавал ему.

Выбравшись из зарослей тальника на гриву, поросшую хвойным лесом, Валентин услышал отдалённый лай собак. Пушок узнал голоса сестёр и умчался к ним. Охотник с хорошим настроением спешил на лай собак. Для него их концерт был лучше любой симфонии. «Хорошее потомство принесла Найда, – думал он, – не зря повязалась с кобелем хантов». Еще издали увидел собак под развесистым кедром. Осторожно подойдя к дереву, заметил соболя на толстой ветке у ствола дерева. У него мелькнула мысль: «Падая, зверёк не зацепится за ветки». После

выстрела подбежал к стволу дерева и поймал соболя, опасаясь, что молодые собаки могли испортить шкурку. Собаки бросились к нему, они топтались вокруг и радовались общей добыче. Подождав, когда успокоятся, протянул соболя к каждой и дал обнюхать. При этом ласковым голосом постоянно повторял: «Молодец, молодец». Затем посмотрел вокруг, надеясь найти валежину, чтобы присесть на неё, но поваленных деревьев не увидел. Тогда присел на корточки, погладил собак, развязал рюкзак, положил добычу и достал тушку зайца. Охотничьим ножом отрезал переднюю часть и разделил между собаками. Они должны знать, что их труд оценен. Каждая отошла в сторону и с хрустом стала поедать свою порцию. Пушок первым проглотил свою долю и посмотрел на хозяина, желая получить добавку. «Достаточно», – произнес Валентин и подал команду: «Домой».

2

Прошёл почти год. Приходит Виктор в вагончик и говорит Валентину:

– Около пульпопровода бродит лосиха с двумя телятами. Сходил бы ты, добыл одного лосёнка.

– Рано ещё охотиться на зверя, сезон не наступил.

– Мясо ходит рядом, а мы тушёнку едим.

– Схожу, посмотрю, кто там бродит, – ответил Валентин.

Он взял ружьё, положил в карман патроны, заряженные картечью, и вышел из вагончика. За ним увязались три лайки. Не успел Валентин дойти до места, как услышал злобный лай собак. Среди редких кустов тальника увидел двух медвежат, которых осаждали собаки. Подойдя на верный выстрел, стал целиться в медвежонка, но выстрелить не удавалось. Перед мушкой постоянно мелькали собаки. На земле увидел задавленных лосят. Один был почти полностью съеден, второй разорван. В охотничьем азарте он не подумал, что поблизости должна быть медведица, которая и съела одного лосёнка. Стоял и ждал удобного случая выстрелить.

Неожиданно Пушок оставил медвежат и бросился к хозяину. Кобель боком толкнул Валентина и проскочил мимо. Обернувшись, Валя увидел в нескольких метрах от себя стоящую на задних лапах медведицу готовую к прыжку на него. Он вскинул ружье к плечу и выстрелил. Пушок вцепился в заднюю лапу зверя, не дав ему сделать прыжок на хозяина. Её прыжок получился в сторону. Оказавшись на четырех лапах, она скрылась в кустах.

Два дня Валентин с приятелем ждали медведицу у задавленного лосенка, но она не пришла.

Обычный пожар

Мой приятель Валентин Петров, проработавший больше двадцати лет на нефтепромыслах севера Западной Сибири и покинувший милый сердцу край с

началом перестройки в стране, сохранил в своей памяти до мелочей многие события того времени. Страстный любитель природы, досконально изучивший повадки зверей и птиц, сказал мне: «События тех лет постоянно преследуют мою память, одни постепенно стираются из памяти, другие пережитые моменты становятся ярче до мельчайших подробностей». Вот что он рассказал мне об одном эпизоде.

Солнце жаркими лучами заливало болото и хвойный лес на гриве, примыкающей к буровой площадке. Нефтяники спешили воспользоваться хорошей погодой для сдачи в эксплуатацию разбуренных скважин. После завершения благоустройства на площадку должны заехать монтажники для установки нефтяных качалок. Валентин целый день занимался планировкой площадки. Его руки автоматически дергали рычаги управления бульдозером, ноги нажимали педали. Ему в голову пришла мысль, что он подобен автомату, приданному к тяжёлому трактору. Затем подумал о затянувшейся жаре: «Плохой нынче будет урожай ягод, кедровые шишки засмолятся не дозрев. Голодно будет в долгую сибирскую зиму зверушкам и птицам». Его размышления прервали мчавшиеся по трассе с большой скоростью два вездехода на гусеничном ходу. «Куда гонят с бешеной скоростью, – подумал он, – разобьют дорожные плиты». Через некоторое время по трассе прополз трелёвочник, оборудованный стрелой для установки опор ЛЗП. «Вот так надо ездить по дорожным плитам», – подумал Валентин, и его мысли вернулись к пролетевшим по трассе вездеходам. У первого вездехода выхлоп газа был выведен выше кабины, у второго выхлопные газы с искрами устремлялись к дороге. У Валентина закипела злость на нерадивого водителя: «Была бы моя воля, я выпорол бы его принародно за невыполнение приказа по переоборудованию боковых выхлопов. Вот из-за такой техники и возникают пожары». Постепенно его мысли переключились на повседневные заботы. «Надо будет выбрать время и сходить на Чертолу, – думал он, – выбрать сети и повесить на колья сушить».

Около амбара – котлована для слива шлама, который тянулся вдоль ряда качалок, Валентин остановил бульдозер. Он посмотрел на амбар, заполненный грунтовой водой с пленкой нефти на поверхности, и подумал: «Завтра постараюсь за день управиться с работой. Время смены закончилось, надо спешить на трассу, чтобы уехать в посёлок на попутной машине». Затем заглушил двигатель и спустился по скобам из кабины бульдозера на утрамбованный песок. Он оказался под палящим солнцем. Валентин окинул взглядом окрестности. Ему нравилось работать на этой буровой площадке, расположенной на опушке кедрового леса. С трех сторон площадки простиралось болото, за которым по гриве проходила дорога, покрытая железобетонными плитами, из посёлка к очередной буровой.

Валентин направился к трассе. Рабочая смена закончилась, скоро по дороге пойдут машины с дальней буровой. Дорога шла через болото по кромке леса. Он почувствовал привычный запах багульника и перепревшего торфа. Солнце клонилось к закату, гнус роем набросился на него. Из сухой травы недалеко от края дороги вылетела трясогузка. «Что, интересно, южанка делает в нашем краю?» – подумал он и пошел к месту, из которого вылетела птичка. На кочке среди сухой травы увидел гнездо с птенцами. Ему на лоб сел паут. Привычным

движением руки шлепнул ладошкой по лбу, убитого насекомого бросил к гнезду и подумал: «Вот почему птицы стремятся на север для гнездования – корма здесь предостаточно».

Выйдя на трассу, стал ожидать попутную машину. Комары и мошки на закате назойливо лезли в глаза и уши. Машины долго не появлялись на трассе, его начало одолевать беспокойство. Спустившись с дороги к болоту, умылся, сломил веточку вереска и начал отмахиваться от кровососов. Внимание привлекла белка, скачующая с кочки на кочку. Приглядевшись, заметил у нее в зубах довольно крупного бельчонка. В это время почувствовал смолянистый запах горящей тайги. Ему не раз доводилось попадать в огненные кольца лесных пожаров. Он поспешил на дорогу и направился к повороту трассы, за которым простиралось большое болото с чахлой растительностью и блюдцами небольших озер. Здесь чувствовалось легкое колебание воздуха и усиливающийся запах гари. Сомнений не оставалось – это пожар. Работая много лет на нефтепромыслах в районах Крайнего Севера, ему не раз приходилось видеть лесные пожары. Ускорив шаг, иногда переходя на бег трусцой, Валентин спешил добраться до довольно широкой реки Чертола. Озираясь по сторонам, он видел, что не одинок в бегстве. В густой траве, то в одном, то в другом месте, мелькали беличьи хвосты или заячьи уши. Боровая дичь, не закончив линьку, не могла подняться высоко в воздух и улететь от пожара. Птицы убегали короткими перелётами, бросив своё потомство. Валентин подумал, что зимой на охоте он был страшным врагом для дичи, а теперь в общей беде их шансы на выживание сравнялись. У зверей, пожалуй, шансов на выживание было больше. Они раньше добегут до реки и переплывут на другой берег.

Беглец скорее почувствовал, чем услышал отдалённый звук автомашины. Остановившись, стал прислушиваться. За поворотом дороги к нему приближалась машина. Только теперь он почувствовал сильную усталость во всем теле. Ноги стали ватными и с трудом передвигались. К нему медленно подъехала автомашина. За рулем сидел его друг по охоте Владимир. Поднявшись в кабину, Валентин хотел начать разговор, но Володя опередил его:

– Валя, я сейчас чуть не погиб.

– Что случилось?

– Около буровой при корчевке леса вспыхнул пожар. Он как метеор полетел по сухой траве и хвойному лесу. Я решил по трассе проскочить через пылающий лес. Первую гриву, на которой лес горел с обеих сторон, проскочил легко. Передо мной на дороге оказалась вершина поваленного дерева. Не сбавляя скорости, переехал через нее. Впереди горел лес на следующей гриве. Я стал тормозить машину, а тормоза не работали. Шланги тормозных пневматических камер порвались при переезде вершины дерева. Пришлось заглушить двигатель и остановить машину. Пожар бушевал впереди и сзади. Надо было бы вернуться на буровую, но на узкой дороге машину без тормозов не развернуть. Дым перехватывал дыхание, разъедал глаза, они слезились. Я завел двигатель и рванул через очередную полосу огня, с трудом видя ленту трассы. Когда машина выскочила на участок дороги, проходящей через болото, заглушил двигатель,

дождался, когда машина сама остановится, спустился с обочины к болоту и промыл глаза.

– Почему не воспользовался ручным тормозом и не вернулся назад?

– Валя, да разве ты найдешь хоть одну машину с исправным ручным тормозом, работающую в наших условиях?

Валентин промолчал. Владимир продолжал:

– Я подъехал к твоему бульдозеру, тебя в кабине не было. Среди огромного болота на площадке, отсыпанной песком, пожар не был опасен. Мне ничего не оставалось делать, как продолжить путь в посёлок. У меня даже мысли не возникло, что ты пешком отправился в поселок. И вот встретил тебя на дороге.

Неожиданно, за очередным поворотам дороги, они увидели медведя. Крупный бурый медведь стоял посредине трассы.

– Володя! Сбавь скорость, пусть уйдет.

Машина на малой скорости подкатывалась к зверю, а он не собирался уступить дорогу и пропустить её. Володя пошутил:

– Стоит как дорожный инспектор.

– Вот тебе как раз нужен инспектор, чтобы заставил ручной тормоз исправить.

Водитель заглушил машину на скорости, и она остановилась. Медведь не пытался освободить дорогу. Налюбовавшись им вдоволь, Валентин произнес:

– Спугни его с дороги.

Володя завел двигатель машины. Зверь не убежал, а поднялся на задние лапы и повернулся в сторону машины. Им оказалась медведица. На ее груди отчетливо виднелись соски. Она сделала несколько шагов в сторону машины и издала звук похожий на рык или тяжелый выдох. В зарослях тальника и камыша в стороне от дороги Валентин заметил движение. Вскоре среди осоки появились медвежата. Впереди с трудом пробирался через густую траву небольшой медвежонок. За ним следовал пестун, толкая носом и покусывая брата. Малыш неистово вопил, издавая звук, напоминающий визг поросёнка. Мамаша с высоты своего роста наблюдала за детьми и постоянно поворачивала голову в сторону машины. Когда семья объединилась, медведица повела детей по дороге от машины, затем свернула с трассы, и они скрылись в чаще леса.

Немного помолчав, Володя произнес:

– А ведь ты сегодня, Валя, сильно рисковал жизнью, отправившись пешком в посёлок. Неизвестно, как бы повела себя медведица, увидев тебя на трассе.

Подъезжая к мосту через Чертолу, Валентин и Володя увидели волчицу с выводком, перебегающих дорогу. Владимир сбавил скорость, давая возможность волчатам пересечь трассу. Он проводил взглядом убегающих зверей, а когда подъехал к месту пересечения ими дороги, взглянул в противоположную сторону и вскрикнул:

– Валя, смотри, еще один щенок барахтается в высокой осоке, наверное, до предела обессилел.

Валентин равнодушно махнул рукой и ответил:

– В природе спасаются и выживают сильнейшие. Этого завтра склюют вороны.

Володя выключил двигатель, машина остановилась. Он выскочил из машины и побежал к волчонку. На ходу крикнул:

– Валя, помоги поймать зверёныша.

Поймать волчонка в густой траве больших трудов не составило, и вскоре он оказался завернутым в куртку. Таежный житель отчаянно сопротивлялся, скалил зубы, пытался укусить за руку. Замотанный в куртку успокоился и притих, спрятал нос глубже в рукав куртки, признав свое поражение.

Когда машина тронулась с места, Валентин, прижимая к себе пленника, спросил:

– Зачем тебе волчонок?

– Приручу, будет хорошим сторожем.

– Разве ты не знаешь, что волка трудно приручить. При любом удобном случае он убежит.

– Знаю. Посажу на цепь, ни одна деревенская собака во двор не зайдет.

К месту работы Валентин возвращался через неделю. Из-за сильной задымленности работать было невозможно. Вдоль трассы тянулась печальная картина: деревья стояли с обгоревшими кронами и ветками, похожими на головешки, многие были повалены. Пожар выжег траву и подстилку в лесу на гривах около болот. Он вспомнил весеннее цветение кедров, их кроны, как туманом, покрывал сиреневый цвет. По лесу разносилось птичье пение. Пернатые радовались наступлению весны и исполняли серенады на разные голоса. Поползни обследовали стволы деревьев, иногда спускаясь по стволу вниз головой. Валентин думал о том, что не скоро здесь восстановится растительность, а тем более, появятся звери. По своему опыту знал, что на гарях первым зацветет кипрей, заполонив солнечные поляны. Из животного мира первыми появятся мыши.

Валентин вышел из машины-вахтовки на перекрестке трассы и дороги, ведущей к площадке группы качалок. Болото пожар не тронул. Лес, подступающий к болоту, стоял с обуглившимися стволами в печальном трауре. В воздухе ещё чувствовался запах гари. Слышались гортанные крики воронов. Они созывали соплеменников на пиршество. Валентин помнил этот лес с густыми кронами кедров, которые служили убежищем для разных птиц и зверушек. Теперь все обитатели леса, не успевшие спастись, погибли.

Проходя мимо места, где встретил трясогузку, решил посмотреть на гнездо. В нём лежали мёртвые птенцы. Его душу охватила скорбь не только по птенцам, но и по всему, что наделал пожар. Он вспомнил выводок рябчиков, который встретил в лесу незадолго до пожара. Из-под его ног в разные стороны разлетелись птенцы-хлопунцы. Они еще как следует не оперились и не могли подняться на деревья. Удирали короткими перелетами. Валентин замер и стал наблюдать, ему хотелось услышать голос матери, которая должна собирать свой выводок. Мамаша голоса не подавала. Валентин стал внимательно осматривать поверхность земли и увидел

гнездо, в котором притаившись сидела рябчиха. «Какая ты молодец, – подумал он, – не успела воспитать один выводок, а уже высиживаешь второй». От этих воспоминаний на душе стало еще тоскливее.

Бульдозер стоял невредимым, покрытый слой пепла. В амбаре увидел погибших белок, соболей, зайцев и полярных мышей – леммингов. Зверьки, спасаясь от пожара бегством, стремились на свободную от пожара площадку, и попали в ловушку, приготовленную людьми. С тяжелым чувством на душе Валентин приступил к работе.

Дед Фишка

Бригада гидронамыва после смены сидела за столом в тени вагончика – кухни в ожидании ужина. Люди отмахивались от надоедливых комаров, к которым хотя и привыкли за долгие годы работы в Васюганских болотах, но садиться на лицо не допускали. Стояла середина северного лета. Солнце нещадно палило как на курортах средиземноморья. За последний месяц не было ни одного дождя.

Повариха Елена Владимировна стучала посудой на кухне. Мужчины обменивались мнениями о предстоящей работе, подшучивали друг над другом.

– Что-то Валентин задерживается к ужину, – прошамкал Фишка беззубым ртом.

– Ты когда вставишь зубы? – спросил Володя Багер, корчась от боли.

– Как только выйду на пенсию, уеду к себе в деревню и вставлю золотые зубы.

– Золотые вставлять не советую, – сказал Андрей, – времена сейчас такие, что выбьют и сдадут в металлолом.

– Кто меня тронет, дня не проживет.

– Это, конечно, мы знаем, какой ты Илья Муромец.

– Все знают, что у меня в кармане вошь на аркане и блоха на цепи.

На лицах всех присутствующих появились улыбки.

Дед Фишка был невысокого роста, щуплый и вертлявый старикашка. Работал машинистом земснаряда. До пенсии ему оставалось чуть больше года. В молодости толи имел отсидку, толи был связан с жульем. Об этом он не рассказывал, но любил вставлять жаргонные выражения, чтобы, как ему казалось, поднять свой авторитет. Он всегда на смену привозил много пачек чая и в ночную смену чтобы не уснуть, заваривал в кружке целую пачку чая и чифирил. Над ним вечно подшучивали. Несколько раз в «чифир» наливали касторку, но она на него не произвела действия.

– Володя, ты зачем зубами скрипишь? – спросил Фишка.

– Радикулит замучил.

– Вылечу, массаж сделаю, и как рукой снимет.

В это время к столу подошел Валентин, снял рюкзак и вынул из него кусок челюсти доисторического животного с тремя зубами диаметром больше десяти сантиметров, почерневшими от времени.

– Ты зачем принес эту пакость? – спросил Володя и поморщился.

– Это для Фишки. Пусть зубы вставит.

Все дружно засмеялись.

– Хватит ржать, – произнес Фишка. Обращаясь к Володе, предложил:

– Пойдем в вагончик, радикулит лечить.

«Надо попробовать, – подумал Володя, – а вдруг вылечит?» И последовал за Фишкой.

В вагончике Фишка сказал:

– Раздевайся донага и ложись на кровать..

– Зачем донога?

– Так надо!

Дед сначала несколько раз погладил спину ладонями. Затем большими пальцами стал разминать позвонки и массировать спину.

– У тебя есть какой-нибудь крем? – спросил Фишка.

– Нет.

На столе стояло средство от гнуса. Фишка помазал им спину и стал растирать. Володя почувствовал жжение спины, но терпел. Лекарь, наливая деметилфтолат на ладонь, нечаянно плеснул жидкость между ягодиц пациента. Володя, как ужаленный, с криком соскочил с кровати. Фишка мгновенно юркнул в дверь. Володя с криком: «Убью», – схватил ружьё и выскочил следом. Лекарь и больной бегали вокруг вагончика. Рабочие, сидящие за столом, покатывались от смеха. Повариха чуть не выронила из рук бачок с едой, глядя на голого Володю. На очередном круге вокруг вагончика Володю схватили и отобрали ружье. Валентин переломил двустволку, ружьё было не заряженное.

– Ты что творишь? – спросили Володю.

Вместо ответа Володя стал делать наклоны туловища в разные стороны, затем произнес:

– Вроде бы отпустило.

Фишка, выглядывая из-за угла вагончика, прошамкал:

– Я же говорил, что вылечу.

Коряга

Весной, когда болота промерзли за длительную северную зиму, участок гидронамыва переезжал на новое место для намыва песка для очередной буровой вышки. Зимой бульдозером несколько раз очищали снег с будущей дороги, чтобы глубже проморозить основание. Когда очередь подошла грузить на сани вагончик

Валентина, у него все вещи были уложены по-походному. Он даже затащил в вагончик небольшую деревянную лодку, называемую веткой.

Весна оказалась дружной, солнце ярко светило с голубого небосвода, снег быстро оседал, на болоте появились проталины. В воздухе слышался крик гусиных стай и шум крыльев пролетающих табунов уток. Глаз радовали турухтаны, разгуливающие в разноцветном оперении около каждой лывы на болоте. У Валентина не было времени сходить на весеннюю охоту. Он не мог бросить товарищей в период подготовки земснаряда к работе. «Начнет земснаряд намывку песка, – думал он, – обследую окружающую местность». . .

Валентин перекинул через плечо веревку, привязанную к ветке, и потащил лодку по моховому болоту, заросшему карликовыми березками и ивами. В лодке лежали сеть и весло.

– Валя, давай помогу лодку донести до озера? – крикнул вдогонку Володя.

– Не надо, тащить легче, чем нести на плечах.

Хотя тащить лодку было нетрудно, он остановился на высоком торфяном бугре и сел на борт лодки. Вдыхая полной грудью воздух, насыщенный запахами болота, багульника и других растений, осматривал окружающую местность. Вдали черной полосой поднимался кедровый бор, со всех сторон блестела на солнце вода, заполнившая все пониженные места. Опираясь на весло, Валентин поднялся и направился в сторону ранее разведанного им озера. Его путь преградило неглубокое плёсо. Столкнув лодку на воду, сел в неё и переплыл на противоположный берег.

Около озера растительность сменилась. Его берега окружал кочкарник, заросший осокой. У уреза воды росли кусты тальника. Валентин достал из ножен охотничий нож и срубил две равные длинные ветки, обрубил побеги и заострил толстые концы. Положил тычки в лодку, удобно уселся и отплыл от берега. «Надо проверить глубину, – решил он, – и выбрать место для постановки сети».

Глубина озера оказалась около двух метров. «Рыба должна водиться, – подумал Валентин, – зимой вода до дна не промерзает». Воткнул одну тычку около куста тальника, нависающего над водой, привязал к ней сеть. Затем, работая одной рукой веслом, стал отплывать от берега. Второй рукой опускал сеть в воду. В тридцати метрах от берега поднялся на ноги, поднял над водой верхнюю тетиву, убедился, что сеть не запутана, сел в лодку и воткнул в илистый грунт дна озера вторую тычку. Привязал к ней сеть и поплыл к берегу.

Выйдя на берег, задвинул лодку в кусты и отправился домой. На душе было радостно и тревожно. «Какая рыба водится в озере? – думал он, – и попадет ли в сеть?»

Проснувшись рано утром, Валентин не дожидаясь завтрака, поспешил к озеру. Ему не терпелось увидеть улов. За ночь разгулялся ветерок. Он дул от берега. «Надо вынимать сеть от дальней тычки, иначе лодку унесет в озеро, и сеть запутается», – мелькнула у него мысль.

Подплыв к концу сети, Валентин решил проверить сеть, вынуть из нее рыбу, а затем уже ее снять. Приподнимая сеть над водой, увидел окуня. Выпутывая его из сети, уколол палец, но это не испортило его хорошего настроения. Первая пойманная рыбка всегда доставляет радость. Подтягивая лодку за верхнюю тетиву,

он выбирал крупных окуней и бросал на дно лодки. Они подпрыгивали, сверкая красными плавниками, не желая мириться с потерей свободы. Неожиданно сеть зацепилась за что-то и не поддавалась дальнейшему вытягиванию. «Коряга», – подумал рыбак, взял в руку весло и стал грести на ветер. Сеть не отцеплялась. Тогда начал грести в противоположную сторону. Результат тот же. «Придется рвать сеть», – решил он и двумя руками стал тянуть сеть. Она поддалась его усилиям, и коряга медленно приближалась к лодке. Вместо коряги около лодки оказалась огромная щука. Он обомлел: черное с пятнами бревно открыло пасть, в которую могла поместиться крупная утка, темно-зеленая голова казалась обросшей мхом. Она зубами зацепилась за сеть и пыталась ее выплюнуть. Видимо хотела схватить небольшую рыбешку, которая проскочила через ячею, а у нее во рту осталось полотно мережи. Острые длинные зубы не позволяли освободиться от сети. Щука, оказавшись у поверхности воды и увидев лодку с рыбаком, ударила хвостом по воде как лопатой и с такой силой рванулась в глубину, что Валентину пришлось выпустить тетиву из рук, чтобы не опрокинуть лодку. «Вот это крокодил», – подумал Валентин и пересел с беседки на дно лодки, чтобы сидеть устойчивее и не вывалиться в воду. Затем веслом достал верхнюю тетиву, перебирая пальцами сеть, приподнял нижнюю тетиву. Осторожно поднимая сеть, сумел завести нижнюю тетиву под щуку. На спине появился пот, руки слегка дрожали. «Теперь не уйдет», – подумал с облегчением и подтянул рыбину к лодке. Она вновь рванулась в глубину и пошла под лодку, сильно накренив ее. «Сейчас перевернет лодку», – мелькнула у рыбака мысль, и он выпустил сеть из рук. Сколько времени он мучил щуку, не помнит. Наконец измученная рыбина сдалась и позволила подтянуть её к лодке, но туго натянутая тетива не позволяла вытащить рыбину в ветку. Щука шевелила огромными жабрами и злыми глазами смотрела на обидчика. Валентин одной рукой держал сеть, второй дергал тетиву, стараясь вырвать тычку из илистого дна озера. Наконец его усилия увенчались успехом, талина всплыла на поверхность воды, натяжение сети ослабло. Он подтянул рыбину вплотную к лодке и начал переваливать через борт. Ветка накренилась, щука рванулась со всей силой, лодка зачерпнула воду. Валентин успел перевалить через борт добычу. Большая часть пойманных окуней оказалась в озере. Остальные плавали в залитой водой лодке. Щука била хвостом, обдавая рыбака брызгами. Он сидел почти по пояс в воде. Холодная вода обжигала тело. Весло, лежащее в лодке за спиной Валентина, ветер угонял в озера. Оправившись от испуга, начал подтягивать лодку за сеть к берегу. В сети попадались окуни, которых он вместе с сетью опускал в залитую водой лодку. Оказавшись около куста тальника, держась за его ветки, осторожно поднялся на ноги и переступил через борт лодки в воду. Подтащив лодку к берегу, долго смотрел на запутанную в сети щуку. «Такого крокодила я еще не видел», – думал Валентин.

Ловля окуней

На очередную вахту Виктор летел в приподнятом настроении. В чехле у него лежали два телескопических удилища. Под вертолетом простирались Васюганские болота. В любую сторону, куда ни глянь, всюду болота и озера с островами хвойного леса среди них. «Посмотрим теперь, – думал он, – кто больше рыбы будет ловить – я или Валентин. . .»

– Ты куда собираешься? – спросил Виктор Валентина Петрова.

– Схожу поудить окуней.

– Возьми меня с собой?

– Ты же никогда рыбалкой не увлекался, – удивился Валентин.

– Я привез дождевых червей и настоящие удилища, хочу их опробовать.

– Пойдем, вдвоем будет веселее.

Они остановились около ручья, впадающего в озеро, берега которого заросли тальником. Устье ручья проходило между торфяными берегами, заросшими сфагновым мхом. Стоит только наступить на такой покров, как из-под мха выступает вода. Чистая вода ручья, впадая в озеро, перемешивалась с коричневой водой водоема. Эта смесь напоминала слабо заваренный чай. Ручей нес в озеро погибших насекомых и разный мусор. В мутной воде раздавались всплески, и насекомые исчезали под водой. «Вот туда, подальше от берега, надо забрасывать крючок с наживой», – подумал Виктор и стал основательно готовиться к рыбалке. Он срезал ножом четыре ветки с рогульками. Две высокие воткнул у воды, две подальше от воды рогульками вниз для удержания удилищ. Размотал удочки, насадил на крючки червей и забросил наживу подальше от берега. Поставил удилища на рогульки и стал ждать поклевки.

Валентин тем временем срубил ветку для удилища, привязал леску с крючком и стал смотреть под ноги, ища насадку для крючка. Его внимание привлекла шкурка высохшей клюквы. Он насадил ее на крючок и, подняв удилище, провел наживой по поверхности воды. Моментально раздался всплеск, леска натянулась, удилище согнулось в дугу. Сделав подсечку, Валентин выдернул из воды окуня. Полосатый красавец с красными плавниками запрыгал у его ног. Взяв окуня в руку, умелым движением крючка вынул глаз и насадил его на крючок. Рыба хватала наживу, едва она успевала скрыться под водой.

Виктор с завистью смотрел на прыгающих окуней в сыром моховом покрове и удивлялся, почему поплавки его удочек спокойно лежат на поверхности воды.

Валентин заметил состояние товарища и предложил:

– Вынь удочку из воды – заменим насадку.

Виктор незамедлительно последовал его совету. Валентин отрезал передний плавник окуня с кусочком мяса, насадил его на крючок и произнес:

– Закидывай.

Едва нажива попала в воду, как вокруг нее закипела вода. Поплавок исчез с поверхности воды, а удилище согнулось в дугу. Виктор не смог рывком выбросить добычу из воды на берег. Он долго вываживал крупную рыбину. Она уходила на глубину, металась из стороны в сторону. В это время

поплавок второй удочки ушел под воду. Виктор сделал подсечку. Леска оказалась запутанной с первой удочкой.

Когда рыба устала сопротивляться, она дала подвести себя к берегу. На крючке оказался килограммовый окунь.

Валентин вытаскивал из воды окуня за окунем, пока Виктор распутывал лески. Он понял, что в здешних условиях нужна удочка с коротким удилищем и короткой леской.

Случайная встреча

Стояли последние теплые дни сентября. Валентину не хотелось сидеть в душном вагончике. На смену ему заступать вечером. Он взял ружье, положил в карман ветровки десяток патронов, заряженных дробью, и вышел на улицу. «Пройду по профилю до болота, посмотрю готовность клюквы для сбора, а по дороге, может быть, стрельну рябчиков», – решил он и зашагал по дороге, покрытой бетонными плитами. Когда дорога пересекла профиль, тянувшийся с севера на юг, он свернул в южном направлении.

Вдоль дороги с правой стороны стояли вековые кедры. Их стволы невозможно обхватить руками одному человеку, а густые развесистые кроны смыкались высоко над землей и создавали вечную тень и мрак в бору. Под кедрами не росла трава и подлесок. На хвойной подстилке кое-где зеленела невысокая травка. В этом лесу находилось токовище глухарей, но Валентин не любил заходить вглубь кедрача. Он чувствовал себя неуютно в мрачном и хмуром бору. Поглядывая на кедры, Валентин надеялся увидеть глухаря. Так он дошел до поперечного профиля и повернул по нему на восток. С левой стороны громоздился завал высотой в несколько метров из выкорчеванных деревьев. За завалом раскинулось болото, на котором росла клюква. Он шёл и поглядывал на завал, ища разрыв для прохода на болото.

Неожиданно его собака бросилась сзади ему под ноги. Он развернулся, намериваясь её пнуть, но нога повисла в воздухе. За ним шёл черный медведь с белым пятном на груди. Валентин увидел у остановившегося зверя свирепую морду и злые глаза. Неоднократные встречи с бурыми медведями оставили другое впечатление: их морды казались добродушными, а глаза удивлёнными и любопытными.

Потихоньку отступая от медведя, Валентин спустился в ложок, из которого зверя не было видно. Когда поднялся из ложка на противоположную сторону, медведь уже был в низине. Пройдя метров тридцать, Валентин встал за толстое дерево и достал из-за пояса топорик. Дождавшись появления зверя на профиле, закричал неистовым голосом и поднял топорик. Медведь в несколько прыжков перескочил завал и скрылся за ним. Валентин чувствовал себя как после тяжелой работы: руки дрожали, сердце учащенно билось. Он не мог понять, почему медведь преследовал

его. Год был урожайный, бескормица ему не грозила. Скорее всего, он хотел выгнать человека из своих угодий.

Валя вспомнил недавнюю встречу на этом профиле, возможно с этим медведем. Он шел по профилю, заросшему малиной, в западном направлении. Взлетевшие рябчики уселись на дереве. После выстрела из малинника в десяти метрах от охотника выскочил спавший там медведь и помчался в лес.

Неожиданная встреча

Ранним утром Валентин шёл берегом реки Моховой. Через редкие заросли тальника на поверхности воды просматривались желтые кувшинки. Они успели проснуться после прохладной ночи, и, согревшись под лучами солнца, начали распускать бутоны. Вдоль реки тянулись густые заросли пихтача. Стройные высокие пихты наперегонки тянулись к небу. «Вот из такого строевого леса в старину делали мачты парусных кораблей», – подумал Валентин. Его взгляд блуждал по деревьям, разыскивая рябчиков. Вскоре пихтач сменил густой сосновый лес. Стволы деревьев толщиной больше чем в обхват не имели сучьев в нижней своей части. Хвоя зелеными шапками накрывала вершины деревьев. Под ногами землю покрывал чистым светлым ковром ягель.

Еще издали охотник заметил на вершинах деревьев рябчиков. Осторожно подкрался к ним и, стоя за стволом дерева, выстрелил. Сидящая ниже всех птица упала на землю, остальные продолжали сидеть. Сбив четырех рябчиков, выстрелил в пятого, сидящего немного дальше, но он продолжал сидеть. «Дробь не долетает», – решил Валентин и зарядил ружье картечью. Поднял ружье и тут же опустил, решив, что четырех рябчиков ему хватит, а патроны надо беречь. Вышел из-за дерева и направился к добыче. Рябчиков с деревьев как ветром сдуло. Положил птиц в рюкзак, посмотрел на солнце и задумался.

Возвращаться вдоль реки к мосту и ждать попутную машину не хотелось. Он определил направление к поселку и пошел напрямую. За сосновым массивом перешел небольшое болото, за которым по пихтачу тянулся профиль, прорубленный когда-то геодезистами. На кочках и вокруг старых пней краснела крупная брусника. Валентин присел и начал собирать ягоды. В какой-то момент он поднял голову и посмотрел в лес. От увиденной картины замер. Рука с брусникой повисла в воздухе. Недалеко от него среди пихт стоял табун лосей. На переднем плане лосиха облизывала тогуша. «Лосенку около шести месяцев, – подумал Валентин, – а лосиха ведет себя как с новорожденным». Налюбовавшись семейной идиллией, продолжил сбор ягод. Слабый ветерок, изменивший направление, предупредил животных об опасности, и они мгновенно исчезли за деревьями.